

КРИСТОФ АГИТОН

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ГЛОБАЛИЗМ

Новые мировые движения протеста

МОСКВА
ИЛИЗ

*Перевод с французского Е. Константиновой и Е. Кочетыговой
под общей редакцией Ю. Марковой*

*Перевод выполнен при финансовом содействии Министерства
культуры Франции – Национального книжного центра
Ouvrage publié avec le concours du Ministère français chargé
de la culture – Centre national du livre*

Часть «Ч»
СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ
АНТИБУРЖУАЗНАЯ МЫСЛЬ

*Общая редакция Сергея Кудрявцева
Научный консультант Александр Тарасов*

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Встреча министров стран – членов ВТО, прошедшая в мексиканском Канкуне в сентябре 2003 года, закончилась ничем. На этой встрече сорвался новый раунд переговоров о свободе торговли в области сельскохозяйственных товаров, услуг и инвестиций. Эти поражения мощного международного института наряду с неудачей США в Ираке показывают, настолько остры конфликты между промышленно развитыми странами – гегемонами либеральной глобализации. Но они также свидетельствуют о нарастающей силе альтерглобалистского движения, выступающего за социальную глобализацию, то есть за то, чтобы глобальная экономика служила человеку, а не человек – глобальной экономике.

Альтерглобалистское движение родилось в богатых странах, в частности в США, поскольку именно там началась новая фаза капиталистической глобализации. Сначала движение развивалось среди молодежи, но очень быстро к нему присоединились представители других социальных групп. При этом мы наблюдаем сближение очень разных сил. Здесь встречаются и находят общие темы для сотрудничества новые социальные движения и традиционные организации, представители стран Севера и Юга, Востока и Запада. В движение включаются самые угнетенные, о чем свидетельствуют всемирные социальные форумы, прошедшие в бразильском городе Порту-Алегри и в индийском Мумбае (Бомбее). В них приняли участие такие непривычные для многих организации, как Движение безземельных крестьян Бразилии или Движение неприкасаемых Индии.

Ситуация на Востоке несколько иная. По сравнению с тем, что происходит в Латинской Америке, Европе или даже Индии, социальные движения здесь еще находятся в фазе становления. Но в то же время события последних лет, в частности так называемая шоковая терапия по рецепту МВФ в России, социально-регрессивные реформы и финансовый кризис августа 1998 года, показали, что корпоративная глобализация постепенно поглощает все страны мира. Поэтому и общественные организации Восточной Европы начали заниматься проблемами, связанными с глобализацией. Социальные форумы затронули многие страны — от Венгрии до России, и все больше и больше местных активистов приезжает на международные встречи, включаясь в движение против капиталистической и корпоративной глобализации.

Становление либерального капитализма в России имеет свою специфику, связанную с недавней историей страны. В данном случае стоит сказать о реставрации капитализма, а не о его развитии, о консервативной революции, а не просто о «социальной трансформации». В конечном итоге обыденным явлением российской действительности стали тесная связь государства и организованной преступности, концентрация основных средств производства в руках очень ограниченного количества людей, бедность большинства населения и т.п. Преобразования в России имеют большое значение для всей международной ситуации: ведь крушение СССР и ускорение процесса либеральной глобализации шли параллельно.

Поэтому социальным движениям Америки, Азии и Африки нужно знать российские реалии. Интересно и полезно, например, больше узнать о борьбе трудящихся против приватизации или против нового либерального кодекса законов о труде, о протестах внутри страны против войны в Чечне. В то же время российское движение может извлечь большую пользу от обмена опытом с новыми движениями протеста.

Я знаю, что российское социальное движение испытывает большие трудности и в материальном плане, и в плане политического и экономического давле-

ния со стороны работодателей и крупных собственников. Мне довелось познакомиться с активистами некоторых российских общественных организаций — членами новых свободных профсоюзов, радикальными экологистами, левыми интеллектуалами и художниками, радикальной левой молодежью, участниками женских организаций и местных «антиглобалистских» организаций типа АТТАК-Москва. И это знакомство убедило меня, что несмотря на то, что их мало (я уверен, что только пока), эти активисты решительно настроены против глобального капитализма. Они очень хорошо понимают губительные последствия тенденции к концентрации капиталов в современной экономике. Учитывая трудности, с которыми они сталкиваются в России, их активность заслуживает самого большого уважения. Я очень надеюсь, что им удастся наладить взаимодействие друг с другом и с международными альтерглобалистскими организациями. Контакты с другими движениями и обмен опытом и знаниями откроют российским активистам новые возможности и будут способствовать созданию новой политической культуры.

Международные связи играют еще одну важную роль: они позволяют понять многообразие мира и избежать национализма. Капиталистические правительства, в том числе российское, используют национализм и межнациональную рознь для укрепления своей власти и манипулирования массами. Борьба против отдельных наций, например, против американцев или чеченцев, значит не понимать подлинных причин собственной бедности или постоянной угрозы деклассирования. Проблемы возникают не из-за «плохих американцев» или «кавказцев», но из-за способа распределения общественного продукта, поэтому именно капиталистическая глобализация, порождающая бедность, оказывается источником межнациональной ненависти. Принять националистическую точку зрения значит подчиниться капиталистической идеологии. Альтерглобалистское движение предлагает другой путь — путь совместной борьбы угнетенных масс Запада и Востока, Севера и Юга против своих

настоящих угнетателей, то есть не тех или иных наций, а капиталистов и правящих кругов этих стран. Альтерглобалистское движение стоит на жестких интернационалистических принципах, и мне кажется, что именно эта точка зрения полезна для развития массового левого движения в России.

Если эта книга сможет помочь русскому читателю лучше понять социальные реалии тех стран, о которых в ней говорится, понять смысл международной борьбы, ее цели и принципы, то моя цель будет достигнута. Если к тому же она поможет обрести надежду, что международная солидарность — не пустой звук и что социальный прогресс общества — реальность, зависящая от наших конкретных действий, то я буду этому искренне рад.

*Кристоф Агитон,
Париж, ноябрь 2003 г.*

ОТ СИЭТЛА К ПОРТУ-АЛЕГРИ

Вашингтон

Вечером 30 ноября 1999 года главной темой телевизионных новостей всего мира стало совершенно неожиданное событие в Соединенных Штатах: в Сиэтле демонстранты блокировали зал заседаний, где должна была состояться генеральная ассамблея Всемирной Торговой Организации (ВТО), одного из самых влиятельных международных институтов. Решимость и многочисленность манифестантов, а также неподготовленность полиции заставили американские власти объявить чрезвычайное положение.

Четыре месяца спустя, 16 апреля 2000 года, события развивались по схожему сценарию. Местом действий на этот раз оказался Вашингтон. Причиной манифестаций стала недостаточная гласность «весеннего собрания» Международного Валютного Фонда и Всемирного банка, двух мало известных общественности финансовых организаций.

Именно с этого мы и начнем.

В этот день появились движения, которые будут оказывать значительное влияние на будущее мира. Грядет другая глобализация. Она хаотична и иногда противоречива. Но это только начало.

В 6 часов утра 16 апреля 2000 года улицы Вашингтона заполнились живописной толпой, необычной даже для солнечного воскресного дня.

Около 10 тысяч демонстрантов собрались на охранявшейся полицией большой площади, где расположены Белый дом, а также штабы Всемирного банка и МВФ. Каждый знал, что ему следовало делать. В основе движения были «неформальные группы», объединяющие активистов очень разных направлений, от

компании университетских друзей до экологистского движения того или иного города, не считая «летучих тигров» или «pom-pom girls radicals». Некоторые группы, чьи активисты были готовы к аресту, блокировали перекрестки и улицы. Места действия распределялись заранее, и даже активисты, не знавшие города, не могли ошибиться: Вашингтон, как и другие американские города, имеет прямоугольную планировку: проспекты с номерами от одного до десяти пересекаются с улицами, пронумерованными схожим образом. Другие группы, такие как «летучие бригады», обходили заграждения, чтобы быть начеку и в случае вмешательства полиции создавать массовку. Одни участники приехали в раскрашенных повозках, другие — в составе оркестра или хора.

Осведомленные о планах манифестантов, американские власти обратились к делегациям стран, желавших участвовать в ассамблее МВФ и Всемирного банка, с просьбой приехать к 5 часам утра. Но часть делегатов, начиная с министра финансов Франции Лорана Фабюса, прибыла слишком поздно и под радостные крики активистов была вынуждена отступить.

Акцию организовала DAN¹, организация, специально созданная для подготовки манифестации в Сиэтле 30 ноября 1999 года.

¹ Direct Action Network —
Сеть прямого действия
(англ.).

Главной задачей этой гибкой структуры при подготовке демонстрации 16 апреля в Вашингтоне было формирование организованных групп из людей, приехавших со всей территории Соединенных Штатов, особенно с Восточного побережья, и незнакомых друг с другом. Для этого несколько раз в течение двух предшествовавших дней DAN проводила собрания представителей неформальных групп, так называемые spoke-councils, необходимые для закрепления за каждым определенной территории и функций и для организации обучения тактике ненасильственной борьбы.

Каждый раз на таких собраниях присутствовало несколько сот человек. Для того чтобы избежать вмешательства полиции, людей предупреждали в самый последний момент — для этой цели отлично подошли

сотовые телефоны. Речь не шла о том, чтобы скрывать от полиции место проведения собраний: они все проходили в церквях, расположенных в одном и том же районе. Но необходимо было действовать быстро, чтобы у полиции не нашлось законного предлога для вмешательства. К примеру, 15 апреля почти 600 человек задержали потому, что они находились вблизи места, где собрались прибывшие в столицу активисты, возле «центра конвергенции», — полиция объявила здание, где проходило собрание, не соответствующим требованиям пожарной безопасности.

В собраниях не участвовал ни один человек старше 30 лет, за двумя исключениями: случайно забредших туда редких иностранцев и представителей АФТ-КПП². Последние присутствовали для координации действий: «В Сиэтле профсоюзы и DAN участвовали в демонстрации раздельно, не согласовывая свои действия. В Вашингтоне нужно действовать совместными усилиями и организовано». На самом деле АФТ-КПП привлекли к участию в манифестации 16 апреля лишь в самый последний момент, и реально присутствовали только наиболее левые и активные профсоюзы. В первых рядах официальной манифестации, насчитывавшей более 20 тысяч демонстрантов, были рабочие сталелитейной промышленности, многочисленные уже в Сиэтле, и CWA³, шедшие вместе с руководством АФТ-КПП Пуэрто-Рико (те, кто организовал на острове всеобщую забастовку против приватизации средств связи). Были заметны члены Jobs with Justice, первичной организации, созданной профсоюзными активистами для поддержания связей со студенческими движениями, а также с движениями безработных и временных рабочих. Как и было предусмотрено в ходе координационных собраний, эти манифестанты присоединились к активистам, которые продвигали блокировать доступ к залам заседания МВФ и Всемирного банка!

² Американская федерация труда — Конгресс производителей профсоюзов (крупнейшее профобъединение США).

³ The Newspaper Guild-Communications Workers of America, TNG/CWA — профсоюз работников телекоммуникационного сектора Америки, крупнейший в США профсоюз работников газетной индустрии с 65-летней историей. Насчитывает около 30 тыс. членов. — *Примеч. перев.*

Демонстранты в Вашингтоне очень походили на тех, кто 4 месяцами ранее выступал в Сиэтле и блокировал вход в зал заседаний, где проводилась генеральная ассамблея ВТО, и руководствовались схожими мотивами. В обоих случаях удивление вызывало большое количество молодежи, чего в Соединенных Штатах не наблюдалось с окончания Вьетнамской войны, и участие профсоюзов, тем более поразительное, что и в 1968 году, и во всех остальных антивоенных протестах, которые мобилизовывали американскую молодежь, профсоюзы оставались неукоснительно верными власти.

Для того чтобы понять причину этой мобилизации, нужно обратиться к американским реалиям, в особенности к профсоюзному перелому, знаковым событием которого стал октябрьский съезд 1995 года, когда, вопреки мнению предыдущей команды, президентом АФТ-КПП был избран Д. Суини (J. Sweeney).

Однако необходимо понимать, что речь идет о гораздо более масштабном явлении: манифестации и массовые выступления в Сиэтле и Вашингтоне вошли в резонанс с мобилизацией и движениями, возникшими в мире в противовес тому, что у нас во Франции получило название «либеральной глобализации», а в Америке — *corporate globalization* (корпоративной глобализации), то есть «глобализации на службе крупных корпораций».

Уже несколько лет собрания «Большой семерки» сопровождаются крупными выступлениями за отмену долга стран «третьего мира»: в июне 1998 года в Бирмингеме около 80 тысяч человек ответили на призыв коалиции «Юбилей 2000» (Jubilee 2000), которая зародилась в Великобритании, но распространилась по всему миру.

Другие активисты, настроенные более радикально, также поняли, какое символическое значение представляет ежегодный саммит самых богатых стран мира. Так, 18 июня 1999 года организация «Reclaim the Streets»⁴, тоже созданная в Великобритании, провела в Лондоне акцию, направленную против мировых фи-

нансовых институтов. Движение, состоящее из более чем 10 тысяч молодых людей, прорвало сопротивление полиции и проникло в сердце Сити, чего не было с 1850 года.

Огромный успех, сначала во Франции, а затем и во многих других странах, завоевало движение АТТАК⁵. Эта структура была создана после финансового кризиса 1997 года (затронувшего в первую очередь азиатские страны), чтобы способствовать принятию «налога Тобина» — технического инструмента для борьбы с финансовыми спекуляциями. Наряду с другими движениями АТТАК принимала участие в событиях Сиэтле в ноябре 1999 года, а также в Мийо в июне 2000 года, где поддерживала Жозе Бове и его товарищей из Конфедерации крестьян, и в Ницце в декабре 2000 года — по случаю саммита Европейского Союза.

Всюду, на всех континентах, формируются сети и появляются новые организации, проводятся континентальные или всемирные кампании: Европейский марш против безработицы; Всемирный женский марш против бедности и насилия в Латинской Америке...

Среди предвестников движения особого внимания заслуживают сапатисты. Сапатизм ясно выражает переплетение тем, характерное для движений, сопротивляющихся либеральной глобализации. Восстание в штате Чьяпас борется за права индейских народов и одновременно выступает на мировой арене как потенциальный центр для всех исключенных из неолиберальной системы. Все имеет смысл: от даты восстания, 1 января 1994 года, момента вступления в силу соглашений НАФТА, зоны свободной торговли между Мексикой, Канадой и Соединенными Штатами — через «межгалактическую встречу» лета 1996 года в Лакандонской сельве, которая была первым мировым собранием активистов, объединенных идеей «другой глобализации» — до текстов субкоманданте: «Маркос — гей в Сан-Франциско, негр в Южной Африке... индеец

⁵ Association pour la taxation des transactions financières au bénéfice des citoyens, АТТАС (франц.) — Ассоциация в поддержку налога с финансовых коммерческих операций в пользу граждан. — *Примеч. перев.*

⁴ «Вернем себе улицы!» (англ.).

на улицах Сан-Кристобала, еврей в Германии... пацифист в Боснии, мапуче в Андах»⁶.

В 1999 и 2000 годах все чаще проводятся международные встречи. На этих встречах речь идет о проведении специализированных мобилизаций и кампаний,

например, за списание долгов стран «третьего мира». В более широкой перспективе речь идет о коллективном осмыслении возможных альтернатив неолиберализму и создании необходимых инструментов для координации действий.

Коренные изменения

Если оценивать изменения, то в наибольшей степени поражает их размах и скорость.

80-е — годы Рейгана-Тэтчер — были временем победы либерализма и одновременно временем упадка того, что называют рабочим движением. Можно говорить о структурном закате: за двадцать лет в наиболее развитых странах — Северной Америке, Западной Европе и Японии — профсоюзы потеряли в численности примерно половину⁷. Кризис рабочего движения и вообще левых был одновременно и идеологическим кризисом, и кризисом социальной перспек-

тивы. Кризис одновременно наступил и в трех крупных идеологических течениях послевоенной эпохи⁸. Это модели планового хозяйства, бюрократическим образом насажденные в странах Восточной Европы; кейнсианские или «фордистские» модели, продвигавшиеся западными правительствами 50–70-х годов, на которые опирались социал-демократические партии и большинство профсоюзов этих стран; и, наконец, модели «развития» многочисленных стран «третьего мира», которые стремились путем замещения импорта местной продукцией выйти из отноше-

ний неравного обмена, когда они экспортировали сырье и сельскохозяйственные продукты в обмен на промышленные товары стран Севера.

Апогей этой тенденции приходится на начало 90-х годов. Падение СССР и режимов Восточного блока в тот момент, когда сандинисты проиграли выборы в Никарагуа, было воспринято как победа Соединенных Штатов, Запада и капитализма, — победа, которую часто представляют как решающую и даже окончательную. В течение двух коротких лет, с 1989 по 1991 год — от падения Берлинской стены до войны в Персидском заливе — произошло множество важных политических событий, радикально изменивших мир. Это также время, когда формируется экономическая политика, известная как «Вашингтонский консенсус», реализуемая финансовыми международными институтами и крупными развитыми странами — Соединенными Штатами, а также Европейским Союзом и Японией.

Этот краткий экскурс в историю позволяет нам лучше понять размах новых явлений. Удивительно, с какой скоростью общественные движения смогли настолько восстановить свои силы, чтобы способствовать, пусть временно, провалу таких крупных международных институтов, как ВТО. Скорость восстановления тем более удивительна, что для развития мировых или континентальных движений протеста должны были сзволционировать профсоюзы, сформироваться новые организации и наладиться механизмы борьбы на национальном уровне. Все это было бы невозможно без забастовок во Франции в 1995 году и без создания движений безработных; без забастовок на предприятиях UPS, General Motors или Boeing в Соединенных Штатах, без забастовочного движения корейских рабочих в 1997–1998 годах; без мощного Движения безземельных крестьян в Бразилии или без появления в начале 90-х годов радикального экологистского движения в Великобритании, противостоявшего новому плану строительства дорог...

Все эти движения преодолели этап сопротивления. Точнее, мы находимся на этапе, когда сочетаются движения сопротивления и более агрессивные движения,

⁶ Subcomandante Marcos. Los arroyos cuando bajan//EZLN, documentos y comunicados. México, 1994. См. также:

Субкоманданте Маркос. Другая революция: Сапатисты против нового мирового порядка. М.: Гилея, 2002.

⁷ Данные, отражающие уровень распространения профсоюзов, сложно сравнивать вне развитых стран. Политические изменения, происходящие в остальном мире — конец диктатур в Латинской Америке, падение стран Варшавского договора и т.д., — делают анализ неточным.

⁸ Положение, очень рано развитое Самиром Амином в многочисленных текстах и на конференциях. См.: *Essas outras histórias que há para contar*, акты международного семинара «Em tempo de eixo», организованного в Лиссабоне в июле 1999 г. по случаю Всемирной выставки.

которые часто существуют в таких странах, как, например, Соединенные Штаты, находящиеся на стадии экономического роста. Главной целью первого масштабного студенческого движения в США, возникшего в рамках кампании clean clothes в 90-е годы, была проверка условий труда наемных работников, изготовлявших знаменитые свитера с логотипами американских университетов.

⁹ Данные, опубликованные Бюро статистики труда, свидетельствуют о том, что в 1999 г. число членов профсоюзов, включая более чем 256 тыс. вновь вступивших, было самым высоким за последние 20 лет. Это увеличение позволило только остановить падение показателей вступления в профсоюзы.

¹⁰ «Движение «Юбилей 2000» инспирировано ветхозаветной книгой Левит, где юбилейный год предписывается каждые 50 лет. В юбилейный год выправляется социальное неравенство: рабы получают свободу, землю возвращают ее изначальным владельцам, должникам прощают. Идея отмены долгов особенно близка многим группам, занимающимся вопросами всеобщей справедливости. Некоторые беднейшие страны борются с долговым бременем уже с 1982 года. Поскольку существует множество оговорок — безответственные кредиторы, коррумпированные должники — все идет к тому, что правительства обедневших стран, обслуживая долги, растрачивают ограниченные ресурсы без оглядки на базисные нужды собственных народов». См.: Обращение Координационного комитета «Юбилей 2000» США к широкой общественности. <http://www.imperativ.net/imp6/jubilee.html>

Однако в отличие от того, что происходило во Франции в июне 1936-го или мае 1968-го, в некоторых странах, в том числе в Соединенных Штатах и во Франции, возобновление борьбы и забастовок не сопровождалось активным вступлением в профсоюзы. Падение уровня участия в профсоюзах прекратилось в Соединенных Штатах только в 1999 году⁹. Во Франции наблюдается схожая картина: рост членства в одних профсоюзах лишь компенсировал потери в других.

Если позиции профсоюзов и других общественных движений становятся сильнее, как это можно было наблюдать во время манифестаций в Сиэтле и Вашингтоне, то это еще не стало правилом. Руководство профсоюзов в Великобритании считает, что члены «Reclaim the Streets» — всего лишь безответственные анархисты. А кампания за списание долгов стран «третьего мира», вдохновленная организацией «Юбилей 2000»¹⁰ и официально поддержанная некоторыми профсоюзами, оказалась неспособна реально заинтересовать профсоюзный мир.

В других странах борьба имела неуверенный и частичный характер.

Это примеры Германии, где движение безработных зимой 1998 года оказалось недостаточным для оживления профсоюзов и НГО¹¹, и Японии, где социальные движения и вовсе находятся в зачаточном состоянии.

Все эти примеры относятся к наиболее развитым странам. Что касается стран Юга или стран Восточной Европы, то ситуация там различается еще больше и с трудом поддается сравнению. Каково положение социальных движений в современной России? Каким может быть прогноз состояния народных движений в Мексике после крупной забастовки студентов университета в Мехико, после выборов в июле 2000 года на пост президента Республики Винсенте Фокса и после марша сапатистов в марте 2001 года?

На данном этапе следует ограничиться глобальной динамикой и попробовать посмотреть, как положение мировых или континентальных движений может повлиять на национальную ситуацию. Речь не о том, чтобы игнорировать политические и социальные соотношения сил на национальном уровне, а о том, что международное взаимодействие стало как никогда значимым в совершенно новом мировом контексте.

Зарождение дискуссии

Возрождение социальных движений наблюдается как на национальном, так и на международном уровне. Сегодня эти движения обладают достаточным весом, чтобы влиять на ход событий. Кажется, уже существуют все предпосылки к тому, чтобы возникли массовые политические дискуссии, где обсуждалось бы будущее мира и альтернативы неолиберализму.

Эти дискуссии уже ведутся, хотя только на начальном уровне, и постепенно формируются основные точки зрения. Мы можем выделить три основных полюса, или точки зрения.

¹¹ Термин «негосударственные организации, НГО» (Organisations non-gouvernementales, ONG), имеет различное значение в разных странах. Во Франции он ясно указывает на все гуманитарные организации, вплоть до движений по защите прав человека. В других странах, в частности в США и Великобритании, под НГО имеют в виду все организации, которые не относятся к правительственным, кроме профсоюзов. В данной работе термин будет употребляться в зависимости от контекста: в узком смысле — там, где речь идет о Франции, в широком — по отношению к большей части остальных стран.

— Радикальная точка зрения, имеющая интернациональную ориентацию. Она одновременно противостоит и решениям в духе протекционизма, и различным реформистским предложениям, которые часто имеют ограниченный характер и под видом реализма могут привести социальные движения к зависимости от того или иного международного института, например, предпochсть ООН в противовес МВФ. Однако сторонники этой позиции с трудом формулируют целостную программу и альтернативные предложения, которые они могли бы выдвинуть (демократическое планирование, самоуправление и др.), в силу раздробленности и общего кризиса проектов общественного преобразования.

— Националистическая точка зрения или, во всяком случае, убеждение в том, что модель государственных является единственно возможным гарантом социальных завоеваний и реализации демократии. Эту позицию с равным успехом можно обнаружить как в богатых странах, где она может постепенно исчезнуть, слившись с протекционистскими силами, чтобы противостоять глобализации, так и в странах Юга, где она, скорее всего, будет опираться на классические тезисы теории «третьего мира» 70-х годов. Трудности представителей этой позиции, как и сторонников «радикальной» точки зрения, заключаются в построении связной и вызывающей доверие программы как для стран Юга, так и для развитых стран.

— «Неореформистская» точка зрения, распространенная больше в странах Севера, чем Юга. Первоочередной задачей представителей этой позиции является всеобщая реформа международных институтов. Это приверженцы Мирового правительства, выступающие как против любых крайних форм неолиберализма, так и против националистических лозунгов. Эта точка зрения после Сигетля и Вашингтона потеряла часть своей привлекательности, поскольку внутри международных институтов пространство для деятельности очень ограничено.

Употребление термина «полюс» имеет определенное значение. Он указывает на то, что еще не сущест-

вует четко сформулированных позиций, которые представляли бы набор общих и связных ответов. Мало кто из активистов движений, выступающих против либеральной глобализации, соотнесет себя с вышеописанной классификацией: она не соответствует свободным дискуссиям, когда каждый может использовать аргументы того или иного полюса. Единственный смысл этой классификации состоит в стремлении лучше понять силовые линии и выявить целостные направления, даже если они пока находятся только в потенции.

Специфика возврата к массовым политическим дискуссиям состоит в том, что они в основном формируются вне мира политических партий.

В последнее десятилетие развиваются две противоположные тенденции: социальные движения в целом радикализировались, в то время как политические партии, в том числе и некоторые радикальные силы (бразильская Партия труда, партии, образованные из латиноамериканских партизанских отрядов, и т.д.) сдвинулись вправо или стали более умеренными. Конечно, реальность сложнее: некоторые профсоюзные организации, в частности в Европе, продолжают начавшуюся в 80-е годы эволюцию вправо, но существуют и политические образования, которые не вписываются в этот процесс. Ретроспективная оценка значения этого маятникового движения дает представление об основных тенденциях. Недавнее присутствие многочисленных левых партий в правительствах Латинской Америки и особенно Европы ускорило процесс поправок: ни одно из этих правительств в своих крупных решениях не отошло в сторону от «Вашингтонского консенсуса», то есть от либеральной глобализации.

В основе описанных противоречивых изменений лежит одна и та же тема — глобализация.

Социальные движения выступают против последствий либеральной глобализации, в частности, в социальном и экологическом плане. И с этих позиций они приходят к более глобальному протесту. Политиче-

ские партии, особенно если они входят в состав правительств, обычно рассматривают такую глобализацию как данность, когда в лучшем случае можно скорректировать самые негативные ее последствия.

Это различие в образе действия политических партий и общественных движений отсылает нас к старым вопросам, служащим объектами многочисленных исследований¹².

Для дальнейшей аргументации здесь важен один момент: кризис представлений, альтернативных либерализму, ведет к разрушению связи, объединявшей партии и социальные движения в их видении способа

конструирования будущего. Не имея общей стратегии, каждый со своей позиции наблюдает, как усиливаются уже существующие явления. В то время как социальные движения заняты своим делом, управляя «социальным», а также организацией сопротивления со стороны общества, партии отдают предпочтение управлению институтами и участию в предвыборных играх. Поскольку партии и движения опираются на разную философию, понятно, что в существующих специфических условиях они приходят к совершенно различным выводам.

Все это имеет последствия, оказывающие особенное влияние на молодые социальные движения, которые обладают малым опытом. Этим движениям необходимо освоить разнородные дискуссии, в которых будут участвовать главным образом профсоюзы, НГО и некоторые интеллектуалы, называющие себя «think tanks»¹³.

Итак, в заключение сформулируем некоторые задачи.

Необходимо избавиться от иллюзии, будто возможно до конца понять глубинные изменения мира и тенденции таких изменений. В рамках этой работы мы лишь стремимся дать некоторые пояснения. Мир сего-

дня находится на переломе, когда зона неопределенности слишком велика, чтобы можно было экстраполировать в будущее результаты, полученные в ходе анализа современной ситуации.

Если мы сможем дать активистам некоторые ориентиры для действий в определенном направлении, действий, которые, по крайней мере, предоставляли бы больше шансов тем, «кто внизу» — крестьянам «третьего мира», безработным, рабочим, молодым, вступающим в активную общественную жизнь во многих странах, — и которые бы позволили им заявить о себе, то цель этой работы будет достигнута.

Поэтому мы отдаем предпочтение анализу, в основном анализу развития актуальных проблем, в той мере, в какой это позволит определить настоящие и будущие цели общественных движений. Свои рассуждения мы разделим на две части.

Первая часть — «Новый мировой порядок» — дает возможность обратиться к глобализации, ее характеристикам, последствиям, а также к изменениям глобального уровня.

Вторая — «Глобализация социальных движений» — предлагает изучить самих участников: крестьянские и молодежные движения, НГО и в особенности профсоюзы, а также их эволюцию и ставки дискуссий, пронизывающих эти движения. В этой же части мы обратимся к совместным акциям, кампаниям и общим характеристикам активистов, выступающих против либеральной глобализации.

В заключении мы вернемся к основным вопросам, намеченным во введении: каковы будущие проблемы социальных движений и их ориентиры на пути глобализации?

¹² Среди прочих см. статью Филиппа Коркюфа (Philippe Corcuff) и Кристофа Агитона (Christophe Aguiton) об отношениях партий и профсоюзов в: *Mouvements*, 1999, № 3.

¹³ Букв. «сундук с идеями». Организации, связанные с американской традицией, часто приравняемые к НГО. Однако их главной целью является защита некоторого идеологического направления. Во французской левой политической традиции имеет негативный оттенок.

ЧАСТЬ 1. НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

ГЛАВА 1. ЭПОХА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Конец века, конец тысячелетия...

Простое календарное событие. Так можно было бы сказать себе, читая множество статей и эссе, даже наиболее серьезные из них, опубликованные в конце этого века и в конце тысячелетия. Свою работу

¹ Beaud M. Le Basculement du monde. De la terre, des hommes et du capitalisme. Le Découverte, 1997, réédité avec une postface de l'auteur en 1999.

«Потрясение мира»¹ Мишель Бо начинает с изучения «признаков конца света». Он указывает на факты, которые с большими разрывами — начиная со сталинизма — озаменовали собой век. Окончание советского

эксперимента. Крах иллюзий о быстром развитии как следствии независимости в странах «третьего мира». Конец европейского господства над миром, а также «конец великих светских учений о смысле Истории, неотвратимом наступлении совершенного общества, веры в Прогресс и Разум».

Дело, однако, серьезнее, чем просто символическое значение даты, которая, как напоминает Мишель Бо, имеет ценность лишь для христианства. Можно привести массу аргументов в пользу важности происходящих изменений. Вот один из примеров: в 1999 и в начале 2000 года биржевые спекуляции обрушили «новую экономику» высокотехнологичных компаний. Это всего лишь еще один из признаков, которые, начиная с чрезвычайной медиатизированной волны спекуляций, указывают на то, что капитализм входит в совершенно новую стадию.

Биржа — важный объект исследования. Причем исследования тем более серьезного, что на ней делаются состояния, а предприятия находят необходимые

им капиталы. Стоимость акций связана с их рентабельностью: это отношение между дивидендами и ценой акции. Она сравнима с рентабельностью займов, облигаций и государственных казначейских обязательств; ее изменение, знаменитые процентные ставки, непосредственно отражается на биржевых курсах. Рентабельность акций — это не единственный показатель, интересующий инвесторов, при покупке или продаже большую роль играет обоснованное ожидание повышения курса. Между ними существует отношение: на главных биржах соотношение цена/прибыль варьируется в диапазоне 15–25. В начале 2000 года для процентных бумаг высокотехнологичных компаний это соотношение превысило 100 раз и достигало 500 для котировок ведущих ценных бумаг. Для начинающих компаний (start-ups), большая часть которых может предъявить одни лишь убытки, соотношение между курсом акций и прибылью не имеет никакого смысла. Но существуют другие индикаторы, позволяющие судить о силе спекулятивной волны: соотношение между биржевой капитализацией и торговым оборотом. Если оно равно 1 для Suez-Lyonnaise, 0,7 для AXA или даже 0,3 для Renault, то это же соотношение может подскочить до 100 для Cisco, основного строителя на рынке инфраструктуры для Интернета, и до 500 для Terra Network, объединяющей в себе виды деятельности, связанные с Интернетом, новой компании, которая принадлежит Telefonica.

Случаев такого быстрого спекулятивного роста слишком мало, поэтому бесконечные предупреждения биржевых властей не возымели действия. Правда, только до неизбежного изменения ситуации и падения котировок, происходящих сегодня на бирже, особенно в секторе «новой экономики».

История экономики знакома с подобными событиями: вспомним волну спекуляций, правда, не столь масштабных, в Соединенных Штатах, которая обвалила стоимость ценных бумаг, связанных с радио, когда росла сеть радиовещания. Но больше всего происходящее напоминает ситуацию двух волн биржевых спекуляций, затронувших Великобританию в

середине XIX века и США на рубеже XX века. В первом случае речь идет о ценных бумагах, связанных с железными дорогами, развитие которых шло ускоренными темпами; во втором — о компаниях, в названии которых фигурировало слово *motor*. Это были фирмы, устремившиеся в авиационный и особенно в автомобильный бизнес.

Эти примеры интересны, так как учат нас, что такое спекулятивные волны. Как и сегодня, коррекция курсов была жестокой; в 1929 году разразился кризис ценных бумаг радиостанций, за которым последовал общий биржевой кризис, вызвавший падение курсов ценных бумаг железнодорожных компаний и долгосрочную коррекцию для компаний автомобильного сектора. Одно столетие — и из бывших *start-ups* осталось лишь три: Ford, Chrysler и General Motors.

Но еще интереснее сравнить результаты преобразований, которые сопровождали эти исторические повороты, особенно наиболее важные: создание сети железных дорог в середине XIX века, рождение автомобильной промышленности на рубеже XX века, появление интернет-индустрии на рубеже XXI-го. Во всех трех случаях появление этих технологий, как и волна биржевых спекуляций, происходит в мегаполисах мировой системы, и распространяются они в первую очередь в наиболее развитых частях планеты. Эти преобразования, можно сказать, «революции», влияют не только на ход развития производства, на области быстрого экономического роста господствующих экономик, но и на образ жизни населения, особенно в наиболее развитых странах. Серьезные изменения произошли и в способах восприятия мира: железные дороги, как и Интернет, были призваны сблизить людей и придать однообразие их интересам. Изменилась организация труда и организация предприятий: автомобильная промышленность служила базой для обобщений тейлоризма, а «новая экономика» усиливает тенденцию гибкости труда и нестабильности рабочих мест.

Рассуждение о биржевых спекуляциях — это только одна из ниточек целого клубка проблем. Другие пути привели бы нас к схожим выводам: капитализм вступа-

ет в новый период, новый способ функционирования, обращается к новой «системе накопления», говоря словами Франсуа Шене². Масштаб распространения этой новой системы остается спорным. Робер Бойе³, признающий, однако, что «плохое регулирование может вытеснить хорошее», считает, что «стимулирование экономического роста с помощью финансовых инструментов» реально существует только в Соединенных Штатах и Великобритании.

Важным моментом для понимания роста коллективных действий является то, что стабильность такой системы отнюдь не очевидна: Франсуа Шене и Робер Бойе даже доказывают обратное. Но на данном этапе мы можем ограничиться этим общим утверждением.

Перед тем, как попытаться более точно описать характеристики этой новой системы накопления, обратимся к недавней истории, анализируя ключевые события, в ходе которых формировалась политика, сделавшая эти изменения возможными и ускорившая их. Но вначале, чтобы понять масштаб изменений, посмотрим, что же в действительности ставит под сомнение «глобализация капитала».

Сочетание двух циклов

Когда проблему глобализации рассматривают в самом общем виде, то сходятся на двух способах интерпретации.

Долгосрочный анализ

Сегодня, как напоминает Филипп Фремо, глобализация насчитывает уже пять веков. Это история захвата планеты капиталистическими державами, первоначально европейскими. «Развитие капитализма способствует открытости рынков. Открытость не имеет линейного развития и в зависимости от периода может ускоряться, стагнировать и даже приходить в упадок. Но тенденция изменений всегда сохраняется»⁴. Это

² Chesnais F. La Mondialisation du capital, nouvel édition actualisée. Syros. Alternatives économiques, 1997.

³ La Politique à l'ère de la mondialisation et de la finance, Robert Boyer, L'Année de la régulation, vol. 3. La Découverte, 1999.

⁴ Fremaux P. Sortir du Piège, la gauche face à la mondialisation. Syros, 1998.

⁵ Это название книги Алена Минка: Minc A. La Mondialisation heureuse. Pocket, 1998.

⁶ Это выражение используется Пьером Бурдьё в книге Les Structures sociales de l'économie. Liber. Le Seuil, mai 2000 и в Contre-feux 2. Éd. Raison d'agir, 2001.

объяснение можно принять к сведению, однако дело в том, что оно является любимым тезисом сторонников «счастливой глобализации»⁵, или, по крайней мере, «неизбежной глобализации», — всех, кто пользуется глобализацией как идеологическим оружием, играя на различных значениях этого «псевдоконцепта, одновременно описывающего и предписывающего»⁶. Приукрашивая различные аспекты, особенно развитие технологий, в частности информационных, оно позволяет выдвигать на первый план естественный и неизбежный характер процесса глобализации.

Обращение к долгосрочному анализу интересно для нас по двум причинам. Такой анализ позволяет оценить следствия вторжения рынка в жизнь человека. Если открытость мирового рынка имела различные фазы, в том числе длительный период сокращения с конца XIX до середины XX века, то коммерциализация различных сфер человеческой деятельности шла практически непрерывно. Еще полвека назад во Франции, как и в других развитых странах, крестьянская деятельность большей частью была направлена на удовлетворение потребностей семьи. Сегодня все связано с рынком. Еще сильнее был удар для стран «третьего мира», втянутых в сельскохозяйственную революцию, «зеленую» или «белую», и в ускоренную урбанизацию. Когда развивающиеся и социалистические модели утратили свою привлекательность, поиски культурной идентичности стали казаться единственным выходом. В наименее развитых обществах стал распространяться радикальный исламизм. Как отмечает Реми Лево, «можно довольно легко определить общую точку отсчета [как для иранской революции, так и алжирского исламизма]: оба общества были разрушены нефтяной экономикой и модернизацией. В случае Ирана это была модернизация шаха, или «бе-

лая революция», в случае Алжира — форсированная индустриализация и аграрная реформа»⁷. То же можно

сказать и об Индии, столкнувшейся с подъемом индуистского фундаментализма.

Именно поиск культурной идентичности является серьезным вызовом для движений, вовлеченных в борьбу с либеральной глобализацией. Упомянутые исламистские или индуистские движения — продукты разложения общественных докапиталистических структур — тоже представляют собой силы сопротивления экономическому либерализму и власти крупных западных держав. Но в то же время они носят реакционный характер, как это показывают 20 лет иранской революции. Возникновение альтернативы неолиберализму, изначально образованной на международном уровне, может быть поводом возобновления отношений с активными силами обществ менее развитых стран: можно предложить им совместно выработать путь, который позволит избежать как приспособления к либеральной глобализации, так и реакционных решений. Это требует усилий со стороны активистов, часто выходцев из стран Запада, для достижения открытости по отношению к этим обществам и культурам. Но игра стоит свеч.

Иммануил Валлерстайн⁸ поставил более пугающий вопрос — о конце Мир-Системы, существовавшей в течение пяти веков. Для этого автора, который считает, что крупные революционные потрясения в России и

⁸ Wallerstein I. L'Utopistique, ou les choix politiques du 21 siècle. Éditions de L'Aube, 2000.

⁹ Ibidem. L'Après-libéralisme. Éditions de L'Aube, 1999.

во Франции — всего лишь внутренняя разновидность бурно развивавшейся тогда Мир-Системы⁹, настоящий поворот приходится на последние 20 лет. С одной стороны, Валлерстайн описывает длительную тенденцию усиления позиции наемных работников, вызванную урбанизацией и укреплением системы фискального перераспределения, и роста общественного внимания к экологическим проблемам. С другой стороны, неумолимое ослабление государств вследствие усиления либерализма приводит к ослаблению предприятий, в том числе и транснациональных, которые могут существовать и процветать только благодаря протекции сильного государства.

⁷ Leveau R. L'islam dans la cité//Pouvoirs, 1992, № 62.

В то время, когда предприниматели и правительства повсюду выступают за снижение заработной платы и уменьшение налогового гнета, такой анализ может показаться удивительным. Но при отстраненном взгляде на проблему в масштабе всей планеты положения, выдвигаемые Иммануилом Валлерстайном, выглядят более убедительными. Еще одно преимущество его анализа в том, что он помогает понять одну из загадок сегодняшней ситуации: чрезвычайную нестабильность мира и его институтов. К этому мы еще вернемся.

Краткосрочный анализ

«Либеральная глобализация» в первую очередь ставит под вопрос послевоенную модель производства 50–70-х годов, которую Эрнест Мандель¹⁰ вслед за

Николаем Кондратьевым описывает как «период длинной волны», а Робер Бойе и теоретики школы регуляции — как «тридцать золотых лет».

Глобализация рассматривается в этой модели как ряд мер, принятых администрациями предприятий и правительствами, чтобы попытаться восстановить рентабельность капитала и «выйти из кризиса», в котором капитализм оказался в середине 70-х годов. Мы еще вернемся к двум ключевым событиям, способствовавшим становлению этой политики: «консервативной революции», инициированной Рональдом Рейганом и

Маргарет Тэтчер в 1979–1982 годах, и историческому переходу 1989–1991 годов — между падением Берлинской стены и войной в Персидском заливе, когда устанавливался новый мировой порядок. Это объяснение позволяет понять борьбу и выступления протеста последних 20 лет: за рабочие места, зарплату и пособия по безработице или в защиту общественного сектора¹¹. Каждый раз это была ответная реакция на нападки правительств или предпринима-

телей, которые пытались оправдать свои действия внешними факторами: то «глобализацией», то «Европой», которая выступала как преддверие либеральной глобализации.

Другая периодизация

Пьер Докес предлагает особенно интересную периодизацию процесса глобализации. Первая фаза XIX века заканчивается в 1880–1890 годах, вторая начинается веком позже. Одна из гипотез Докеса состоит в том, что новый порядок производства «формируется в два этапа. В течение первого этапа мы наблюдаем быстрое изменение старого общественного и экономического порядка... Однако спустя некоторое время процесс трансформации приостанавливается политической властью. Старые общественные силы еще слишком сильны, чтобы Государство могло их игнорировать, трансформации таят в себе слишком много опасности для общественного порядка... В течение второго этапа разворачивается новое наступление крепко укоренившейся сегодня экономической власти. На этот раз политическая власть способствует этому наступлению, сворачивая старые протекционистские институты»¹².

Возникновение феодальных сензаций на христианском Западе хорошо иллюстрирует эту гипотезу: сначала их быстрое возникновение на рубеже XI века в результате краха государственных структур, затем период защиты крестьянства Церковью, движение «Божий Мир» в XI–XII веках и, наконец, вторая, решающая, фаза подчинения крестьянства крепостным правом. В том же ключе могут быть проанализированы и процесс огораживания в Англии XVI–XVIII веков, и введение «покровительственного дохода для неимущих» накануне промышленной революции. К этому же примеру, известному как «Закон Спинхемленда», обращается в своей работе Карл Поланьи¹³. Напуган-

¹⁰ Mandel E. Le Troisième Age du capitalisme. 10/18, 1976.

¹¹ Общественный сектор (service public) — важное понятие для «антиглобалистского» движения. Обозначает все услуги для населения, связанные с обеспечением жизненно важных потребностей: водоснабжение, электричество, транспорт, связь, образование, здравоохранение и др. Считается, что в силу своей специфики этот сектор не подлежит приватизации и должен находиться под контролем общественности. — Примеч. перев.

¹² Dockès P. Pouvoir et autorité en économie. Économica, 1999.

¹³ Polanyi K. La grande Transformation, 1944; См. рус. перев.: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени // Пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева, под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб., 2002. С. 213.

ные крестьянской нищетой, вызванной огораживаниями и началом промышленной революции, судьи Беркшира, собравшиеся 6 мая 1795 года в Спинхемленде, приняли решение об учреждении минимального дохода для бедных, то есть дифференцированного дохода, гарантировавшего некоторую сумму каждой семье. Эта система с очень спорными результатами соответствовала положению, когда «общество находилось под влиянием двух противоположных тенденций: одна, исходившая от патернализма, представляла собой попытку защитить труд от опасностей, связанных с рыночной системой, другая означала стремление организовать факторы производства, включая землю, по законам рыночной системы; таким образом, она лишала простого человека его прежнего статуса...»¹⁴. Спустя 30 лет, в 1834 году, под влиянием экономи-

¹⁴ Там же. С. 95.

ческих и политических сил эта система была упразднена, устранив таким образом всякую помеху рынку труда. По мнению Пьера Докеса, две фазы установления нового производственного порядка позволяют понять суть периода с 1880 по 1980 годы, когда процессы развития открытости рынков и «глобализации» были приостановлены. Вновь обращаясь к работам Карла Полаanyi, Докес показывает, как в конце XIX века в большинстве индустриальных стран был принят ряд мер, направленных на защиту наемных работников и ограничение власти транснациональных корпораций: антитрестовский закон в Соединенных Штатах, социальная политика Бисмарка и т.д. Эти меры, чаще всего являвшиеся реакцией на усилившуюся борьбу и требования со стороны рабочих, принимались параллельно с возвратом к протекционизму. XIX век можно рассматривать и как длительную фазу стабилизации, как отступление в процессе глобализации капитала, сегодня возобновившемся с удесyтеренной силой при полной поддержке со стороны политических властей.

Гипотеза Пьера Докеса предлагает схему для интерпретации в социальных и экономических терминах важного аспекта экономической истории: это пе-

риод длиной в век, когда глобализация экономических обменов сталкивалась с серьезными трудностями. Применительно к Франции она позволяет понять глубину народной привязанности к общественному сектору, символизирующему равноправие, и в частности к государственному образованию — идеалу, ведущему свою историю от социального компромисса, заложившего основы Третьей Республики в конце XIX века.

Но основная проблема, возникающая в ходе такого анализа, состоит в том, что, подвергая линейному анализу этот «короткий XX век», мы рискуем упустить специфику послевоенных социальных завоеваний и экономической политики 1950–1970 годов. Это выдающиеся десятилетия, как с точки зрения экономического роста, так и с точки зрения значимости социальных завоеваний. Сегодня еще существуют попытки отказаться от социальных соглашений, сложившихся в конце XIX века, однако самым мощным нападкам подвергаются послевоенные достижения: приватизация и включение в рыночную конкуренцию предприятий сектора общественных услуг, свертывание системы социальной защиты, отказ от кейнсианской экономической политики и т.д.

Предложенная Пьером Докесом гипотеза ставит другую проблему. Если следовать подобным историческим аналогиям, то можно считать, что сегодняшняя волна либеральной глобализации наделена неудержимой энергией, что «новый порядок производства» больше не встречает никаких препятствий. Однако тогда мы не можем понять ни хрупкости и нестабильности нового мирового порядка, ни размаха поднявшейся сегодня волны выступлений протеста¹⁵.

¹⁵ Любители аналогий могут продолжить сравнения: 1980-е, как и 1820-е гг. в Великобритании — периоды, предшествовавшие наступлению «нового порядка» в каждом из случаев, были «удивительно спокойными», пишет Е.П. Томпсон (E.P. Thompson) о 1820-х гг. в своей работе «The Making of the English Working Class». Но тот же автор замечает в связи с этим периодом, что «зерна прорастают именно в спокойные времена, именно тогда республиканцы и социалисты [будущие чартисты] разрабатывают свои теории». В 80-е мы видим совсем другой «пейзаж» изменений.

Два ключевых момента

«Консервативная революция» Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер

Если воспользоваться выражением Франсуа Шене, то конец 70-х — это время, когда формируются основные элементы новой «глобализированной системы накопления, преимущественно финансового типа»¹⁶.

В этот переходный период основную роль играют три участника.

Во-первых, это крупные предприниматели. Экономический спад, наступивший во время нефтяного кризиса, в первую очередь проявился в виде значительного снижении нормы прибыли. Предприниматели от-

реагировали намного раньше правительств, которые в течение еще нескольких лет продолжали проводить кейнсианскую политику. Корин Гобен¹⁷ напоминает, что уже в 1975 году UNICE, европейская организация предпринимателей, объявила «идеологический крестовый поход» против политики правительств и европейского сообщества. UNICE вступила в конфликт с профсоюзами для того, чтобы навязать сдерживание роста заработной платы, гибкий график труда и нестабильную занятость. Это было начало наступления, развивавшегося по всем направлениям в течение 80–90-х годов: индивидуализация и снижение заработной платы, усиление нестабильности положения наемных работников, пересмотр трудового законодательства, системы социальной защиты и т.д.

Во-вторых, это финансовые круги. В 60-х годах начинается первый этап финансовой глобализации — подъемом евродоллара, масса которого увеличилась с 4,5 миллиардов долларов в 1960 году до 160 миллиардов в 1973-м. Эта финансовая масса происходила из нерепатрированных и неинвестированных прибылей американских транснациональных корпораций. В конце 60-х — начале 70-х годов поднимаются первые волны валютных спекуляций, сначала с фунтом, а затем с долларом, вплоть до упразднения Соединенны-

ми Штатами в августе 1971 года паритета между долларом и золотой валютой, существовавшего со времен Бреттон-Вудских соглашений, что еще больше способствовало развитию валютных спекуляций. Начиная с 1974 года и подъема цен на нефть, «нефтедоллары» переводятся в займы, предоставляемые странам «третьего мира». Эти займы, в свою очередь, поддерживали экспорт из развитых стран. В течение нескольких лет они позволяли ограничивать последствия кризиса, но вскоре — после 1980 года и резкого подъема процентных ставок — легли непосильным грузом на развивающиеся страны.

Между 1979 и 1981 годами, когда устанавливается «диктатура кредиторов», которая, «как и любая диктатура, опирается на определенную форму государственного переворота»¹⁸, происходит переворот. Речь идет о либерализации рынков государственных облигаций и замещении на бирже государственных ценных бумаг, в первую очередь бумаг США. Эти операции позволили странам ОЭСР¹⁹ жить в кредит, не ограничивая государственный долг, а кредиторам обеспе-

чили гарантию устраивающих их выплат процента по долгу, которые стали возможны благодаря росту процентных ставок на ссуды. С конца 80-х объем государственного долга и уровень процентных ставок обеспечивают массовое перетекание общественного богатства в непроизводственный капитал. Этот трансферт равняется примерно 20 % бюджета государств ОЭСР или 2–5 % их ВВП.

Это период быстрого роста финансового капитала и начала «диктатуры рантье». По признанию Алена Минка, «появление с 1982 года положительных процентных ставок на ссуды, то есть ставок, превышающих инфляцию, ... представляет собой социальную революцию. Раньше те, кто владел — беднел, а кто влезал в долги — обогащался. Теперь тот, кто владеет — богатеет, а кто в долгах — беднеет»²⁰. Для стран «третьего мира» это стало началом долгового кризиса и процесса,

¹⁶ Chesnais F. Op. cit.

¹⁷ Gobin C. L'Europe syndical au risque de la mondialisation//Les Temps modernes, 2000, № 607.

¹⁸ Chesnais F. Op. cit.

¹⁹ Организация экономического сотрудничества и развития в Европе. — Примеч. перев.

²⁰ Minc A. Op. cit.

очень быстро изменившего направление финансовых потоков, которые отныне идут с Юга на Север.

И, наконец, третья сила — это политические круги.

После нефтяного кризиса правительства еще ведут прежнюю политику, но вскоре наступают изменения, проходящие в два этапа.

С 1976–1977 годов Раймон Барр во Франции и Гельмут Шмидт в ФРГ начинают реализацию первых «программ экономии», явно направленных на восстановление нормы прибыли. Это эпоха знаменитого лозунга «сегодняшняя прибыль — завтрашние рабочие места», произнесенного канцлером Германии накануне взрывного роста безработицы в Европе!

Изменение курса было еще более резким после выборов Маргарет Тэтчер в 1979 году и Рональда Рейгана в 1980-м. Речь уже шла об отмене завоеваний рабочих 60–70-х годов и разрыве с «фордизмом», как часто называют систему накопления, установленную в 30-е годы при президенте Франклине Д. Рузвельте в США и в послевоенные годы в Японии и Западной Европе. Эта консервативная революция началась с непосредственного столкновения с миром труда: с увольнения бастовавших авиадиспетчеров в Соединенных Штатах и с полной непреклонности перед бастовавшими шахтерами в Великобритании. За этим последовало свертыwanie системы социальной защиты, ограничение прав профсоюзов, и, в более общем виде, усиление консервативных тенденций как внутри страны (обращение к моральным ценностям), так и на международной арене: поддержка «контрас» в Никарагуа, разворачивание программы «звездных войн» и т.д. Примеру США и Великобритании, с большим или меньшим рвением, следовали все западные правительства, включая Францию. Начиная с 1983 года, после введения Жаком Делором первого «плана по экономии», Франция сворачивает с пути, открывшегося в 1981 году после победы Франсуа Миттерана.

От падения Берлинской стены до войны в Персидском заливе

Если значение «консервативной революции», инициированной Рональдом Рейганом и Маргарет Тэтчер, признано всеми, то исторический поворот 1989–1991 годов является предметом споров.

Так, для Франсуа Шене «отличительные черты периода, в котором мы живем, были заложены не в 1989 или в 1991 годах. Их происхождение датируется десятью годами ранее и относится к рубежу 70–80-х годов»²¹. Он только признает, что «события 1989–1991 годов явным образом ускорили изменения экономических и политических отношений между трудом и капиталом»²². Причины осторожности Шене понятны: он хочет покончить с любой интерпретацией, рассматривающей распад Советского Союза как потерю для рабочего движения. «Бюрократия СССР и стран Восточной Европы подготовила все условия для либеральной реставрации еще до того, как сама срослась с ней душой и телом»²³. Или далее: «Крах сталинизма содержит элементы прогрессивного преодоления [неолиберального периода, начавшегося в конце 70-х годов]».

Если вспомнить, что, несмотря на советскую бюрократию, некоторые левые течения считали существование Советского Союза полезным опытом для международного рабочего движения или хотя бы элементом позитивной стабилизации международных отношений, то опасения Франсуа Шене становятся понятными. Например, Эрик Хобсбаум рассматривает нестабильность именно как следствие исчезновения СССР и оценивает события очень негативно: «Разрушение советского социализма и его чудовищные последствия, до сих пор до конца не оцененные, но в массе своей негативные, были самым драматическим эпизодом десятилетия кризиса. ... При этом падение коммунистических режимов ... породило не только огромную зону политического не-

²¹ Chesnais F. Le Triangle infernal, crise, mondialisation, financiarisation. PUF/Actuel Marx/Confrontation, 1999, sous la direction de Gérard Duménil et Dominique Lévy.

²² Chesnais F. Les Temps modernes, № 607, janvier-février 2000.

²³ Ibid.

постоянства, хаоса и гражданских войн, но и разрушило международную систему, придававшую стабильность международным отношениям»²⁴.

Чтобы избежать идеализации Советского Союза, Франсуа Шене предельно недооценивает этот решающий момент мирового развития. Даже если допустить, что СССР и его союзники были всего лишь со-

ляным столбом, застывшим в своем экономическом, социальном и политическом развитии из-за политики господствовавших режимов, то уже сам факт существования советской зоны блокировал игру, сковывал силы и не позволял западным державам, в первую очередь США, осознавать себя в качестве единоличного

правителя мира.

Важность этого ключевого события (распада СССР) подтверждают изменения в различных областях. В экономической политике это начало погашения государственной задолженности, в первую очередь для Соединенных Штатов, благодаря снижению доли военных расходов в бюджете после распада СССР²⁵. Это начало восстановления господства США, в том числе и в экономической сфере, следствием чего становится превосходство англосаксонского капитализма и его специфических правил. Это также попытка на основе «Вашингтонского консенсуса» установить на международном уровне новый институциональный порядок с его *modus operandi*. Наконец, это и новое перераспределение сил в международных отношениях, радикальным образом меняющее условия на национальном, и в особенности на международном уровне, где действуют общественные движения.

ГЛАВА 2. ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ — НАЧАЛО ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА

Преобразование мира

Падение Берлинской стены и крах режимов Восточной Европы ознаменовали собой конец «холодной войны» и всего мирового порядка, вытекавшего из этого противостояния, и поэтому в конце 80-х казалось, что мир открыт для любых преобразований. Надежды борцов за демократию в странах Восточной Европы, мечтавших о «третьем пути» или о демократическом социализме, основанном на самоуправлении, быстро рассеялись под напором потребительских устремлений населения этих стран, которое сорок лет находилось под наркозом бюрократического социализма, а в случае ГДР — под давлением объединения Германии, проходившего под руководством ФРГ. Представление о многополярном мире просуществовало дольше. Распад Советского Союза отозвался эхом в виде «американского заката». Воссоединение Германии и курс на введение единой денежной единицы свидетельствовали об усилении Европейского Союза. Япония находилась на вершине своего экономического развития. Успехи Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Тайваня, этих азиатских «драконов», позволяли многочисленным комментаторам констатировать смещение центра мирового экономического развития к Тихому океану.

Война в Персидском заливе знаменует конец иллюзий о возможности существования многополярного мира. Этот конфликт проливает свет на действительное соотношение сил, которое нельзя свести к просту ВВП: «Никакое государство не может соперничать с США в четырех ключевых областях — военной, экономической, технологической и культурной — которые дают могущество в целом»¹. Это придает смысл прежним американским решениям: «Свобода действия, доказанная войной в Персидском заливе, не могла бы быть осуществлена без схожей

²⁴ Hobsbawm E.J. L'Âge des extrêmes. Histoire du court 20 siècle. Complexe et Le Monde diplomatique, 2000.

²⁵ Американский военный бюджет вновь начал расти с 1996 г. См.: Les Temps modernes, 2000, № 607.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)/Перевод О.Ю. Уральской. М., 1998.

победы над Советским Союзом, а эта победа — без соответствующей стратегии. Ретроспективно и учитывая эти результаты, можно установить единство практик, скрывавшееся за хаотичностью отдельных

² Poirier L. La Guerre du Golfe dans la généalogie de la stratégie, oct. 1991. Stratégie théorique III, Economica/ISC. P., 1996.

операций»². Но главное, этот конфликт обеспечил недвусмысленное возвращение могущества Америки, что позволило ей извлекать практическую выгоду как в политической, так и в экономической области.

Результаты не заставили себя ждать. Государства Персидского залива вынуждены оплачивать военные счета при поддержке Японии и подписывать с Соединенными Штатами серию договоров о безопасности, которые передают этот регион — зону мировых нефтяных запасов — под американский протекторат. Более того, США используют свое экономическое и политическое лидерство для поддержки собственной экономики. Естественно, первой выиграла военная промышленность, поскольку нефтяные монархии тут же были оснащены оборудованием «made in USA». Одновременно с этим Америка стала настаивать на открытости тех рынков, где она могла выступать как экспортер: рынка сельскохозяйственной продукции и, особенно, отраслей, имеющих отношение к «информационному обществу».

Поучителен пример этого «информационного» сектора экономики. Само понятие имело чисто идеологическое происхождение и было создано для содействия американскому экспорту. За названием, апеллировавшим к идеалу новой эры человечества, стояли три ключевых сектора американской экономики: телекоммуникационный, информационный и аудиовизуальный, включая телевидение и кино. Реализация идеала должна была начаться с приватизации и открытости рынков!

Чрезвычайная встреча «Большой семерки», проходившая в Брюсселе в январе 1995 года, была посвящена исключительно этой теме, и все страны, в том числе и самые богатые, приняли пожелания американцев.

Начиная с 1997 года, когда приватизируются государственные телекоммуникационные компании, Европейский Союз снимает ограничения с этого сектора. Япония следует его примеру (но сохраняет некоторые защитные меры) — и вся планета слепо идет в одном направлении. Рекомендации МВФ должны были убедить упрямцев: телекоммуникационные компании вошли в число тех, кому «рекомендована» приватизация. Процесс завершается в 1997 году соглашением об открытости рынков и инвестиций в рамках ВТО.

Схожее давление можно наблюдать и в аудиовизуальном секторе. Провал генеральной ассамблеи ВТО в Сиэтле затормозил общий процесс открытия рынков, однако страны, продолжающие поддерживать кинопроизводство, например Франция, оказались в изоляции.

Что касается информационной индустрии, и в особенности производства компьютерных программ — давно уже наиболее прибыльного сегмента этого сектора, — то теперь она находится под почти исключительным контролем американских фирм.

Сегодня, спустя 10 лет, мы говорим о «новой экономике», хотя основой интернет-индустрии и столь длительной экспансии американского капитализма являются такие секторы, как аудиовизуальный, информационный и телекоммуникационный.

Десятилетие роста американской экономики после войны в Персидском заливе объясняется и другими причинами: выходом из депрессии 1990–1992 годов, внутренним сходством англосаксонского капитализма и финансового капитализма, все увеличивавшего свое влияние, и т.д. Кроме того, не следует приуменьшать эффект нового утверждения военного и политического первенства США.

В радикально меняющемся мире совпадение монопольного господства американской сверхсилы и неслыханного здоровья американской экономики породило целую серию последствий.

Первое последствие — мы к нему еще вернемся — это ускоренное введение нового производственного

порядка, нового процесса накопления с преобладанием финансового капитала, в силу его давления на все сферы мировой экономики и из-за преимуществ конкурентоспособного англосаксонского капитализма над его главными конкурентами (Германия и Япония), в течение 90-х годов переживавшими спад.

Другие следствия относятся к общему мировому порядку. Все важные с международной точки зрения решения должны получить одобрение Вашингтона. Одновременно с этим, как мы увидим дальше, в 90-е годы происходит изменение места и роли международных организаций.

Новое положение международных институтов

Бреттон-Вудс

С момента своего возникновения в июле 1944 года Бреттон-Вудские институты подчиняются закону соотношения сил³.

³ О Бреттон-Вудской конференции и предшествовавших ей дискуссиях см.: Aglietta V. et Moatti S. Le FMI, de l'ordre monétaire aux désordres financiers. Economica, 2000.

Кейнс, представлявший на переговорах Великобритании, защищал программу, удобную для его страны (британцы, предвидя несбалансированность платежей, неизбежную в послевоенное время, хотели отказаться от конвертируемости фунта),

но, по замыслу Кейнса, эта программа простиралась гораздо дальше. Идея, в сущности, заключалась в том, чтобы создать центральный международный банк, который гарантировал бы компенсации и регламентировал бы отношения между центральными национальными банками, с отлаженным набором механизмов контроля в случаях превышения кредита. Эта главная инстанция в международной финансовой системе, которая бы имела возможность ввести в обращение «международную единицу расчета», должна была обезопасить мир от дефляционных тенденций.

США, представленные на Бреттон-Вудской встрече министром финансов Моргантау, который был воодушевлен отчетом Гарри Уайта, настаивали на совершенно другой логике, которая и была, в конечном счете, одобрена. Постепенно надлежало упразднить

контроль за курсами валют, чтобы избежать девальвации и стимулировать экспорт американского капитала, при этом исключалось создание мирового денежного эквивалента, подчиненного какому-либо международному институту. Основной валютой мог стать только доллар, а роль будущих международных институтов должна была быть ограничена. Принципиально выступая против идеи центрального мирового банка, американцы настаивали на создании международного банка реконструкции и развития, ответственного за сбор фондов, необходимых для послевоенного восстановления — будущего Всемирного банка, а также на создании всемирного фонда для стабилизации валютных рынков — будущего МВФ. Штаб-квартира этих двух институтов должна была находиться в Вашингтоне, то есть как можно ближе к американской государственной казне.

Усиление процесса либерализации международной торговли⁴ в течение короткого послевоенного периода провоцирует возобновление противоречий между американской гегемонией и транснациональными институтами, но в отличной от Бреттон-Вудса форме. В феврале 1945 года Франклин Рузвельт внес предложение о создании специальной организации по торговле. Это предложение приобрело завершенную форму в рамках только что созданной Организации Объединенных Наций и было представлено на конференции в Гаване в марте 1948 года. На Гаванской конференции было решено учредить Международную организацию по торговле под эгидой ООН. Однако Конгресс США отказался ратифицировать соглашение, ограничивавшее американское господство, и этот отказ прозвучал тем более жестко, что он совпадал с началом «холодной войны». Либерализация торговли, таким образом, осталась в ведении ГАТТ (Генерального соглашения о тарифах и торговле), которое было всего лишь системой переговоров между странами.

На практике, начиная с 1948 года, равновесие в мире определялось противостоянием двух блоков,

⁴ По вопросу о торговых соглашениях от ГАТТ к ВТО см.: Rainelli V. L'Organisation mondiale du commerce. P., 1999.

а ООН, в сущности, сохраняла лишь функцию трибуны, использовавшуюся преимущественно странами «третьего мира».

МВФ, Всемирный банк и ГАТТ обладали властью лишь в сфере влияния Запада, куда вошло большинство новых стран, образовавшихся в результате процесса деколонизации 60-х годов. Установленный после войны порядок значительно изменился после двух событий: отказа Соединенных Штатов от золотого паритета в 1971 году, что повлекло за собой валютные спекуляции, и, немного позднее, создания по предложению Франции «Большой пятерки» — саммита пяти западных держав (США, Японии, ФРГ, Великобритании и Франции), задача которого заключалась в борьбе с валютной нестабильностью. После вступления в союз Италии и Канады «Большая пятерка» становится «Большой семеркой».

Институты, роль которых в 90-е годы меняется

Крах Советского Союза и обращение Китая к рыночным ценностям радикально меняют ситуацию, что, как следствие, ведет к изменению баланса сил между транснациональными институтами.

В течение последнего десятилетия в связи с ростом спекуляций и финансовой нестабильностью возрастает роль МВФ. Рекомендации фондов, печально известные «планы реструктуризации», навязываются всем странам, просящим кредиты или добивающимся сокращения долга. Интеграция стран Восточной Европы, а с 1992 года — республик бывшего СССР, в МВФ и Всемирный банк, тем более быстрая, что они нуждались в срочных кредитах, также усиливает эти институты.

Создание в январе 1995 года ВТО, заменившей ГАТТ, тоже имело значительные последствия в области торговли. ВТО стала реальной международной организацией, имеющей право вводить санкции и наделенной конкретными полномочиями: способствовать сокращению таможенных пошлин и стимулировать открытость рынков.

Влияние ВТО, МВФ и, в меньшей степени, Всемирного банка становится еще сильнее по мере суже-

ния области, находящейся в ведении ООН. Такие страны, как США и Великобритания, которые считают экономические вопросы слишком серьезными, чтобы обсуждать их в рамках ООН, организации, где каждая страна обладает голосом, отсылали все экономические и коммерческие дела в МВФ и ВТО — структуры, подконтрольные, в случае МВФ напрямую, а в случае ВТО косвенно, промышленно развитым странам.

«Большая семерка» — еще один институт, чья роль возрастает. Эта структура, не имеющая формального статуса и четких полномочий, расширяет область своей компетенции. Борьба с терроризмом и наркоторговлей, внедрение новых технологий или вопрос сокращения долга наиболее бедных стран — все рассматривается семью великими державами как относящееся к их компетенции.

Итак, перед нами картина распределения ролей международных институтов, сильно отличающаяся от замысла победителей в последней войне, где в качестве центра планировалась ООН. «Большая семерка» играет роль гаранта положения дел в мире, МВФ навязывает свою либеральную установку все большему числу стран, включая членов ОЭСР, таких как Южная Корея, а ВТО — структура, где готовится «коммерциализация мира»!

Однако такое изменение роли международных институтов не стоит считать результатом международного соглашения или даже общего стратегического замысла, возглавляемого единственно доминирующим государством — США. Некоторые аспекты этого перераспределения соответствуют американской воле: например, отведение ООН второстепенной роли или усиление значения «Большой семерки»⁵. Но это явление далеко не общего характера. Что касается экономической политики, которой надлежит следовать, то здесь существует четко определенное направление. Эта политика выражена в заповедях «Вашингтонского консенсуса», которые подвергают кри-

⁵ Збигнев Бжезинский считает «Большую семерку» единственной возможностью интеграции России и Китая в ряды мировых держав. См.: Бжезинский З. Указ. соч.

тике, но, однако, продолжают применять. Тем не менее, институты, которые могли бы направлять и выдерживать такую политику, находятся в кризисе и в постоянном переопределении.

Трудности США при реализации политики господства

Основную причину назвать несложно: несмотря на то что Соединенные Штаты являются сегодня единственной глобальной силой, они не способны обеспечить стабильные условия для реализации своего господства.

Сложности начались с самого начала: в конце I Мировой войны, который предвещал, что США возьмут на себя роль лидера, Вильсон оказался не в состоянии добиться поручительства от Конгресса о вступлении в

Лигу Наций⁶. Трудности вновь возникают в короткий промежуток времени между победой союзников и началом «холодной войны» — как мы видели, по вопросу Всемирной торговой организации. Похожую форму они приобретают сегодня, когда возобновляются противоречия между транснациональной логикой и американскими претензиями на господство. Эти противоречия были в центре дискуссий по ВТО, создание которой американцы не очень приветствовали. Схожие дебаты проходили по поводу МВФ, властные полномочия которого США хотели ограничить; не прекращаются дебаты и относительно ООН.

Действительно, речь идет не столько о специфике американской политической культуры, сколько о совершенно новой ситуации.

Руководство классическими империями, от Римской до Британской, осуществлялось посредством прямого правления и непосредственного контроля над территориями. Мир после Ялтинского соглашения управлялся на основе представительства. США и

СССР говорили от имени своих блоков, но воздерживались от расширения круга участников переговоров за счет своих союзников: интересы Соединенных Штатов и свободного мира полагались совпадающими. В обоих случаях центр едиполично принимал решения о первоочередных задачах, об использовании ресурсов и об опасностях, как для себя, так и для всей своей империи.

Сегодня США хотели бы продолжать единолично и совершенно самостоятельно принимать все решения по всем вопросам, имеющим отношение к Соединенным Штатам, но которыми интересуется и остальной мир. Это то, что они делают на практике, прагматично используя инструменты, наиболее подходящие для их текущих интересов: ООН — для войны в Персидском заливе, НАТО — для Косово и непосредственного вторжения в Панаму или бомбардировок Ливии. Это то, о чем говорит Збигнев Бжезинский: «Разрывая с моделью прошлых империй, организованных, как иерархическая пирамида, эта сложная и огромная система [включающая МВФ и Всемирный банк] опирается на глобальную сеть, в центре которой находится Америка. Ее власть проявляется в диалоге, постоянных переговорах и в поиске формального консенсуса, даже если в конечном счете единственным источником решения выступает Вашингтон»⁷.

⁷ Бжезинский З. Указ. соч.

Однако диалога и поиска консенсуса недостаточно для обоснования легитимности власти.

В прошлом рамки взаимодействия и легитимность задавались присвоением территорий или страхом перед врагом, чье существование служило оправданием империи. В основе противоречий американской политики лежит отсутствие «естественной» легитимности. Сегодня это те же трудности, с которыми боролся Вильсон: готова ли метрополия принять навязывающее себя многонациональное окружение, этот единственный гарант достаточно «стабильной» легитимности? Очевидно, Збигнев Бжезинский осознает проблему, признавая, «что в долгосрочной перспективе общемировая политика обещает все меньше и

⁶ Вудро Вильсон, президент от Демократической партии, избранный в 1916 г., участвовал в Парижской конференции, где разработал Версальское соглашение. Вилсон выступал за создание Лиги Наций, но ему не удалось провести соглашение в Конгрессе. Дискуссии велись вокруг статьи 10 пакта Лиги Наций, гласившей: «члены ... обязуются гарантировать территориальную целостность ... всех членом союза». Это обязательство, автоматически требующее от США поддержки другого государства-члена, было неприемлемым для большинства в Конгрессе.

меньше мириться с концентрацией власти в руках одного-единственного государства» и что следует держать курс «на создание центрального органа, наделенного ответственностью за мирное урегулирование международных конфликтов». Но это в долгосрочной перспективе. А сегодня нужно «хотя бы в течение еще одного поколения поддерживать доминирующую позицию Америки»⁸.

⁸ Там же.

⁹ Понятие Rogue States (государства-изгои) постоянно присутствует в заявлениях американского правительства. Речь идет о государствах, угрожающих, по мнению Соединенных Штатов, международному сообществу, часто потому, что они обладают оружием массового уничтожения, — это Ирак и Северная Корея; к ним также причисляют Иран и Ливию.

¹⁰ Achcar G. La Nouvelle Guerre froide. P., 1999.

¹¹ Kissinger H. Diplomacy. Touchstone. N.Y., 1994.

Некоторые авторы боятся появления решений, основанных на рецептах прошлого. Возвращение колониализма в версии XIX века неактуально, но существует риск возникновения новой формы «холодной войны» в виде навешивания ярлыков — появление так называемых государств-изгоев⁹ — в том числе на Россию и Китай, что позволило бы вернуться к представительскому господству. Вот тезис Жильбера Ашкара, изучавшего дебаты, в которых выявились разногласия советников Белого дома по вопросам расширения НАТО накануне вторжения в Косово, а также детали

военного бюджета США: «Кажется, мир неумолимо движется к новой версии стратегической конфигурации начальной фазы «холодной войны»»¹⁰.

Это не похоже на нынешний выбор американской администрации. С одной стороны, это сфокусированные на Европе тезисы Збигнева Бжезинского, который защищает циничное равновесие сил на основе старого приема «разделяй и властвуй» и считает возможным обеспечение американской гегемонии в среднесрочной перспективе. С другой — положения Генри Киссинджера¹¹, считающего, что если «Америка и обладает сегодня большим превосходством, чем десять лет назад, ... то сама власть стала более расплывчатой», и поэтому ее «способность перекраивать мир ослабла». Генри Киссинджер, чья модель равновесия основана на внешней политике европейских стран, выработанной на Венском конгрессе, защищает поли-

тику более стабильного альянса, который мог бы быть ратифицирован Российской Федерацией. Ничто в этих позициях не указывает на возвращение к «холодной войне», зато можно с уверенностью говорить о сохраняющейся напряженности между США и международными институтами, которая имеет вполне определенные последствия: шаткость и нестабильность этих институтов, а также риск роста разногласий США с союзниками, прежде всего с Европейским Союзом и Японией, уже наметившихся во время генеральной ассамблеи ВТО в Сиэтле. Однако эта напряженность не значит, что расхождения во взглядах на экономическую политику стали явными. Наоборот, правительства крупных стран и представителей международных институтов объединяет общая политическая ориентация, известная как «Вашингтонский консенсус».

«Вашингтонский консенсус»

В 1989 году Джон Уильямсон, сегодня старший экономист Всемирного банка, определил десять составляющих экономической политики, принятых в качестве решающих и американскими экономическими и финансовыми органами власти и международными финансовыми институтами, находящимися в Вашингтоне: Международным Валютным Фондом и Всемирным банком. Спустя десять лет «Financial Times» уточняла, что данные механизмы являлись «маркой официальной ортодоксии МВФ и стран «Большой семерки», вслед за США, ... где акцент делался на макроэкономической стабильности и интеграции в мировую экономику»¹². Этот первый уровень экономических реформ, применявшихся во всем мире, известен как «Вашингтонский консенсус». Его основные положения:

- ограничение дефицита бюджета (в отличие от политики правительства Рейгана);

- переориентация государственных расходов на развитие инфраструктуры, самоокупаемость и рента-

¹² Martin B. New leaf or fig leaf? The challenge of the new Washington consensus//Financial Times, 1999. 25 november. Статья была написана для Bretton Woods Project & Public Service International.

бельность всех отраслей, включая здравоохранение и образование, сокращение административных затрат и различных субсидий (во многих странах «третьего мира» финансовое вмешательство государства обеспечивает доступ к основным продуктам питания: хлебу, сахару и т.д.);

- проведение налоговой реформы, которая предполагает расширение числа налогоплательщиков и сокращение самых высоких ставок;

- либерализация финансовых рынков;

- интенсификация товарообмена при создании благоприятных условий для экспорта;

- либерализация торговли с целью снижения таможенных пошлин на 10 % каждые 10 лет;

- создание благоприятных условий внешним инвесторам, гарантируя им равные права с внутренними;

- приватизация государственных предприятий;

- «дерегулирование» и развитие конкуренции в различных секторах экономики;

- гарантия права собственности, включая неформальный сектор (в случае стран «третьего мира»).

Такое ощущение, что перед нами все «хиты» программ различных правительств, следовавших друг за другом последние десять лет! И Франция — не единственная страна, применяющая подобную программу, причем с особым усердием, признанным даже международным экономическим сообществом. Это «священное писание» Европейского Союза: знаменитые «Маастрихтские соглашения», введение конкуренции в общественный сектор и т.д. Одновременно это и правила, исполнения которых требует МВФ в ходе реализации «планов реструктуризации», следующих после финансовых кризисов.

Но сегодня «Вашингтонский консенсус» ставится под сомнение как внешними критиками (это тысячи манифестантов в странах, ставших жертвами планов реструктуризации, манифестанты Сиэтла, Вашингтона и Праги), так и критиками внутренними.

Возможно, наиболее неожиданной и заметной оказалась критика бывшего вице-президента Всемирного банка Джозефа Стиглица, вынужденного в 1999 году

уйти со своего поста. Он указывал: «Вашингтонский консенсус привел к тому, что приватизация и либерализация рынков стали самоцелью, а не средством устойчивого, справедливого и демократического развития»¹³. В подтверждение своего тезиса он приводит три примера: провал ускоренного введения рыночной системы в странах Восточной Европы, рост неравенства и социальное расслоение в странах, следовавших предписаниям «Вашингтонского консенсуса», и «Восточно-азиатское чудо», ставшее возможным благодаря методам, отличным от провозглашавшихся вашингтонскими экспертами.

Несмотря на то что критика Стиглица была предметной и справедливой, предложенные им альтернативы лишь частично выходили за рамки неолиберального кредо.

По мнению Джозефа Стиглица, параллельно с либерализацией следовало проводить структурные реформы, такие, например, как введение институтов контроля и регулирования в странах Восточной Европы, принимать меры по социальному перераспределению, и в особенности убедиться в существовании определенного консенсуса в странах, которые собрались применять планы преобразований. В то время как большинство экспертов МВФ полагало, что прежде чем ожидать какого-либо устойчивого развития, необходима чистка, Стиглиц настаивал на «необходимости создания институциональных и политических инструментов, которые позволили бы интегрировать глобализацию в политические и социальные процессы стран «третьего мира»»¹⁴. Это мнение не очень отличается от позиции Джеймса Вулфенсона, нынешнего президента Всемирного банка, по поводу правил, установленных «Вашингтонским консенсусом»: «В свое время они были безусловно необходимыми. Но мир изменился. Число демократических государств возросло, НГО приобрели размах. Сегодня уже нельзя не учитывать частный сектор: он инвестирует в развива-

¹³ Stiglitz J. Participation and development: Perspectives from the comprehensive development paradigm. Выступление на конференции в Сеуле 27 февраля 1999 г.

¹⁴ Martin B. Op. cit.

ющийся мир 300 миллиардов долларов в год, в десять раз больше чем в 1990 году! В то же время государственная помощь развивающимся странам сократилась с 60 до 50 миллиардов...¹⁵»

Лексика Вулфенсона не случайна. Демократия, НГО, частный сектор — перед нами направления (правда, очень ограниченные) для небольшой корректировки курса политики финансовых международных институтов. С одной стороны, это обращение к «гражданскому обществу», приглашение всех желающих к диалогу, с другой — еще больший рост доверия к ры-

ночным силам и частному сектору. Эта политика реализуется и ООН, где генеральный секретарь Кофи Аннан создал общую структуру для ТНК и НГО («Global Compact») — своего рода символ двойной открытости. Цифры, используемые Вулфенсоном,

должны придать еще больший вес его утверждению: государства сокращают свою помощь, а увеличение прямых частных инвестиций носит взрывной характер, хотя при этом Вулфенсон забывает сказать, что концентрируются они от силы в 15 странах, таких как Китай, Корея, Мексика и др., в то время как основная часть бедных стран просто игнорируется.

Усиление критических настроений и рост влияния частных инвестиций способствуют нарастанию разногласий между развитыми странами по поводу будущего международных финансовых институтов. Япония как крупный экспортер капитала при поддержке других азиатских стран предложила учредить «Азиатский Валютный Фонд». Американцы, стремящиеся держать международные финансовые институты «на коротком поводке», резко отвергли это предложение. Со своей стороны, американские власти, опираясь на опубликованный в марте 2000 года отчет Мелцера, подготовленный по просьбе Конгресса США, потребовали ограничить инвестиции МВФ краткосрочными ликвидными вкладами — явное стремление способствовать еще большему вовлечению частного сектора. Йылмаз Акюз, главный экономист ЮНКТАД¹⁶, про-

гнозирует даже, что МВФ постепенно может стать рейтинговым суперагентством¹⁷, ранжирующим страны, чтобы позволить управляющим фондами определять ставки по срочным кредитам!¹⁸

Неолиберальная политика, в том ее виде, как она закреплена в «Вашингтонском консенсусе», переживает кризис. Однако она продолжается: существующая критика не влияет на действительное изменение политического курса.

Внешняя критика усиливается вместе с развитием движений, критикующих либеральную глобализацию, и с расширением их мобилизационной базы. Но эти движения еще только появляются, а предлагаемые сегодня альтернативы частичны.

Внутренняя критика с каждым днем выражается все сильнее, но у нее нет альтернативной парадигмы. Она не может предложить ничего, что по своему значению могло бы сравниться с идеями Кейнса, выдвинутыми в середине прошлого века.

«Вашингтонский консенсус» в своей «обновленной» версии продолжает командовать парадом. Но уже по инерции и без энтузиазма!

ГЛАВА 3. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Новая система накопления

Мы не намерены проводить здесь анализ новой системы накопления; по утверждению Франсуа Шене¹, это еще предстоит сделать.

В данном случае мы преследуем более узкие цели. Речь идет о том, чтобы определить несколько моментов, которые могли бы способствовать пониманию процесса трансформации современного капитализма и особенно пониманию проблем, существенных для общественных движений: проблемы

¹⁷ В данном случае речь идет о рейтинговых агентствах, аттестующих фирмы по их платежеспособности и определяющих процент по займу, на который они могут претендовать.

¹⁸ Конференция, организованная ManiTese, во Флоренции 18 и 19 марта 2000 г.

¹⁵ Интервью Джеймса Вулфенсона в *Liberation*, 10 июля 2000.

¹⁶ Конференция ООН по торговле и развитию. — *Примеч.*

стабильности новой системы накопления, включающей вопросы международного урегулирования; проблемы возможности распространения этой системы на такие страны, как Германия и Япония, которые в 50–70-е годы выработали абсолютно специфические формы капитализма; и, наконец, проблемы взаимосвязей финансового капитала и транснациональных корпораций.

«Термин “система накопления финансового типа” описывает функционирование капиталистической системы, характеризующейся двумя свойствами. Первое состоит в увеличении доли акций и облигаций, наряду с заработной платой и прибылью, в общем количестве доходов. Второе касается роли финансовых рынков в определении основных макроэкономических величин (спроса, инвестиций, уровня занятости). “Регулирующая” функция финансов реализуется множеством способов: установление процентных ставок; определение части прибыли для инвестиций без угрозы подвергнуться санкциям со стороны акционеров или быть купленным конкурентами; давление на правительство с целью вынудить его отказаться от поддержа-

жания ставки процента по инвестициям и подтолкнуть к приватизации и дерегулированию»².

Это основное определение следует дополнить, указав на иерархический характер самой системы. Во-первых, существует неравенство между различными странами или регионами мира: развитые страны все усиливают свою власть над маргинальным «третьим миром», за исключением небольшой группы «догоняющих стран»; среди самих развитых стран усиливается господство США как за счет их реального веса, так и за счет возможностей влияния на международные институты. Во-вторых, существует иерархия между финансовыми системами: между господствующей мировой финансовой системой и национальными финансовыми системами, которые в нее слабо интегрированы.

Следует также напомнить о глобальном характере самой системы. Это верно как для ее причин — мы ви-

дели, что наиболее значимые события связаны с правительственными решениями или изменениями в соотношении политических сил, — так и для ее следствий, то есть для реструктуризации предприятий, изменения организации труда и видов занятости.

Стабильность новой системы накопления. Оценка экономической ситуации

Дискуссия о стабильности системы накопления имеет большое значение, поскольку эта стабильность оказывает большое влияние на общественные движения. «Стабильная» система — не синоним отсутствия борьбы или конфликтов, термин указывает на некоторую линейность в их развитии.

Сначала следует оценить экономическую ситуацию, стараясь избежать случайностей. Необходимо понять, действительно ли мы вступили в фазу роста по Кондратьеву, которая должна следовать за циклом спада, наступившим в США, а затем и во всем мире в начале 1970-х годов. В начале века Николай Кондратьев установил, что помимо коротких циклов длиной в несколько лет, задающих ритм развития капитализма, существуют и более продолжительные циклы в полвека длиной, состоящие из фаз роста и спада. Но Кондратьев скорее описал циклы, чем представил настоящую объяснительную схему. Эрнест Мандель³ дополнил его теорию следующей идеей: если вступление в фазу спада может быть объяснено внутренними причинами системы, то для ее возвращения к фазе подъема необходимы потрясения и серьезные изменения соотношения сил, то есть своего рода «экзогенные факторы».

Положительный ответ на поставленный вопрос позволяют дать несколько моментов; некоторые из них носят экономический характер: например, продолжительность экономического подъема в Соединенных Штатах или скорость восстановления системы после недавних кризисов, последним из которых был азиатский кризис лета 1997 года. Другие момен-

² Chesnais F. Les Temps modernes.

³ Mandel E. Las ondas largas del desarrollo capitalista, la interacción marxista, siglo veintiuno Editores, España, 1986, первое англ. изд.: Cambridge University Press, 1980.

ты являются результатом изменения соотношения политических сил в связи с выходом на мировой рынок стран Восточной Европы, Китая и др. Следует также указать и на массовое распространение новых производственных технологий и инноваций, реализующихся «кластерами»⁴.

⁴ Понятие, использованное Й. Шумпетером для указания, что производственные инновации концентрируются во времени и пространстве.

Неуверенность в наступлении фазы подъема связана с риском биржевых и финансовых кризисов, в том числе и в Соединенных Штатах, и с тем, насколько система способна справиться с последствиями таких кризисов. В момент, когда писались эти строки, упомянутые риски были смягчены приостановкой волны спекуляций на акциях высокотехнологичных компаний, однако не настолько, чтобы действительно преодолеть основные факторы нестабильности: замедление экономического роста в США может означать как благополучный исход дела, так и начало тяжелой депрессии!

Если все-таки принять предположение, что мир вошел в фазу подъема, то остается еще вопрос о характеристиках этой фазы. И здесь мнения совпадают. «Мировая экономика растет очень медленно, — пишет Франсуа Шене, — спрос недостаточен из-за стагнации инвестиций и уменьшения рабочих

мест»⁵. Робер Бойе считает, что «распространение рыночной логики не принесло, как ожидалось, стабильности, равномерного развития,

роста производительности и повышения уровня жизни. В странах рыночного капитализма усиление неравенства оказалось тормозом восстановления динамичной эффективности»⁶. Поэтому нельзя провести прямую аналогию с 50–70-ми годами, которые соответствуют последней фазе подъема. Тот период, являвшийся результатом послевоенного соотношения политических сил, характеризуется исключительно высоким экономическим ростом, в частности в развитых странах. Экономический рост и увеличение покупательной способности наемных работни-

⁵ Chesnais F. Les Temps modernes.

⁶ Boyer R. Op. cit.

ков в сочетании с биполярностью мира породили период относительной стабильности, даже если принять во внимание, что он закончился после 1968 года и был отмечен освободительной борьбой в странах «третьего мира». Возможно, полезнее напомнить характеристики предыдущей фазы подъема, имевшей место в начале прошлого века. Темпы экономического роста были тогда гораздо ниже, и десятилетия медленного роста проходили в мире, полном потрясений: конец великих колониальных завоеваний, I Мировая война, революции в России 1905 и 1917 годов, революционный шок в Венгрии в 1918 году и в Германии в 1918–1924 годы, национальная китайская революция Сунь Ят-сена и т.д.

После этого краткого экскурса в историю следует указать на две характеристики современного периода, по своим последствиям значимые для движений, которые выступают против «либеральной глобализации».

Первая относится к сфере занятости, где развиваются всевозможные формы социальной нестабильности, и растет неравенство доходов. Это сдерживает экономический рост, поскольку ослабляет спрос и затрудняет стабилизацию («регулирование») системы, которую, как показывают опросы общественного мнения, критикуют именно по этим причинам. Стратегия защиты многочисленных государственных деятелей и предпринимателей опирается на то, что начальной фазе подъема всегда соответствует рост неравенства, который потом компенсируется за счет сочетания двух факторов: активизации борьбы трудящихся и потребности предприятий в стабильной рабочей силе. Так, Поль Кругман считает, что «возможно, эпоха растущего неравенства и обесценивания простого труда есть всего лишь переходная фаза»⁷, однако не следует забывать, что зарплата английского рабочего класса в ходе предыдущей промышленной революции оставалась неизменной в течение 50 лет, в то время как доходы собственников постоянно возрастали.

⁷ Krugman P.R. La mondialisation n'est pas coupable. La Découverte, 1998 et 2000; англ. изд.: Pop Internationalisme. MIT, 1996.

Сценарий будет менее оптимистичным, если принять во внимание три следующих фактора.

Во-первых, сильно возросла роль непроизводственного капитала, что постоянно усиливает неравенство: хорошо оплачиваемые рабочие имеют возможность обеспечить себе ренту, которая будет служить дополнением к их зарплате.

Во-вторых, распространение временных форм занятости скорее всего имеет долгосрочную перспективу. Это связано не только с начальным этапом экономического восстановления, когда предприниматели стремятся защитить себя от вероятного изменения конъюнктуры. Реструктуризация предприятий — главный элемент нового экономического порядка, подразумевающий создание целой серии филиалов и субподрядчиков, действительно опирается на эти новые формы занятости.

И, в-третьих, собственно глобализация открывает для международной конкуренции весь производственный процесс, включая рынки труда, тогда как политические структуры, способные содействовать реализации общественных интересов и обеспечивать общее урегулирование системы, отсутствуют.

Последний фактор позволяет указать на противоречие первостепенной важности, свойственное новой системе накопления, о котором упоминает Робер Бойе: «Без сомнения, одна из основных проблем, стоящих перед капитализмом XXI века, заключается в отсутствии согласованности между динамикой накопления, которое все больше и больше выходит за границы пространств, контролируемых устоявшимися политическими образованиями, и теми трудностями, которые возникают при создании новых принципов коллективного вмешательства на других уровнях: национальном, региональном — Северная Америка, Европейский Союз ... или мировом. В этом смысле будущее готовит много сюрпризов, поскольку оно чревато беспрецедентным кризисом»⁸.

Это противоречие тем более острое, что оно сопровождается кризисом империалистического способа доминирования, заставляющим США

колебаться между утверждением своего одностороннего господства и примирением с многосторонними институтами. В центре этих противоречий находятся общественные движения, которые также различают по способам решения этих проблем.

Экономические циклы и циклы борьбы

Прежде чем завершить разговор о циклах Кондратьева, сделаем еще одно замечание. Речь идет о соотношении экономических циклов и циклов развития борьбы, хотя не следует преувеличивать значения этой зависимости, так как множество по-прежнему неизвестных факторов экономических циклов, и тем более циклов общественной борьбы затрудняет поиск линейных зависимостей.

Начать можно с очевидного: все изменения в области производства сопровождаются социальными потрясениями, следовательно, как правило, борьбой! Это предположение подтверждается исследованиями многих ученых, наблюдавших сильный всплеск забастовочного движения в момент перехода от одной фазы длинного цикла к другой⁹.

Если придерживаться этой идеи, то нужно различать моменты смены циклов, так как положение рабочего движения после фазы подъема и после фазы спада не одинаково. Движение набирает силу в момент подъема, когда численность рабочих возрастает и соотношение сил складывается в его, движения, пользу — благодаря экономическому росту и увеличению шансов реализации выдвигаемых требований. В момент перехода цикла к фазе спада, когда предприниматели стараются сохранить былую норму прибыли, может показаться, что рабочее движение находится в очень благоприятной ситуации. Именно в таком положении оказались профсоюзные движения развитых стран в 70-е годы, но, как мы знаем, несмотря на многочисленные акции протеста, они не сумели эффективно противостоять наступлению предпринимателей. Если ограничиться только объективными характери-

⁹ Kouis Fontieville, 1993. Les mouvements de longue durée dans la pensée économique. Économies et Sociétés, № 7-8.

⁸ Boyer R. Op. cit.

стиками рабочего движения, которое в то время было наиболее сильным за всю свою историю, а в качестве критерия оценки взять силу управленческого аппарата и число членов, то можно предположить, что соотношение сил было оптимальным. Но совсем другим показателем является способность рабочего движения к конкретным действиям, и это заставляет нас обратиться к идеологии, стратегиям и формам организации, унаследованным от послевоенной фазы подъема. Стратегии, зарекомендовавшие себя в 50–70 годы как эффективные хотя бы на количественном уровне, например, в виде повышения покупательной способности рабочих, оказались недейственными в совершенно новых обстоятельствах, в условиях смены цикла.

Совсем иначе развивается борьба внизу цикла, то есть в конце фазы спада. Это объясняет одну из специфических черт сегодняшней ситуации: почему возобновление социальной борьбы, происходящее во многих странах, таких как, например, Франция и США, не сопровождается структурным усилением рабочего движения. На пике подъема рабочее движение обладает силой, но тем больше оно ориентируется на предыдущую модель действий, чем больше та доказала свою эффективность. В нижней точке спада рабочее движение структурно ослаблено, однако эта слабость сопровождается большей гибкостью и позволяет реализовать новые идеи. Одновременно и капитализм находится в фазе переопределения. В этот период войны носят скорее маневренный, а не позиционный характер. Борьба и конфликты нижней точки цикла являются моментами инноваций и переустройства, когда вырываются те организационные формы, которые надолго устанавливаются в период роста. Такой период экспериментов и поисков наблюдался во Франции в начале прошлого века, когда ВКТ, в то время еще революционный профсоюз, обращалась к «палате труда», этому своего рода месту общения и взаимопомощи, на локальном уровне объединявшем представителей всех профессий. ВКТ изобрела французскую модель профсоюза, выполняющего «двойную работу»¹⁰: с одной сто-

роны, непосредственную защиту рабочих, а с другой — радикальное преобразование общества. Эта модель связала национальные профессиональные союзы и местные межотраслевые объединения. После II Мировой войны сформировалось совсем другое профсоюзное пространство, просуществовавшее до 80-х годов, которое сильно отличалось от того, что было в период между двумя войнами. Сегодня мы переживаем период кризиса и переустройства именно этого пространства профсоюзов и ассоциаций.

Отношения между финансовым капиталом и транснациональными корпорациями

В Соединенных Штатах активисты мобилизуются против corporate globalization, то есть против «глобализации, служащей корпорациям», в то время как во Франции социальные движения набрали свою силу благодаря ассоциации АТТАК, которая сконцентрировала свое внимание на «финансовой глобализации» и выступила против спекуляций, последствием которых стал азиатский кризис 1997 года. Это замечание, не являющееся простой констатацией культурных различий, показывает, что проблема глобализации не сводится только к теоретическим вопросам¹¹: опасения, выражаемые по этому поводу, часто определяются интересами самих активистов. Концентрируя внимание на транснациональных корпорациях, мы рискуем упустить из виду то, что задает тон современному этапу глобализации и определяет его правила. Частичный анализ, делающий упор только на важности финансов, мог бы привести к мнению, что проблема ограничивается спекуляциями, с которыми можно справиться с помощью технических мер, например, налога Тобина. Не считая возможным поставить точку в дискуссии, обратимся к некоторым дебатам и к проблеме пенсион-

¹⁰ Выражение, использованное в «Хартии Амьена», принятой на IX конгрессе ВКТ в 1906 г. Этот самый известный текст французского профсоюзного движения является манифестом независимости профсоюзов от политических партий. — *Примеч. перев.*

¹¹ Эта точка зрения была выражена в ходе дискуссий между Мишелем Юссоном и Франсуа Шене в журнале *Critique communiste*, в №№ 149, 151 и 153 с лета 1997 по осень 1998 г.

ных фондов, которые помогут нам лучше понять особенности современной ситуации.

Споры об империализме

В начале XX века мир переживал длительный период экспансии, сопровождавшийся важным изменением капиталистических структур. Описанию и изучению этой новой стадии капитализма, получившей название «империализм», было посвящено множество трудов: английского экономиста Дж. Гобсона, австрийца Р. Гильфердинга и, в особенности, В.И. Ленина, развившего их работы. При новом обращении к этим трудам можно с удивлением обнаружить множество аналогий с сегодняшней ситуацией. Р. Гильфердинг выделяет две характеристики капитализма того времени: концентрация производства в виде образования монополий и увеличение роли финансов в экономике, точнее, банковского капитала. «Все возрастающая часть промышленного капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала (...). Такой банковый капитал, — следовательно, капитал в денежной форме, — который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом», — писал он¹². Поч-

ти те же слова можно прочесть и у современного экономиста Франсуа Шене в его работе «Глобализация капитала»: «Чтобы понять ход развития современного мирового капита-

лизма, начинать следует именно с финансовой сферы». Можно найти и множество других аналогий, начиная с того, какое большое значение, как для частных лиц, так и для государств (в то время Великобритания получала проценты по долгу со стран Юга), приобретает доход от ренты.

Еще одна аналогия — возобновление дебатов между сторонниками концепции «империализма» и приверженцами концепции «ультраимпериализма». Это зна-

чимая для общественных движений дискуссия, приводящая к противоположным точкам зрения на международную ситуацию: либо ее представляют как однополярный мир, подчиняющийся одной всемирной империи (пусть даже близкой к закату), либо как многополярный мир, где усиление межимпериалистических противоречий открывает много возможностей.

Анализируя транснациональные корпорации, Одиль Кастель¹³ предлагает вернуться к термину «ультраимпериализм» Карла Каутского¹⁴, главного теоретика германской социал-демократии до 1914 года. Это понятие было раскритиковано Лениным, который считал, что при современном ему капитализме, получившем название империализма, монополии и

господствующие государства находились в отношениях жестокой конкуренции из-за рынков и территорий, вплоть до состояния войны. В отличие от этой идеи Карл Каутский выдвинул гипотезу о возможном союзе империалистических государств, способном привести к возникновению ультраимпериализма. Каутский полагал вопрос чисто политическим; по

его мнению, он заключался в завоевании территорий, еще свободных от власти крупных держав, например Китая, поскольку империализм не являлся экономической необходимостью для капитализма в целом¹⁵.

Одиль Кастель обращается к другим аргументам, но использует ту же формулу, чтобы определить ситуацию: «Олигополии достигли мировых размеров и государства больше не в состоянии быть взыскательными покровителями своего национального капитализма». Свободные от территориальной привязки к своей стране, транснациональные корпорации соперничают с государствами за возможности влияния на международные институты, такие как МВФ, Всемирный банк, ВТО, которые могли бы обеспечивать им благоприятные условия для расширения рынков и увеличения прибыли. Антонио Негри и Майкл Хардт¹⁶, употребляющие другое выражение («Империя»), придержива-

¹³ Dans Le Triangle infernal, crise, mondialisation, financiarisation, PUF, Actuel Marx, Confrontation, 1999.

¹⁴ Kautsky K. Neue Zeit du 30 avril 1915.

¹⁵ См.: Steenson G. Karl Kautsky, Marxism in the Classical Years. University of Pittsburg Press, 1991.

¹² Цит. по: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма//ПСС. Т. 27. М., 1962. С. 343.

ются сходной точки зрения: «Империализм — это мировая машина по структурированию, направлению, кодификации и территориальному распределению денежных потоков... Напротив, мировой рынок требует свободного от кодификаций, вмешательства и территориальных привязок пространства для потоков капитала». Очевидно, что описываемые Одиль Кастель, Антонио Негри и Майклом Хардтом тенденции имеют место, но сделанные ими выводы все же несколько поспешны.

Корпорации, даже если они транснациональные, нуждаются в политической поддержке. «Политика» очень полезна для ТНК в деле завоевания и защиты рынков. Она еще более необходима для установления норм и правил, обеспечивающих функционирование как капитализма в целом, так и отдельных предприятий, а также как единственный гарант прав и обязанностей. Кроме того, чем сильнее «тылы» предприятия, тем больше у него шансов установить выгодные для себя правила. Вот почему крупные транснациональные корпорации, какими бы интернационализированными они ни были, сохраняют совсем не фиктивную национальную принадлежность: Boeing и IBM остаются американскими, Renault и Total — французскими, а Daimler — немецким. Что касается небольших стран, таких как Голландия, Швейцария или скандинавских государств, то в них положение несколько иное. Основная же борьба все равно разворачивается между странами триады — США, Европой и Японией. Ситуация могла бы измениться, если бы международные институты обрели реальную политическую власть — своего рода прототип Мирового правительства, — но мы все еще далеки от этого несмотря на то, что интернационализация компаний служит одной из причин усиления идеи Мирового правительства или мирового регулирования.

Заслуживает внимания и обратный сценарий. С точки зрения Иммануила Валлерстайна, который считает, что «сильные государства являются гарантом и жизненно необходимым элементом существования

транснациональных корпораций и получения ими крупных прибылей», начало «нового цикла Кондратьева, сопровождающегося ростом производства, повлечет за собой усиление конкуренции между США, Еврозоюзом и Японией за сверхприбыли от этого роста и за право стать центром накопления капитала»¹⁷.

¹⁷ Wallerstein I. Op. cit.

Финансы и промышленность

Одно из основных различий между сегодняшним капитализмом и капитализмом начала XX века кроется в отношениях между финансовым капиталом и транснациональными корпорациями. Именно эта взаимосвязь позволяет нам понять, каким образом могут сосуществовать «либеральная глобализация» и *corporate globalization*.

Теоретики начала XX века считали, что важнее всего тенденция образования монополий на основе «взаимопроникновения банковского и промышленного капитала»¹⁸. Это вело к образованию «финансового капитала», представлявшего собой действительное слияние банков и промышленности, которые совместно управляли крупными сделками того времени. Концентрация производства была как вертикальной, так и горизонтальной, и позволяла монополиям контролировать самые разные секторы экономики. В таких условиях значение биржи уменьшается: доходы с ренты (от прибылей, колоний, процентов по долгам) непосредственно перераспределяются финансовыми учреждениями.

¹⁸ Выражение Николая Бухарина, цитируемое Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма».

¹⁹ Batsch L. Finance et Stratégie. Economica, 1999.

Сегодня биржа играет основную роль в регулировании системы, и если мы наблюдаем увеличение числа слияний и поглощений, то это происходит, по замечанию экономиста Лорена Батча, в рамках «продолжительной тенденции к специализации предприятий». Лорен Батч¹⁹ объясняет эту тенденцию тем, что «акционер лучше защищает свои интересы, сам диверсифицируя собственные инвестиции, чем инвестируя в диверсифицированные предприятия. С одной сторо-

ны, акционер ожидает от компании, что она будет прилагать усилия для максимизации своей рентабельности, а с другой — стремится к сокращению экономического риска, нежели к его диверсификации». Именно такой разрыв между акционерами, владельцами финансового капитала, и предприятиями является отличительной чертой современной системы накопления. Этим объясняется возвращение биржи как места, где окончательно устанавливаются отношения между финансами и предприятиями. Этим же объясняется относительное ослабление влияния банкиров, даже если в некоторых сферах, таких как слияние/поглощение, их роль возрастает. Как замечает в своем романе «Смерть банкира» американский писатель Рон Черноу: «Для описания этого явления используется ужасное выражение: исчезновение посредничества (désintermédiation)»²⁰. Хотя, в сущности, речь идет о другой форме посредничества, которую сегодня выполняют инвестиционные фонды.

²⁰ Chernow R. The Death of the Banker. L., 1997.

В 1945 году в США институциональным инвесторам (пенсионному фонду, фонду страхования жизни, общественным инвестиционным фондам) принадлежало лишь 4,3 % акций американских предприятий. К 1997 году эта цифра выросла до 49,3 % и даже до 59,9 %, если принимать в расчет только 1000 самых крупных предприятий страны.

Относительная автономия сферы финансов и транснациональных корпораций увеличивается в силу форм управления, принятых профессиональными инвесторами, например, пенсионными фондами или фондами пожизненного страхования, которые сегодня являются доминирующими акторами финансовой сферы. Эти акторы находятся в условиях жестокой конкуренции, а результаты их деятельности подвергают постоянному контролю: единственным критерием оценки является доход с вложенных капиталов, и это ведет к разделению ролей — управляющий предприятием и управляющий финансами занимаются каждый своим «ремеслом». Однако время в этих сферах деятельности течет по-разному: в то время как для про-

мышленности требуются годы, чтобы наладить производство новых товаров и систему сбыта, финансовая сфера требует краткосрочной рентабельности, даже если это наносит ущерб долгосрочным интересам предприятия. Сторонники системы пытаются найти решение этой парадоксальной ситуации, объясняя, что то, что плохо для одного предприятия, хорошо для предприятий вообще, поскольку общая производительность возрастает — что еще нужно доказать! — а извлеченные таким образом капиталы могут служить новым секторам экономики, например, знаменитым «start-up». Эти аргументы не совсем обоснованы. Зато совершенно ясно, что система способна функционировать только тогда, когда управляющие фондами предприятий являются внешними: вместо того, чтобы вмешиваться в ход текущих дел, лучше требовать максимальной прибыли с возможных инвестиций. Нормы управления американскими пенсионными фондами хорошо иллюстрируют эту точку зрения²¹.

Пенсионные фонды в США претерпели двойную эволюцию: от фондов, создававшихся на каждом отдельном предприятии — к совместным фондам нескольких предприятий, и от фондов с заранее установленным размером выплат — к фондам с определенным размером взносов.

В послевоенные годы фонды существовали на уровне предприятия, и взносы платили чаще всего только работодатели. Чтобы защитить рабочих от последствий банкротств, связанных с экономическим кризисом, в середине 70-х годов эти фонды были преобразованы в межпроизводственные. Принятый в 1974 году закон ERISA²² определял основы и правила программы защиты сбережений.

Второе изменение (переход от фондов с определенным видом выплат к фондам с определенным размером взноса) связано с биржевым ростом, имевшим место после краха 1987 года. Предприниматели, считая, что это именно они принимали на себя риски, хо-

²¹ См. статьи Sabine Montagne, Mary O'Sullivan, Catherine Sauviat и Jean-Marie Pernot в: *L'Année de la régulation/La Découverte*, 2000. Vol. 4.

²² Employee Retirement Income Security Act (англ.) — Постановление о безопасности пенсионных накоплений наемных рабочих.

тели присвоить себе весь выигрыш от биржевого бума и платить работникам только зафиксированные ранее суммы. Не согласные с такой позицией предпринимателей рабочие и профсоюзы выступали за другую систему: за фонды с фиксированным размером взноса, но с варьирующимся размером выплат, что им гарантивало высокие прибыли в случае биржевого роста и... не давало никакой защиты от потерь в случае краха! Естественно, что в такой ситуации рабочие очень щепетильно относились к управлению этими фондами.

Закон ERISA указывает на необходимость «осторожного» управления подобными фондами. На первом этапе это правило должно было распространяться на каждую отдельную операцию по инвестированию средств. Но по обыкновению Уолл-Стрит подобные «меры предосторожности» относились только ко всему портфелю инвестиций. В конечном итоге эта норма была сведена к необходимости следовать советам «экспертов», и фонды оказались подчиненными общим правилам benchmark²³: их результаты сравнивались с результатами других финансовых инвесторов, и фонды должны были стремиться к схожим результатам, что

означало принятие аналогичных критериев в вопросах рентабельности инвестиций и прибыльности капитала. Со своей стороны, руководство предприятий в качестве защиты использовало принятые в начале 50-х

²³ Benchmark — букв. «эталон», термин из маркетинга и управления, указывающий на критерии сравнения, принятые в определенной области.

годов правила «обычных операций», позволяющие не обсуждать на общем собрании текущие функции управления, такие как управление рабочей силой, социальной политикой, увольнениями и т.п. В повестку дня могли быть внесены только вопросы размера вознаграждения генерального директора и топ-менеджеров, да и то только с 1992 года. Совокупность этих правил вынудила руководство фондов, включая профсоюзных деятелей (которых в 1995 году поддержало в этом вопросе руководство АФТ-КПП, считающее эту сторону профсоюзной жизни исключительно важной), ограничиться стремлением к максимально возможной рентабельности.

Резюмируя рассуждение о функционировании новой «системы накопления», можно сказать, что эти правила в целом, включая структуру предприятий и рабочих мест, а также возможное пространство действий государства, определяются финансовыми процессами, однако управление осуществляется раздельно — руководство транснациональных корпораций оказывает ключевое воздействие как на выбор стратегии развития, так и на реализацию конкретной политики. Из-за негативных последствий, как для социальной сферы, так и для окружающей среды, именно эти механизмы находятся в центре критики социальных движений.

Гомогенизация форм капитализма

В данном параграфе речь пойдет о важной для профсоюзов и общественных движений ситуации, так как она позволяет предсказать, какие виды социальных завоеваний могут оказаться под угрозой и к чему это может привести.

В послевоенные годы капитализм развивался в нескольких формах, которые одновременно различались и по модели промышленности, и по типу «социального компромисса», способного обеспечить регулирование всей системы, обычно с подачи и под контролем государственной власти. Теоретики «школы регуляции» работали над этими особенностями уже с 80-х годов. Так, Робер Бойе²⁴ выделяет несколько способов регулирования. Во-первых, это рыночное регулирование (в США, Великобритании), когда организующим принципом выступает рынок. Во-вторых — это «мезо-корпоративное» регулирование (в Японии и Южной Корее), когда преобладает принцип разделения труда и мобильности, принятый в крупных предприятиях с сильной дифференциацией производства. Далее, это государственное регулирование (Франция), когда вмешательство государства определяет экономические процессы. И, наконец, социал-демократическое регулирование (Германия и Скандинавия), когда

²⁴ Boyer R. L'Année de la régulation. 1999. Vol. 3. Автор развивает эту теорию во многих своих произведениях и статьях.

в процессе переговоров между социальными партнерами устанавливаются как социальные, так и экономические нормы. По-другому описывает эти различия Мишель Альбер. В начале 90-х он ввел термин «рейнский капитализм» для описания немецкой модели, опирающейся на переговоры социальных партнеров и характеризующейся развитием промышленности и гармоничным сочетанием банковского и промышленного капиталов, в течение многих лет обеспечивавшим стабильность системы.

Принуждения, навязанные финансовым капиталом всему миру, и сравнительные преимущества американской экономики в 90-е годы оказались мощным инструментом, заставившим национальные системы быстро адаптироваться к правилам англосаксонского капитализма. Адаптация была тем более быстрой, что в 90-е годы Германия и Япония, придерживавшиеся наиболее значимых альтернативных моделей, благодаря объему своей экономики и специфической форме регулирования попали в ситуацию застоя.

Эволюция немецкой модели

Германия будет испытывать более сильное давление, поскольку она меньше Японии и подчиняется европейским правилам, ускоряющим «глобализацию» стран Европейского Союза. Если бы нужно было выбрать символическое событие, указывающее на активное принятие Германией правил англосаксонского капитализма, то им можно было бы считать поглощение немецкого предприятия Mannesmann англо-американской корпорацией Vodafone в 1999 году. До этого момента крупные немецкие промышленники чувствовали себя защищенными благодаря тесному переплетению банковского и промышленного капиталов, а также благодаря закону, который препятствовал враждебным слияниям и поглощениям. Первоначально международные объединения были результатом альянсов (как, например, создание Airbus) или слияний, когда доминировала германская сторона (например, модель, предложенная Daimler/Chrysler — этот образец крупного успеха немецкой автомобильной про-

мышленности). Постепенно, из-за двух провалов в области телекоммуникаций нарушается стабильность системы. Сначала Deutsche Telecom, несмотря на согласие руководства, не сумел взять контроль над Telecom Italia из-за угроз со стороны Olivetti. Затем Mannesmann, мощная металлургическая корпорация и основной немецкий оператор мобильной связи становится добычей враждебного поглощения англо-американской компанией Vodafone. Успешный — несмотря на совместные усилия немецких предпринимателей, правительства и профсоюзов, пытавшихся прибегнуть к влиянию своих американских коллег в пенсионных фондах этой компании — захват лишь ускориł реформы в Германии. Первая из реформ была проведена в июле 2000 года и касалась налоговой системы. Она относилась как к частным лицам, для которых максимальная ставка подоходного налога сократилась с 51% до 41%, так и к предприятиям, которые получили освобождение от налога на прибыль с передачи акций, что было основным связующим элементом между банковским и промышленным капиталами. Упразднение этих налогов ускоряет процессы слияния/поглощения как в Германии, так и на мировом рынке. Два месяца спустя была проведена пенсионная реформа. Правительство и профсоюзы заключили соглашение, позволившее добавить к существующей системе социальной защиты новый «этаж» в виде пенсионных фондов. Для правительства это было способом снизить издержки в связи со старением населения, но главное — найти необходимые деньги для преобразования немецкого капитализма.

Конечно, коренной переворот в правилах, определяющих функционирование немецкого капитализма, не приведет к унификации производственных отношений крупных государств. Глобализация одновременно и сглаживает различия, и производит их. Как отмечает Жерар Кебаджан: «Глобализация и интернационализация ведут к возрастанию специализации стран, то есть к усилению дифференциации»²⁵. В свою очередь, Робер Бойе пишет: «Это уп-

²⁵ Kébadjian G. Dans Mondialisation, les mots et les choses. Karthala, 1999.

рошение — полагать, что может возникнуть единая оптимальная производственная модель, к которой со временем придут все страны и предприятия. Наобо-

²⁶ Робер Бойе, интервью в *Le Monde* от 29 февраля 2000.

рот, конкурентоспособность различных моделей производства зависит от их специализации и отличий друг от друга»²⁶.

Однако эти важные замечания не уменьшают значения преобразований, затронувших старые формы регулирования и в особенности социальные последствия этих изменений. Каждая страна займет в мировой экономике свою «нишу», но следствием двойного давления со стороны финансового капитала и крупных корпораций, вовлеченных в процесс концентрации, станет унификация правил, определяющих развитие экономики. Германия — одна из европейских стран, где рабочие сохраняют значительные социальные достижения. Это касается размера заработной платы, включая оплату труда наименее квалифицированных работников, пособий по безработице, ограничений относительно гибкости труда, нестабильности рабочих мест, и т.д. Стоит ли сомневаться, что все эти достижения окажутся под угрозой в ходе процессов слияния и поглощения, основная цель которых — поиск «синергии», то есть избавления от избытка рабочей силы? Стоит ли сомневаться и в том, что под давлением стандартов рентабельности интернационализированного финансового капитала предприятия не будут проводить политику временных рабочих мест и гибкой занятости? Политические лидеры и объединения предпринимателей будут стараться заручиться поддержкой профсоюзов в процессе проведения реформ, пусть даже и с некоторыми уступками, как, например, в Германии — в виде гарантии сохранения немецкой системы, которая предполагает соучастие профсоюзов в управлении предприятием. Но опасность разрушения системы социальной защиты, имеющей для трудящихся большое значение, должна привести к активизации большей части немецкого общества, в том числе и профсоюзов.

Японский пример

Эволюция Японии протекает в других условиях и в другом окружении. Развитость ее экономики предоставляет ей более широкое поле действий. Отсюда распространенная среди части политических лидеров и профсоюзных деятелей идея — некоторые считают ее иллюзией, — что Япония может «выйти сухой из воды» и сохранить свою социальную систему. В подтверждение своего тезиса они указывают на размах японской экономики и на «сильные тылы», представленные Азией, где Япония является основным инвестором. Сторонники этой точки зрения также подчеркивают прочность социальных связей, лишь слегка затронутых растущей безработицей, которая, правда, пока локализована в строительном секторе. Но ряд активистов возражает против этой точки зрения, указывая на трещины, появляющиеся в японской модели. Иностранный капитал все больше укрепляется на предприятиях и не намерен терпеливо ждать, когда инвестиции окупятся. Например, на предприятиях Nissan французская корпорация Renault, ставшая главным акционером, провела масштабную реформу, скопировав то, что уже делалось в Европе и США. Эти реформы «сверху» совпадают с некоторыми ожиданиями молодежи, которая уже больше не хочет довольствоваться преимуществами «пожизненного найма» в обмен на множество ограничений свободы: соблюдение дисциплины и иерархии, почти полное отсутствие отпусков и т.д. Более чем десять лет назад появилось даже новое слово — *freeter*²⁷ — для обозначения молодых людей, постоянно меняющих одну работу на другую. В 80-е годы речь действительно шла о выборе, но сегодня новые условия рынка труда уже вынуждают все большее число молодых людей соглашаться на такую форму занятости. Если в 1982 году таким образом работали 52 тысяч человек, то в 1997 их уже было 135 тысяч. Еще одна причина для беспокойства — это труд-

²⁷ Выражение стало популярным благодаря фильму. В безальтернативной ситуации стремления молодежи к другой жизни частично проявляются таким образом. В конце 2000 г. в японской прессе даже появились обращения государственных структур к молодежи, призывающие их согласиться на полную рабочую ставку, чтобы спасти систему социальной защиты!

²⁸ Профсоюз «Ренго» появился в 80-е годы в результате слияния двух профсоюзов — «Домей» и «Йохё» (последний является более левым и близок к Социалистической партии Японии). Это слияние указывало на эволюцию японского профсоюзного движения вправо. Вне «Ренго» находятся «Дзэнрокё», конфедерация, близкая к компартии, и не-большой профсоюз, близкий к крайне левым, состоящий из активистов «Йохё», отказавшихся войти в «Ренго».

ности и противоречия, с которыми сталкиваются японские профсоюзы, особенно самый крупный из них — «Ренго»²⁸, — в своем противостоянии неолиберальным реформам. Так, весной 2000 года правительство успешно провело пенсионную реформу. За несколько лет пенсионный возраст повысился с 60 до 65 лет, а распределительная система была заменена системой американского типа: правительство гарантирует минимальную пенсию, а все остальное зависит от частных пенсионных фондов. «Ренго» не удалось противостоять проведению этой реформы. «Взамен» на нейтралитет профсоюзов в вопросе пенсионных фондов правительство отказалось от другого своего проекта, предполагавшего пересмотр нынешней системы выплаты профсоюзных членских взносов, когда их платит непосредственно работодатель!

В этой ситуации, как и в случае Германии, можно ожидать, что упразднение системы, на протяжении последних десятилетий обеспечивавшей стабильность Японии, приведет к усилению борьбы и реорганизации социальных движений.

Внутренние преобразования на предприятиях

Одно из ключевых изменений капитализма за последние 20 лет — это трансформация самих предприятий. Эта тема очень хорошо освещена в литературе, поэтому мы остановимся только на некоторых моментах, важных для общественных и профсоюзных движений.

²⁹ См. Boltanski L. et Chiapello É. Le Nouvel Esprit du capitalisme. Gallimard, 1999.

Здесь необходимо обратить внимание на три элемента: на эволюцию самих предприятий, на изменения в организации труда и занятости и, наконец, на «дух»²⁹ этого нового капитализма.

В своей эволюции предприятия прошли несколько фаз, включая этап «проб и ошибок», который явным

образом соответствовал зонам роста мировой экономики. Конец 70-х отмечен расцветом кружков качества, 80-е — это увлечение правилами «тойотизма», навязанными уроками японской экономики.

Сегодня тон задает англосаксонский капитализм, включая и вопросы организации предприятий. Мануэль Кастельс считает, что «главный сдвиг можно охарактеризовать как сдвиг от вертикальных бюрократий к горизонтальным корпорациям. Горизонтальная корпорация характеризуется, по-видимому, семью главными тенденциями: организацией, строящейся вокруг процесса, а не задачи; плоской иерархией; командным менеджментом; измерением результатов по удовлетворенности покупателя; вознаграждением, основанным на результатах работы команды; максимизацией контактов с поставщиками и покупателями; информированием, обучением и переподготовкой сотрудников на всех уровнях»³⁰. Кастельс понимает сетевое предприятие как «организационную форму информационной/глобальной экономики». Подобное предприятие функционирует как сеть, координирующая деятельность различных автономных подразделений, созданных головной фирмой и обладающих (или нет) статусом филиалов, например, в случае с субподрядчиками и обслуживающими предприятиями, которые берут на себя функции, «выведенные» («externalisées») головной фирмой за свои пределы. В последние годы отчетливо прослеживается другая тенденция, связанная с правилами, навязываемыми финансовым капиталом, — тенденция концентрации деятельности предприятия вокруг его первоначальной специализации. Частично эта концентрация связана с эволюцией, описываемой Мануэлем Кастельсом, когда та или иная функция выносится за рамки деятельности основного предприятия. Но она же порождает трения между двумя тенденциями: сеть постоянно расширяется, причем это расширение неизбежно сопровождается некоторой хаотичностью, а правила рентабельности заставляют все больше концентрироваться на основной специализации

³⁰ Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000.

предприятия. Это приводит к размножению предприятий делением, когда они сначала разрастаются, а затем распадаются, как это произошло, например, с холдингом Vivendi, который отделил свою первоначальную деятельность — водоснабжение и хозяйственные отходы — от аудиовизуального производства и телекоммуникаций.

Организация труда также подвержена преобразованиям, но не столь быстрым, как заявляют идеологи бизнеса, готовые восхвалять якобы автономный и квалифицированный труд. Если тейлоризм полностью исчез из некоторых отраслей промышленности, таких как химическая, фармацевтическая и т.д., то он сохраняется в ряде других областей: в швейной промышленности, в некоторых секторах металлургии и т.д. Более того, он развивается в ряде новых секторов экономики, таких как телефонные службы предприятий. Однако повсюду развиваются так называемые

партиципативные формы труда³¹, повышается гибкость рабочего графика, во имя рентабельности усиливается давление на работников, «интенсифицируется» труд и быстро увеличивается число временных и не прописанных в законодательстве рабочих мест (временное исполнение обязанностей, краткосрочные контракты и т.д.). Все более дифференцируются положение наемных работников и реальные условия труда, жесткие иерархические формы организации труда сочетаются с действительными формами автономии (часто элементы контроля и автономии даже встречаются одновременно на одном и том же рабочем месте). Эта противоречивая картина служит источником постоянных споров относительно главных тенденций в организации и эволюции труда. Томас Кутро предлагает своеобразную теорию, объясняющую это многообразие: «В неолиберальной фирме автономия, предоставляемая в процессе работы, контролируется постоянной угро-

³¹ Партиципативный (от *англ.* participation — участие, партнерство, совместная работа). Понятие, используемое в современных теориях управления для обозначения некоторых форм социально-психологической мотивации работников. Например, партиципативное управление — вовлечение работников в процесс принятия решений на предприятии. — *Примеч. перев.*

тельными формами автономии (часто элементы контроля и автономии даже встречаются одновременно на одном и том же рабочем месте). Эта противоречивая картина служит источником постоянных споров относительно главных тенденций в организации и эволюции труда. Томас Кутро предлагает своеобразную теорию, объясняющую это многообразие: «В неолиберальной фирме автономия, предоставляемая в процессе работы, контролируется постоянной угро-

зой массовой безработицы и свертывания производства. Это есть результат дерегулирования рынков и вынужденного сотрудничества»³². Подобная модель позволяет обеспечить одновременно «вовлеченность в работу и ее временность, ... то есть внутреннюю и внешнюю гибкость». Она приводит к постепенному применению всеми странами и предприятиями неолиберальной модели производства.

³² Coutrot T. L'Entreprise néolibérale, nouvelle utopie capitaliste? // La Découverte, 1998.

³³ Boltanski L. et Chiapello É. *Op. cit.*

Подобные перемены сопровождаются изменениями в дискурсе и идеологии. Этот вопрос изучали Люк Болтански и Эв Шапелло³³, опиравшиеся на анализ литературы по менеджменту. На смену образу предпринимателя и буржуа, символу «первого духа капитализма» XIX века, после II Мировой войны приходит образ директора, инженера или начальника, управляющего большой компанией фордистского типа. Сегодня же наступило время менеджеров, желательно «продвинутых» и «креативных». Этот третий дух капитализма опирается на понятие «сеть»: «Она упоминается постоянно: и когда затрагивается тема командной работы, когда сами команды работают по принципу сети, ... и когда говорится о налаживании партнерских отношений, основанных на доверии, ... и когда поднимается вопрос об учреждении «сети предприятий»...»

Работа Люка Болтански и Эв Шапелло интересна также своим анализом отношений между эволюцией собственно капитализма и развитием его критики. Эти отношения имеют двустороннюю направленность: капитализм интегрирует в себя элементы протеста, особенно те, что исходят от «артистической критики»³⁴, в то время как общественные движения насквозь пропитываются «духом капитализма». «Можно установить структурную зависимость между новыми протестными движениями и формами капитализма, получившими развитие в последние двадцать лет. Эта зависимость дает

³⁴ Авторы различают критику артистическую и критику социальную. Первая выступает против процесса отчуждения и за стремление к автономии и самоосвобождению.

этим очень пластичным движениям возможность ощутить себя на твердой почве там, где у традиционных организаций она уходит из-под ног. Но это также означает, что эти движения должны научиться существовать в нестабильной и противоречивой ситуации, характерной для зарождающихся форм капитализма»³⁵.

Здесь мы лишь очертили явление, к описанию которого еще вернемся. Укажем еще на некоторые про-

блемы, возникающие в связи с этим изоморфизмом между протестными движениями и новой капиталистической системой.

Сначала обратимся к сложностям, которые описывают Люк Болтански и Эв Шапелло применительно к социальным движениям. Авторы высказывают опасение, что эти движения ограничатся лишь критикой эксклюзии³⁶, не поднимая проблемы эксплуатации.

Но существует и более сложный вопрос: можно согласиться с известным тезисом о том, что две армии не могут сражаться, если между ними нет чего-то общего (изоморфизма). Но разрыв и победа зависят от того, какая сторона найдет новые идеи и новые организационные формы.

³⁵ Boltanski L. et Chiapello É. Op. cit.

³⁶ Эксклюзия (от фр. *exclusion*) — исключение. Термин «социальная эксклюзия» впервые был использован во Франции для обозначения социально незащищенных категорий населения, исключенных из активной социальной жизни. — Примеч. перев.

ЧАСТЬ 2. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В НОВОМ МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Итак, необходимо определить влияние новой мировой ситуации на движения, выступающие против либеральной глобализации. Их деятельность помогает пролить свет на еще не изученные аспекты нового международного контекста.

А. Возвращение более гибкой политики

Во-первых, речь идет об открытии уже известного, а именно, политики, реализующейся в сложном соотношении сил, допускающем неожиданные события и победы.

Десятки тысяч протестующих, выступившие в Сиэтле в ноябре 1999 года, даже поддержанные манифестантами в Париже, Лондоне или Нью-Дели, никогда бы не смогли одержать победу над ВТО — одной из самых могущественных международных организаций, — если бы не существовало противоречий, разделяющих богатые страны и бедные, и в особенности, Европейский Союз и Соединенные Штаты. Но победа, одержанная манифестантами, легитимировала появление на социальной арене нового действующего лица, сразу получившего международное признание. И это признание легитимировано как размахом движений, вовлеченных в процесс (что проявилось в манифестациях в Сиэтле), так и смутными предчувствиями того, что наступил один из тех поворотных моментов, когда, при благоприятных обстоятельствах, еще малые пока силы могли бы перерасти во что-то более серьезное и получить совсем другое развитие.

Итак, перед нами ситуация, в корне отличная от ситуации, сложившейся в мире после 1945 года. Разделение на два блока, быстро закрепившееся благодаря ядерному оружию, вынуждало различных участников международных отношений «выбирать свой лагерь» и принимать экономическую и политическую реальность, за которую выступал тот или иной блок. Попытки освободиться от опеки, предпринимавшиеся с 1954 года¹ некоторыми странами «третьего мира», не смогли изменить реального соотношения сил. Каждая страна, в конце концов, была вынуждена искать себе

¹ В 1954 г. Индия, Египет, Югославия, Цейлон и Индонезия провели конференцию в Бандунге и положили начало процессу, в результате которого было создано Движение неприсоединения. Иммануил Валлерстайн подробно описывает эти события в газете «Монд дипломатик» (август 2000).
² Realpolitik (от нем. *real* — реальный и *politik* — политика) — международная политика, основанная на анализе соотношения сил и конкретных возможностей (без идеологического влияния) (словарь Petit Robert).

«покровителя»; только Китай и в меньшей степени Индия смогли сохранить существенную автономию в определении своей политики. Необходимость следовать одной из двух линий распространялась не только на государства. Большинство профсоюзных организаций, партий и общественных движений примыкало к одному из мировых политических полюсов. Некоторые оправдывали свой выбор соображениями идеологического порядка, другие — простым реализмом. Этот реализм, апеллировавший к опыту различных американских и советских военных операций, призывал и Восток, и Запад к осторожной политике «малых дел»,

которая не угрожала политическому балансу, установившемуся после II Мировой войны.

Единственный сбой в этой Realpolitik² произошел в 1968 году, во время первой «мировой революции», или второй после 1848 года, если рассматривать мир только через призму Европы. Но даже если 1968 год и является поворотным моментом в истории Мир-Системы, его непосредственного политического воздействия оказалось недостаточно для того, чтобы создать действительную альтернативу биполярному миру. Последнее крупное европейское общественное движение этого периода — движение за уничтожение

ядерного оружия начала 80-х — также не избежало раскола: пока манифестанты скандировали «Лучше быть красным, чем мертвым», большинство социал-демократических партий одобряло размещение американских ракет «Першинг» во имя свободного мира.

Разрушение биполярного мира вновь вносит неопределенность. Снова образуются ситуации, где подвижное соотношение сил создает трещины и лакуны, благоприятствующие становлению новых социальных пространств. Этот мир сам по себе ни хуже и ни лучше, ничто не влияет на возможные пути его развития. Но в ситуации, когда временные политические интересы и расстановка сил имеют такое большое значение, сложнее найти ориентиры, и социальным движениям и левым партиям трудно выработать направление развития.

Итак, в области социальных движений мы наблюдаем возврат к политике, проводившейся до русской революции, отличной от времени, когда существование Советского Союза служило ориентиром для левых политических партий.

Маркс поддерживал Германию в войне 1870 года³, поскольку считал Наполеона III агрессором и полагал, что все, что шло на пользу объединения Германии, позволяло укрепиться немецкому пролетариату, одному из самых организованных в тогдешней Европе. Но тот же Маркс немедленно выступил против Тьера и прусской армии и защиту Парижской Коммуны, возникшей в результате поражения Франции. Это доказательство гибкости позиции, противоположной политической практике рабочего движения 1950–1980-х годов, предопределенной биполярным миром.

Подобную же гибкую политику, основным критерием которой являлась расстановка сил в то или иное время, использовали Мао Цзэ-дун и Коммунистическая партия Китая. КПК была ослаблена победой националистов в Цзянси в 1934 году и вслед за тем — изнурительным «Великим походом». Однако японская интервенция в Китай и связанные с ней патриотиче-

³ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17.

ские чувства, преобладавшие у населения и в армии, позволили Мао с 1935 года добиться создания общего с националистами «единого антияпонского фронта».

В момент, когда политическое, а особенно экономическое мышление унифицировано сильнее, чем когда-либо, а соперничество с американским господством представляется невозможным, гипотеза об изменчивости и подвижности мира может показаться парадоксальной. Но она базируется на прогнозах и фактах, опирающихся на знание внутренних противоречий капитализма.

Капиталистическая система основана на конкуренции, на постоянном поиске способов снижения издержек производства и одновременно — на постоянном поиске новых рынков сбыта. Капитализм сильнее, чем какой-либо другой способ производства, порождает противоречия и стимулирует конкуренцию как между компаниями, так и между странами. Так, США достигли пика своего господства, но их удельный вес в мировой экономике продолжает снижаться: 50 % мирового ВВП в послевоенные годы, около 25 % сегодня и, возможно, 15 или 20 % в следующие 20 лет!

Недавние события лишь подтверждают это. Поражение ВТО в Сиэтле, через год с небольшим после срыва переговоров по МСИ (многостороннего соглашения об инвестициях, обсуждавшегося на уровне ОЭСР), ставшее следствием масштабной мобилизации «антиглобалистских» организаций, указывает на хрупкость действующей системы. И в том, и в другом случае движения могли играть на противоречиях интересов и разногласиях между странами или группами стран. Эти победы кардинально изменили роль общественных движений и степень ответственности, возлагаемой на них. К примеру, вопрос, который постоянно задавали руководителям движений, готовивших выступления, их оппоненты и пресса перед событиями в Сиэтле, звучал так: «В чем вы упрекаете ВТО?». После Сиэтла в вопросах уже содержалась альтернатива: «Необходимо ли реформировать ВТО?», «Какую торговую систему вы предлагаете?» или «Какие меж-

дународные институты нам необходимы?» Эти вопросы, в свою очередь, провоцируют дискуссии внутри самих движений. Очевидно, что они трудноразрешимы для сравнительно молодых и слабых структур, подготовивших эти выступления.

Б. Новые характеристики происходящего

Если, как мы увидели, при понимании существующей ситуации можно опираться на аналогии, то необходимо также принимать в расчет новые характеристики происходящего процесса.

Спустя десять лет после падения Берлинской стены в круг интересов социальных акторов постепенно включаются особенности новой мировой обстановки. Эта отсрочка (в действительности довольно короткая) создала возможности для новой мобилизации — на первом этапе национальной, а затем континентальной и мировой. Это касается выбора объектов критики и более общих целей коллективных акций — всего того, что можно назвать новой сущностью современного интернационализма.

Интернационализм, получивший развитие в рабочем движении, опираясь на две основные идеи: понимать других, чтобы иметь возможность анализировать положение дел, если возможно — в глобальном масштабе, и, особенно, проводить кампании солидарности, с тем чтобы соотношение глобальных сил шло на пользу локальной борьбе и локальному соотношению сил. Многие поколения активистов воспитаны на кампаниях против войны в Алжире или во Вьетнаме, на кампаниях в поддержку сандинистов Никарагуа или польского профсоюза «Солидарность». Эти акции оказали свое влияние, и до сих пор продолжают его оказывать. Российская власть прислушивается к кампаниям против войны в Чечне, международное общественное мнение сыграло ключевую роль в том, чтобы остановить резню в Восточном Тиморе, или чтобы Пиночету, наконец, были предъявлены обвинения в его преступлениях: сначала в Лондоне, а затем в Сантьяго. Эти кампании могли оказывать существенное воздействие: поражение американцев во Вьет-

наме объясняется как численностью манифестантов, выступавших против войны в США и во всем мире, так и сопротивлением вьетнамских войск. Но если глобальный расклад сил был признан всеми основными действующими лицами (например, американские политические руководители были одержимы «теорией домино», предполагавшей, что любая страна, склоняющаяся к коммунизму, оказывает негативное влияние на своих соседей), то конкретные действия оставались национальными. Таким образом, хотя кампании солидарности и сыграли значительную роль, наиболее существенной для активистов, несмотря ни на что, оставалась борьба в собственной стране. Для Че Гевары, отправившегося в Боливию, не было поддержки лучше, чем «Два, три, много Вьетнамов» от вьетнамских бойцов.

Из истории нам известны международные акции иного характера: международные кампании, выдвигавшие более общие требования. Так, Социалистический Интернационал (II Интернационал), созданный в 1889 году, предполагал скоординированные акции против войны, которую предчувствовал весь мир. Провал этой кампании очевиден: каждая партия спряталась за своим правительством.

Сегодня расклад сил существенно изменился из-за появления межгосударственных структур и международных институтов. Например, решения Европейского Союза о приватизации сектора общественных услуг, соглашения ВТО по поводу сельскому хозяйству или ГМП⁴, рекомендации «Большой восьмерки», «формально неформальной» структуры, об условном

⁴ Генетически модифицированные продукты. — Примеч. перев.

аннулировании задолженностей наиболее бедных стран — всё это может иметь очень серьезные последствия для всех и каждого. Теперь становится

ясно, почему целью коллективных акций является попытка влияния на приоритетные задачи и решения, принимаемые этими институтами. Обозначен новый тип интернационализма: совместная деятельность ради изменения мирового порядка, согласованная и скоординированная.

Процесс пошел! И он еще не скоро закончится. Победа в Сизетле объясняется не только благоприятным стечением обстоятельств, которые позволили такой «мелочи», как уличные манифестации, склонить чашу весов в свою пользу. Если радикальное изменение мирового порядка, сложившегося после Ялты, создало новое пространство для игры, то вовсе не нейтрален тот факт, что конфронтация разворачивается именно с международными институтами. Эти институты не обладают ни легитимностью, ни силой, которые оправдывали бы их амбиции. 30 тысяч манифестантов в Брюсселе, Амстердаме, Кёльне или Лиссабоне, противостоящие Евросоюзу, имеют больший вес, чем 30 тысяч манифестантов в Париже, Берлине или Риме, противостоящие своим собственным правительствам. Это утверждение верно и по отношению к всемирным институтам, которые шокированы возникновением «гражданского общества», заявляющим о себе на каждой международной встрече или конференции.

Частично происходящее объяснил Ив Салесс⁵: в случае Евросоюза — это слабость социальной базы, на которую опирается европейский проект.

⁵ Salesse Y. Propositions pour une autre Europe. Felin, 1997.

Завершение становления европейских наций в XIX веке стало возможным благодаря совпадению подлинных устремлений народа и материальной заинтересованности буржуазии, которая предпочла единое пространство без лишних препятствий и государство, достаточно сильное для того, чтобы представлять интересы буржуазии в борьбе за передел мира.

Создание Евросоюза происходит в ином контексте, без действительного участия населения и предпринимателей. Разве что некоторым небольшим государствам, которые заведомо не могут претендовать на автономию в мировой игре, участие в Союзе дает возможности для быстрого экономического роста.

Перед своим населением Европа часто предстает в образе придирчивой бюрократии, которая к тому же стремится пересмотреть социальные завоевания. Что касается крупных предприятий, то они вовлечены в

процессы слияний/поглощений, таких как Daimler/Chrysler или Renault/Nissan, происходящие в мировом масштабе. Они стойко защищают Евросоюз как стабильную область с единым рынком и единой валютой, но не используют на деле европейские институты как орудие борьбы в ведущейся ими мировой экономической войне.

Европейским проектом по-настоящему занимаются руководители политических партий и профсоюзов, интеллигенция и чиновники государств, шокированных, и не без основания, итогами войн, которые опустошили континент и привели к необратимому ослаблению бывших империй. Это «политическое сообщество» часто выступает в публичной сфере (в СМИ или во время предвыборных кампаний), но его социальная база крайне слаба, что приводит к действиям, еще больше ослабляющим его имидж. Союз социал-демократов и христианских демократов особенно заметен в Европарламенте, где к тому же считается хорошим тоном иметь преобладающее большинство голосов для того, чтобы быть услышанным другими европейскими институтами. Все это порождает своеобразную «культуру консенсуса», которая гасит любые политические дебаты и, с точки зрения граждан, лишает эти институты легитимности.

Естественно, институты, ориентирующиеся на мировые проблемы, еще более хрупки. Мы еще вернемся к этому центральному для «антиглобалистских» движений вопросу. Пока укажем на то, что сложности и возможные «неполадки», существующие внутри международных институтов, парализованных трудноразрешимыми противоречиями, связаны, в том числе, и с их отношениями с американским правительством.

Можно сделать первое заключение о движениях протеста: в существующей обстановке классическое правило, гласящее, что оборона всегда является более сильной позицией, нежели нападение, верно как никогда! Было гораздо проще блокировать попытки ВТО и ОЭСР расширить рыночное пространство, чем заставить крупные державы списать долг стран Юга или ввести налог Тобина в мировом масштабе.

Под вопрос не ставятся справедливость или цели подобных кампаний, но в таком случае можно определить, сколько еще необходимо приложить усилий для достижения результатов.

Еще одно следствие данной ситуации, к которому мы вернемся позже: постоянное осмысление и обсуждение вопроса о мировом правительстве («global governance», как говорят англичане), который включает в себя такие проблемы, как реформа международных институтов, возможность создания Мирового правительства, идеи справедливости и международного права. Это не рассуждения мечтателей-утопистов. Подобные вопросы получают новое освещение в контексте актуальных событий, вновь набирают силу с каждым кризисом и каждым конфликтом.

ГЛАВА 2. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕХ ДВИЖЕНИЙ ПРОТЕСТА

Тщательный анализ движений протеста, их эволюции и внутренних споров требует рассмотреть те кампании, в результате которых они появились на мировой арене: кампанию против «коммерциализации мира», проведенную по случаю созыва генеральной ассамблеи ВТО в Сиэтле, кампанию за списание долгов стран «третьего мира» и т.п.

Впрочем, лучше начать с движений, появившихся задолго до возникновения борьбы против либеральной глобализации и вынужденных реагировать на описанные изменения мировой ситуации. Прежде всего, это профсоюзы и другие общественные движения — молодежи, крестьян, безработных, феминисток, а также негосударственные организации (НГО). Мы подробно остановимся на каждом из них, но имеет смысл предварительно рассмотреть некоторые общие проблемы и противоречия, с которыми сталкиваются эти движения и организации.

Первая проблема совершенно типична. Речь идет о противоречии, с одной стороны, между радикальной точкой зрения и борьбой за выгодное соотношение сил, а с другой — между стремлением к официальному

признанию и необходимостью переговоров. Мы не собираемся возвращаться к этому уже не раз обсуждавшемуся вопросу, но обратим внимание на его новые аспекты. По-настоящему важен здесь только один момент: события в Сиэтле, Вашингтоне и Праге реабилитировали идею, что соотношение сил — необходимое условие политической борьбы, поскольку протест нескольких десятков тысяч манифестантов сделал больше, чем долгие годы лоббирования и переговоров со стороны профсоюзов и НГО. Но в то же время создание в ходе этой борьбы различных институтов расширило, по крайней мере формально, возможности для переговоров об открытости по отношению к «гражданскому обществу». Разрешение этого противоречия хорошо известно всем, кто хоть раз в жизни посещал курсы профсоюзного образования: соотношение сил необходимо, но чтобы закрепить достигнутые в борьбе позиции и достижения, столь же необходимы переговоры! В то же время известно, что несмотря на очевидность подобного подхода, его реализации препятствуют многие факторы: выбор приоритетов, сила традиции, интересы управленческого аппарата, даже самого небольшого, то значение, которое придается официальному «признанию». Эти трудности встречаются на всех этапах развития движения.

К этому необходимо добавить противоречие, с одной стороны, между стремлением к внутренней демократии и широкому участию активистов в принятии решений на всех этапах, и с другой стороны, между спросом на экспертизу и «компетентность». Существуют еще два противоречия; они возникли не сегодня, но особенно остро проявляются в сложившейся ситуации:

- противоречие между деятельностью на местном или национальном уровне и деятельностью на международном, континентальном или мировом уровне;

- противоречие между стремлением к специфической идентичности во всех ее проявлениях, включая

то, что сегодня называют «корпоратизм»¹, и необходимостью широких коалиций по важнейшим политическим вопросам.

А. Локальное и глобальное

Противоречие между локальным и глобальным только начинает проявляться. Пока оно затрагивает лишь небольшие группы активистов, находящихся в самом центре борьбы против либеральной глобализации, тех, кто постоянно принимает участие в международных мероприятиях, подобных акциям в Сиэтле, Праге или Порту-Алегри. Но это противоречие, несомненно, будет усиливаться из-за увеличения числа международных мероприятий — каждая страна, каждый город уже пытаются воспользоваться самым незначительным собранием «сильных мира сего» в целях мобилизации. Но есть и другие, более существенные причины усиления этого противоречия.

Мы уже говорили о первой из них: появление нового вида интернационализма — совместные действия для оказания давления на международные институты, на позицию «Большой восьмерки» по отношению к долгам беднейших стран, на ВТО в Сиэтле, на МВФ и Всемирный банк в Вашингтоне и Праге. «Старый» интернационализм, по-прежнему необходимый и сегодня, был нацелен на формирование общего баланса сил, поддерживал ту или иную национальную борьбу, и лучшим способом действий было организовать новый «фронт» внутри собственной страны. Сегодня речь идет о совместных одновременных действиях для проведения кампании, которая могла бы отразиться на всей планете. В новой ситуации возникают и новые методы: блокада и другие виды осады, препятствующие функционированию международных институтов или, по крайней мере, заставляющие их услышать выдвигаемые требования. Поэтому можно понять, почему для многих активистов важно быть там, где «творится История».

Вторая актуальная проблема тесно связана с предыдущей: отсутствие или очень слабое развитие ми-

рой экономической и социальной организации. Принимает форму защиты специфических интересов своей собственной группы (профессиональной, этнической и т.п.). Сегодня часто употребляется представителями неолиберализма в отрицательном смысле по отношению к сторонникам сохранения социальных завоеваний, более справедливого распределения общественного продукта и т.п. — *Примеч. перев.*

¹ Доктрина, считающая профессиональные организации корпоративного типа фундаментальной структу-

ровой или хотя бы континентальной сцены публичной политики, которая бы способствовала проведению мобилизации в мировом масштабе. На национальном уровне эта проблема рассматривается иначе. Когда речь идет лишь о Франции, то для того, чтобы быть услышанным или влиять на принимаемые решения, необязательно физически присутствовать в Совете министров или Национальной Ассамблее. Во время забастовки работников сектора общественных услуг осенью 1995 года или во время активизации движения безработных 1997–1998 годов обсуждался вопрос, насколько целесообразно «идти на Париж» общенациональным маршем. Но на национальном уровне это не очень важно. Бастующие и активисты, журналисты и политики, а также те, кто следил за событиями, — все имели возможность оценить расстановку сил и судить о реакции правительства. Эти движения имели свои показатели и ориентиры, позволявшие определить уровень и интенсивность борьбы: блокада транспорта и почты, численность манифестантов в

ноябре-декабре 1995 года, оккупация здания ASSEDIC², впечатляющие акции протеста активистов движения безработных и т.п. Лидеры этих движений постоянно появлялись в СМИ

и наряду с министрами и аналитиками участвовали в публичных дебатах, главенствовавших во всех газетах, на радио и на телевидении.

На международном уровне ничего этого нет. Иногда кажется, что международная общественная трибуна все же существует в той мере, в какой ключевые моменты мобилизации постепенно формируют общее пространство представлений. Особенно явно подобная тенденция наблюдается на европейском уровне, поскольку конструирование Европейского Союза способствует формированию общего языка, необходимого для взаимопонимания и совместной деятельности. Но ограниченность этой тенденции очевидна. Дебаты и события мирового масштаба не только освещаются отрывочно и случайно, искажается сама точка зрения на происходящее. К событиям подходят с точ-

ки зрения мирового расклада сил, они освещаются сквозь призму американских интересов, в лучшем случае — сквозь призму интересов доминирующих государств³.

Для того чтобы преодолеть это противоречие, мы не можем довольствоваться общепринятыми и бесспорно привлекательными лозунгами, например, «мыслить глобально, действовать локально», или такими неологизмами, как «глокализация». Единственный путь — это выбор общих ориентиров, точек отсчета и традиции, которые позволяют действовать максимально эффективно и, следовательно, публично. Такой путь предполагает создание средств, необходимых для установления взаимопонимания между движениями разных стран; признание движений в странах, считающихся периферийными по отношению к центру мировой системы; и самое главное — выработку четкого плана совместных действий и общих требований. По мнению философа Жана-Марка Ферри, «современная публичная сфера представляет собой две конкурирующие структуры. Во-первых, классическая структура, возникшая с появлением парламентского режима и существующая обычно в национальных рамках, и, во-вторых, информационная структура, связанная с появлением массовых демократий и ростом влияния крупных средств массовой информации. Во втором случае публичная сфера выходит за рамки политических категорий, подогнанных к национальному уровню»⁴. Чтобы приблизить создание «космополитической Европы», Жан-Марк Ферри предлагает «Аудиовизуальную европейскую хартию» и призывает народы Европы «переосмыслить свою историю и расположить исторические события в

³ Это утверждение можно проиллюстрировать следующим примером. Во время встречи на высшем уровне глав американских государств, проходившей в Квебеке в апреле 2001 г., CNN — единственный (хотя бы с натяжкой) международный телеканал — прекратил свои программы, чтобы показать в прямом эфире «битву при Квебеке», в которой сошлись полиция и 40 тысяч манифестантов. В Генуе в июле 2001 г., где было значительно больше манифестантов и реакция полиции была еще более жесткой, CNN довольствовался короткими регулярными сообщениями. И мы можем быть уверены, что подобные манифестации в Нью-Дели или Сан-Паулу будут удостоены лишь короткого репортажа в вечерних новостях.

⁴ Ferry J.-M. La question de l'Etat européen. Gallimard, 2000.

² Association pour l'Emploi dans l'Industrie et le Commerce — биржа труда во Франции. — Примеч. перев.

масштабе Европы, а не только своей собственной нации».

Однако подобное историческое исследование реализуется также (и, возможно, прежде всего) через совместную осознанную деятельность, опирающуюся на международную мобилизацию. Национальные идентичности, основа, структурирующая все политические дебаты, складываются из коллективной памяти о совместных действиях. Для Франции таким опытом являются: революция 1789 года и ее результаты; июнь 1936 года, когда французские рабочие добились оплаты отпусков; освободительное движение и послевоенные социальные или демократические завоевания: получение женщинами права голоса, создание сектора общественных услуг или установление минимального уровня оплаты труда. Эта сконструированная память — одна из ставок сегодняшней борьбы. Активист и философ Даниель Бенсаид замечает: «...прошлое никогда не уходит полностью. Мы с ним никогда не расстаемся. Оно хранит в себе множество возможностей, дремлющих или подавленных. Перетасовывая карты истории и раздавая их заново, мы всегда можем освободить побежденных от их поражений»⁵. Главное в такой описательной работе, направленной исключительно на создание новых возможных «повествований о мире»⁶, это выбор событий, значение которых часто было непредсказуемым. Но надо еще и интерпретировать это значение, и изложить его в связанном повествовании. Именно этим зани-

мались сапатисты, на организованных ими «межгалактических собраниях» после индейского восстания в Чьяпасе. Именно этим занимаются активисты «антиглобалистского» движения на всех своих встречах — на саммите «Другой Давос», Всемирном Социальном Форуме в Порту-Алегри, на множестве различных мероприятиях и конференций в Женеве, Праге или Сеуле — пытаясь придать смысл зарождающейся борьбе с либеральной глобализацией.

⁵ Bensaïd D. *Walter Benjamin, sentinelle messianique*. Plon, 1990.

⁶ Эта формулировка часто используется экономистом Рикардо Петрелла. Она прозвучала в интервью, опубликованном в *Liberation* от 22 января 2001 г.

Следующий этап предполагает совместное осмысление международных выступлений и придание им публичности, даже если каждая конкретная акция будет связана с местными условиями. Предложения подобного рода уже появляются. Например, бразильские профсоюзные активисты предлагают провозгласить «День всемирного протеста против либеральной глобализации», который мог бы сыграть примерно такую же роль, как праздник 1 Мая — в создании рабочего движения, или 8 Марта — в борьбе за права женщин. Подобные же шаги предпринимались движением «Глобальный союз народов» (объединение радикальных организаций типа британской «Reclaim the Streets» или итальянской «Ya Basta»⁷).

⁷ «Довольно!» (*umai*).

Б. Защита идентичностей и универсальные требования

Другое проявление противоречия между частным и общим — соотношение между борьбой за идентичность и более широким фронтом — менее существенно для сети активистских организаций. До сих пор, когда различные группы совместно участвовали в различных демонстрациях и кампаниях, этого противоречия отлично удавалось избегать. Концентрация кампаний вокруг международных саммитов облегчила сближение. Протест против политики международных институтов может быть сформулирован самым разным образом: как очень конкретно и узко (например, в виде того или иного экологического или социального вопроса), так и очень широко. Тем не менее, проблема не исчезает, и трудности так или иначе могут возникнуть. После событий в Сиэтле многие американские аналитики прогнозировали раскол созданного против ВТО фронта и задавались вопросом, что может быть общего у «защитников черепах и профсоюзных активистов-металлургов». Но анализ экспертов оказался ошибочным: последовавшие месяцы и годы доказали, что между ними гораздо больше сходства, чем казалось. Парадоксально, но мы думаем, что угрозу может представлять именно слишком быстрая «гло-

бализация» выдвигаемых требований и лозунгов, не учитывающая потребности в специфических ответах и в действительном участии всех участников общественной сцены.

Логика альянсов вытекает из логики глобализации, и это верно для всех уровней. Альянсы становятся необходимыми по мере того, как растет мобилизация. В целом, общественные деятели все больше осознают глобальность новой системы, даже если она имеет для них очень конкретную форму, и быстро приходят к выводу о необходимости объединения сил для того, чтобы набрать политический вес. Джон Суини, президент АФТ-КПП, заявил по пово-

⁸ Речь, произнесенная во время манифестации в Сизтле. Цит. по: Salmon Jean-Marc. *Un monde à grande vitesse*. Seuil, 2000.

⁹ Движение нелегальных иммигрантов за свои права. — Примеч. перев.

¹⁰ Речь, опубликованная в Humanité от 29 декабря 1999 г.

ду глобализации следующее: «Эта битва распространится на весь мир и будет длиться долгие годы. Нам необходимо объединить профсоюзных активистов, студентов, экологов, представителей различных церквей»⁸. Жоао Педру Стедиль, один из главных лидеров Движения безземельных крестьян Бразилии, придерживается такого же мнения: «Мы пришли к выводу, что необходимо протянуть руку другим движениям, профсоюзам, народным движениям, религиозным деятелям и др. Чтобы противостоять неолиберализму, мы хотим построить международный союз из различных общественных движений, таких как «Европейский марш против безработицы», движение «Без документов»⁹, сапатисты и различные латиноамериканские фронты освобождения»¹⁰. Аналогичные высказывания можно найти и у участников новых движений, таких как АТТАК, «Юбилей 2000» (коалиция, выступающая за списание долгов стран «третьего мира»), или у представителей экологистской организации «Friends of the Earth» («Друзья Земли»), принимающих участие в самых различных демонстрациях и контрсаммитах.

Мнение о необходимости союзов распространяется и на другие уровни. На предприятиях, где кон-

фликт когда-то сводился к противостоянию наемных работников и работодателей, профсоюзное движение постепенно расширяет и модифицирует фронт борьбы. Внутренние преобразования на предприятиях: реорганизация труда, вывоз производства, выведение ряда операций за пределы головной фирмы, сетевые предприятия — всё это ослабляет профсоюзы и часто лишает эффективности забастовку как классическое средство воздействия, направленное на то, чтобы парализовать выпуск продукции. Исключением являются забастовки на транспорте и почте, а также на тех редких предприятиях, где профсоюзы могут использовать реорганизацию компаний (организованных по принципу «just in time») для того, чтобы нанести ощутимый удар производству. Но во всех остальных случаях профсоюзы заинтересованы в сотрудничестве и создании альянсов, как в международном, так и в социальном плане, в привлечении других социальных сил к своей борьбе и придании конфликту политического значения в том смысле, что конфликт на предприятии должен стать объектом социальной дискуссии в обществе.

Если мы возьмем для примера Францию, то здесь на такую эволюцию указывают многие конфликты последних лет: в кампании против приватизации «Франс-Телеком», предпринятой профсоюзами, в частности, «SUD — Почта и связь», участвовали, в частности, и потребители; в забастовках учителей, требовавших создания новых рабочих мест, принимали активное участие родители школьников. Другой фактор, способствующий такой ситуации — это большое значение, которое фирмы придают общественному мнению и всему, что касается их имиджа. Эта слабость, возникающая в результате ужесточения конкуренции и растущей роли СМИ, может стать оружием как для работников этих предприятий, так и для потребителей и движений в защиту окружающей среды или демократических прав. Первыми почувствовали на себе действие этого оружия нефтяные компании, и, как показывает кампания по бойкоту продукции «Данон», движение уже не остановить. Методы, оп-

равдавшие себя в борьбе на предприятиях, применимы и в других областях. Это подтверждает эволюция крестьянских конфликтов. Крестьянские конфликты долго оставались чисто экономическими и были в основном связаны с поддержанием цен на продукцию. Но последнее время благодаря «Конфедерации крестьян» круг поднимаемых проблем значительно расширился. Речь уже идет о ГМП, гормональной говядине, костной муке или о защите окружающей среды, и во время процесса над Жозе Бове и его товарищами из «Конфедерации крестьян» благодаря этому расширению возникло массовое движение солидарности.

Но в то же время либеральная глобализация и реакция на нее легитимируют и противоположную тенденцию: развитие движений за сохранение той или иной отрасли, профессии или национальной идентичности. Речь идет о сопротивлении целых социальных групп, тем сильнее защищающих свою специфичность, чем больше они отстранены от общественной жизни, заброшены и забыты.

В 80-е годы социальная борьба в Европе имела свои характерные черты. Она развивалась как реакция на потерю ориентиров, которыми ранее служили предприятия, вступившие на этап быстрых преобразований, и в особенности — на неубедительные пути выхода из кризиса, выразившегося в росте безработицы, ослаблении экономического и социального положения, которые предлагали как политические партии, так и профсоюзы, и т.п. Эти тенденции были особенно сильны в Италии, где прошла первая волна

выступлений Cobas¹¹, и во Франции, где начиная с 1987 года образуются различные координационные ста-

точные комитеты железнодорожников, а затем младшего медицинского персонала.

Как пишет социолог Жак Капдевел, после Сизтла «либеральная глобализация торгового обмена из оправдания навязывания неприемлемого, отмены социальных завоеваний становится катализатором сопротивления и протеста. Защита национальной специфики, еще недавно лишенная всякой легитимности,

оказывается реабилитированной и даже ценной»¹². Защита специфичности, по мнению Жака Капдевели, со временем станет повсеместной:

«Вспыхнувшее стремление к идентичности и к защите частных интересов есть не что иное, как обратная

сторона медали всеобщего гражданства, к которому все стремятся, но которое остается утопией». «Стремление к идентичности и корпоративности не является архаизмом, а скорее относится к современности. Оно указывает на недостатки современной политики и не угаснет, пока они не будут исправлены». Развивая приведенную мысль, Мануэль Кастельс полагает, что в ситуации, когда «кризис легитимности лишает смысла и значения институты индустриальной эпохи», может показаться, будто «мы присутствуем при зарождении мира, состоящего исключительно из рынков, сетей, индивидов и стратегических организаций»¹³. В то же время «мы наблюдаем появление

мощных сопротивляющихся идентичностей, которые не ограничиваются традиционными ценностями». Мануэль Кастельс полагает, что именно на основе этих сопротивляющихся идентичностей могут возникнуть «творящие идентичности, потенциально способные строить новое гражданское общество и, в конце концов, новое государство». Однако он сам же и признает, что этот прогноз не соответствует сегодняшней реальности. Итак, «антиглобалистскому» движению еще предстоит разрешить эту проблему.

Проблема во многом разрешима только на практике. Последние выступления, кстати, показали высокую способность к сочетанию частного и общего без ущерба для характерных особенностей частного. Однако каждый шаг в этом направлении должен быть осторожным, необходимо учитывать все специфические требования и проблемы, поскольку они рискуют раствориться в слишком общих словах. Так, в декабре 2000 года акции протеста, проходившие в Ницце по случаю саммита Европейского Союза, позволили установить связь между теми, кто регулярно выступает за

¹² Capdevielle J. Modernité du corporatisme. Sciences-Po, 2000.

¹³ Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. 2. The power of identity. Oxford, 1997.

¹¹ Comités de Base — низовые комитеты (франц.).

иную социальную политику в Европе — в основном это профсоюзы и движения безработных, — и «антиглобалистскими» движениями, в частности АТТАК. Необходимо было особое усилие, чтобы в дополнение к базовым лозунгам сохранить требования, выдвигаемые каждым социальным движением. К примеру, за несколько дней до контрсаммита ассоциация «Европейский марш против безработицы» организовала «европейский парламент безработных и социально незащищенных граждан». Наконец, социальные форумы, как всемирные (в Порту-Алегри), так и континентальные (во Флоренции, например), идеальны для того, чтобы предъявлять различные требования, связанные с конкретными идентичностями. Прогресс сотрудничества организаций разного типа можно наблюдать во многих странах: и в Аргентине, где против МВФ вместе с безработными вышел на улицу «средний класс», и в Италии, Испании, Греции, где профсоюзы вместе с другими организациями «антиглобалистского» движения проводили всеобщие забастовки против либерализации трудового законодательства.

Многие трудности, возникающие на пути современных общественных движений, связаны с одной проблемой: каким образом организовать процесс сопротивления, чтобы каждая группа была задействована и могла отстаивать свои интересы на всех этапах общественной борьбы. На первый взгляд, анализируемые проблемы могут показаться банальными, однако они затрагивают такие важные вопросы, как демократия и стремление к освобождению, а также проблему поиска политических средств, необходимых для реализации этих устремлений.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРОФСОЮЗЫ

А. Сила и слабость профсоюзов

1. Сильные стороны

«Профсоюзное движение остается единственным универсальным и демократически организованным движением, обладающим замечательной способностью к сопротивлению: ни одно другое движение, ни один другой общественный институт, за исключением церкви, не сумели пережить две мировые войны и два тоталитарных режима, оказавших беспрецедентное в новейшей истории разрушительное воздействие на общество»¹. Это высказывание Дана Галлена, бывшего секретаря Международного профсоюза работников пищевой промышленности, может показаться преувеличенным или даже фантастическим. И, тем не менее, справедливость этих слов может подтвердить простой анализ статистических данных. Международная Конфедерация свободных профсоюзов (МКСП), образовавшаяся после раскола Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), произошедшего по инициативе американской АФТ-КПП и европейских социал-демократических профсоюзов в 1949 году, сегодня является основной международной профсоюзной организацией, насчитывающей 124 миллиона человек. Если добавить число членов Всемирной конфедерации труда (ВКТ), Христианского профсоюзного объединения, ВФП и независимых профсоюзов, не входящих в международные конфедерации, то мы получим более 160 миллионов человек. Ни одно общественное движение не может соперничать с этими цифрами. Французское движение АТТАК, которое считается примером удачи последних лет, объединяет немногим более 30 тысяч человек — что чуть больше 1 % членов и так немногочисленных европейских профсоюзов. «Public Citizen», американская общественная организация, созданная в 70-е годы Ральфом Надером, была, пожалуй, самым могущественным из всех объединений, представленных в Сиэтле в декабре 1999 года. Она

¹ Gallin D. ATTAC contre la dictature des marchés. Syllepse, 1999 (сборник статей). Перевод статьи Дана Галлена «Переосмыслить политику профсоюзного движения» см.: Школа трудовой демократии, 2000, № 30.

насчитывает 100 тысяч участников, в то время как в профсоюзном объединении АФТ-КПП в 1999 году насчитывалось 16,5 миллионов человек. Однако огромное значение профсоюзов объясняется не только их массовостью. Профсоюзное движение — это неправительственная структура, организованная лучше всех, не считая церкви. К десяткам освобожденных членов МКСП необходимо добавить работников Международных профсоюзных секретариатов (МПС), объединяющих на мировом уровне профсоюзы по отраслям, а также работников континентальных организаций: Межамериканской региональной организации трудящихся или Европейской конфедерации профсоюзов. Для сравнения: деятельность «Via Campesina» — международной структуры, объединяющей десятки крупных крестьянских движений, членами которой являются Конфедерация крестьян Франции и Движение безземельных крестьян Бразилии — координируется секретариатом из трех человек, причем один из них работает на полставки.

2. Слабые стороны

Однако если рассматривать события, взяв в качестве показателя крупные конференции, которые оказали значимыми после Сиэтла, то впечатление будет иное. В сентябре 2000 года в Праге во время генеральной ассамблеи МВФ и Всемирного банка президент Чешской Республики Вацлав Гавел организовал публичные дебаты между руководителями перечисленных финансовых институтов и представителями «гражданского общества». В этих дебатах принимали участие, с одной стороны, Джеймс Вулфенсон, президент Всемирного банка, и Хорст Келлер, директор МВФ, а с другой — Энн Петифор из организации «Юбилей 2000» (Великобритания), Уолден Белло из Focus on the Global South, Катарина Лижкова, активистка, представлявшая чешских манифестантов, а также финансист Джордж Сорос. Как видим, среди участников не было ни одного представителя профсоюзов. Несколько месяцев спустя ООН организовала в Женеве «Общественный саммит», который

должен был подвести итоги последних пяти лет. На этом мероприятии также проходило много дискуссий, вносились разнообразные предложения, однако, даже если учесть приуроченные к саммиту манифестации, проводившиеся на улицах города представителями французских профсоюзов из объединений CGT, FSU и SUD, или участие МКСП в некоторых дебатах, основная инициатива все равно принадлежала НГО и ассоциациям. Спустя еще несколько месяцев в Бангкоке, где состоялась Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), самыми активными вновь были негосударственные организации. Мартин Кор из Third World Network (сеть организаций стран «третьего мира»), выступил на пленарном заседании в защиту точки зрения тех, кто стал жертвой либеральной глобализации, после чего многие руководители — от Мишеля Камдессю, чей мандат в должности директора МВФ подходил к концу, до Рубенса Рикуперо, генерального секретаря ЮНКТАД — обратили внимание на нарастающую роль НГО. И опять ни слова не было сказано о профсоюзном движении.

Подобное «отсутствие» профсоюзных организаций там, где проходят основное обсуждение проблемы глобализации, отчасти несправедливо. Деятельность профсоюзов имела ключевое значение для движений в США. Во многих странах, начиная с Южной Кореи и заканчивая Францией, профсоюзы служили движущей силой при формировании коалиций и структур последних лет, и среди лидеров НГО, участвующих в протестном движении, очень часто можно встретить членов профсоюзных организаций. Но неактивное участие профсоюзов в международных дебатах в то же время указывает на серьезные трудности, переживаемые профсоюзными организациями — как национальными, так и международными.

3. Значение национальных особенностей

Первая трудность заключается в тесной связи профсоюзных движений с национальным законодательством, правилами и традициями. Профсоюзные организации универсальны как выразители интере-

сов наемных работников в конфликте между трудом и капиталом и в то же время они полностью зависят от национальных особенностей. С момента своего возникновения профсоюзы боролись за признание и полноправное участие в переговорах, касающихся положений наемных работников: условий и оплаты труда, рабочего времени и организации труда и т.п. Но признание профсоюзов и их права на ведение переговоров оказались тесно связаны с конкретными формами социальных компромиссов, которых удалось добиться в разных странах.

Закон Тафта-Хартли, принятый в США в 1947 году, пересмотрел Закон Вагнера 1935 года, а также достижения профсоюзов 30-х годов. Созданная система предусматривает два варианта: как правило, если профсоюз признан большинством голосов коллектива, то все работники предприятия становятся членами профсоюза и руководство обязано вступить в переговоры по заработной плате и по другим вопросам, касающимся условий труда — в противном случае не будет ни профсоюза, ни переговоров, ни даже права на забастовку! Это объясняет, почему американские профсоюзы так обеспокоены своим признанием. Отсутствие профсоюзных организаций в новых отраслях экономики в начале 90-х вызвало настоящий шок, само выживание профсоюзного движения оказалось под угрозой. Это ключевой момент для понимания эволюции АФТ-КПП, а также конгресса 1995 года, приведшего к власти Джона Суини.

Во многих странах, недавно переживших режим диктатуры, скажем, в Бразилии, Мексике или Южной Корее, ситуация с профсоюзами обстоит иначе: членство в них обязательно, а сами профсоюзные органи-

зации структурируются по локальному принципу — по предприятиям или профессиям, как, например, в Бразилии. Конфедерации, в том числе наиболее активные, такие как корейская КСТУ² или бразильская CUT³ — это в первую очередь национальные объединения, к которым присоединяют-

ся активисты низовых организаций, поэтому на каждом профессиональных выборах они борются за то, чтобы местный профсоюз присоединился именно к их конфедерации, а не к другой. В такой ситуации главную роль играют именно локальные организации и «профессиональный» фактор, а от руководства конфедераций требуется большая гибкость, чтобы участвовать в альянсах на национальном или международном уровне, и сказанное верно для КСТУ и CUT.

Приведенные нами примеры сильно отличаются от того, что происходит в Европе. Однако «небольшие различия» даже в, казалось бы, похожих случаях, могут иметь серьезные последствия. К примеру, и во Франции, и в Испании на предприятиях сосуществуют одновременно несколько профсоюзов с ограниченным количеством членов, и их право представлять интересы зависит от профсоюзных выборов. Но в Испании коллективный договор имеет полную силу, только если он одобрен профсоюзами, составляющими большинство. В противном случае он применяется только в отношении членов того миноритарного профсоюза, который подписал договор. Во Франции же договор вступает в силу и применяется ко всем, даже если его подписал только один самый маленький профсоюз. Исходя из этого, становится ясно, почему в Испании в ситуации слабого движения протеста крупнейшие профсоюзы заключили договор о единых действиях в рамках умеренной политики, и почему во Франции профсоюзные организации разделены на два лагеря — радикальный, причем куда более радикальный, чем в какой-либо другой европейской стране, и соглашательский, следующий указаниям патроната.

Социологи Ренато ди Руцца и Серж Ле Ру указывают, что если на национальном уровне «солидарность трудящихся встроена в такие институты, как налоговая система, школы, профсоюзные организации, комитеты трудовых коллективов и др., то есть в конкретные формы, имеющие долгую историю»⁴, то на международном уровне, несмотря на час-

² Korean Confederation of Trade Unions — Конфедерация профсоюзов Южной Кореи.

³ Central única dos Trabalhadores (du Brazil) — Единый профцентр трудящихся Бразилии.

⁴ Di Ruzza R., Le Roux S. Le syndicalisme dans la mondialisation. Atelier, 2000.

тые призывы к солидарности, выдвигающиеся в дискуссиях или в профсоюзной прессе, все остается на уровне слов и заявлений. Поэтому можно с прискорбием констатировать, что «капитализм всегда развивался в международном, читай мировом масштабе, в то время как история рабочего движения, по крайней мере до сегодняшнего дня, есть история невозможного интернационализма».

Конечно, национальные различия профсоюзов и история социальных компромиссов не могут полностью объяснить, почему международные профсоюзные организации слабо вовлечены в дискуссии и акции, направленные против либеральной глобализации. Существует другая, более глубокая проблема внутри крупнейших профсоюзных организаций — проблема выбора ориентиров. Для выяснения ее причин необходимо, во-первых, разобраться в самом процессе глобализации, а, во-вторых, проанализировать роль и прерогативы профсоюзных организаций.

4. Анализ процесса глобализации

Следуя мнению ряда теоретиков и политических деятелей, множество профсоюзных организаций, в особенности европейских, полагает, что им ничего не остается, как только следовать глобализации, стараясь исправить ее самые негативные последствия.

Например, Николь Нота, генеральный секретарь CFDT⁵, объясняет происходящее так: «Речь идет о свершившемся факте, не зависящем от чьих-либо точек зрения, убеждений или эмоций. Просто свершившийся факт. Глобализация уже здесь... [более того, она создает] ситуацию, выгодную для Франции, поскольку у нее позитивное сальдо по внешней торговле»⁶. Н. Нота считает, что

опасность заключается скорее в очернении глобализации, и выражает надежду, что «профсоюзы устоят против этой слабости». При этом ей кажется, что да-

же МКСП⁷ не устояла перед таким соблазном: «МКСП чувствует свою силу, но она оказывается неспособной осмыслить новую глобальную ситуацию, ужесточение соперничества между ведущими странами, выход новых стран на мировой рынок и отчаянное положение стран «третьего мира». По сути, она поддается искушению заменить ненавистный коммунизм на очернение глобализации». Подобная точка зрения широко распространена в среде европейских профсоюзных организаций. Этим можно объяснить неучастие профсоюзов во многих акциях, в частности, в первой фазе борьбы 1999–2000 годов. И все же европейские профсоюзы играют важную роль в профсоюзной деятельности всего мира — в силу своей численности и структурной организованности, того влияния, которое они продолжают оказывать на профсоюзы бывших колоний, но также и потому, что Европа, и все, что с ней связано, рассматривается в активистских кругах как альтернатива американскому господству.

5. Прерогативы профсоюзных организаций

Другая сложность в выборе ориентиров связана с прерогативами, на которые претендуют профсоюзы. Дело в том, что многие профсоюзные руководители все еще с недоверием относятся к НГО и различным ассоциациям, в серьезности которых они сомневаются, и считают себя единственно легитимными в силу своей массовости.

Отвечая на вопрос об отношениях между профсоюзами и НГО, заданный во время кампании за списание долгов беднейших стран (Окинава, июль 2000 года), Эцуя Васэ, президент «Ренго» (крупнейшего японского профсоюза), сказал следующее: «НГО развивают активную деятельность и добиваются значительных результатов, [однако] они представляют исключительно себя. Профсоюзы, прежде всего, являются организацией, которая представляет работников, имеющих разные мнения. Мы не можем сфор-

⁷ Международная конфедерация свободных профсоюзов. Стоит напомнить, что она создавалась в противовес коммунистической Всемирной федерации профсоюзов (ВФП). — Примеч. перев.

⁵ Confédération française de travail — Французская конфедерация труда. Внутри французского «антиглобалистского» движения считается, что она проводит соглашательскую политику. — Примеч. перев.

⁶ Notat N. Je voudrais vous dire. Seuil/Calman-Lévy, 1997.

мулировать наши требования так, как это делают НГО, и мы не можем действовать теми же методами». Отсюда Васё делает вывод, что «профсоюзы должны сохранять полную независимость при сотрудничестве с НГО». Похожие заявления часто делают профсоюзные лидеры, которые путают два вида НГО: одни — это НГО без реальной активистской базы, специализирующиеся на интеллектуальной деятельности или социальной работе, другие — социальные движения, по английской традиции иногда именуемые НГО, которые вполне могут представлять большое количество людей. К последним, например, относятся крестьянские и женские движения, движения безработных или массовые экологические организации. Несмотря на это, «Ренго» решил принять участие в кампании за отмену долгов, причем Эдуя Васё был одним из трех сопредседателей этой кампании. Но такому решению предшествовали долгие дискуссии внутри организации относительно возможностей сотрудничества с «Юбилеем 2000».

В этом случае, по крайней мере, имело место сотрудничество, а вот события вокруг МСИ⁸ сопровождались жаркими спорами. Для того чтобы разобраться в происходившем, необходимо вспомнить, что переговоры по поводу МСИ проводились в рамках ОЭСР. Это одно из немногих международных учреждений, где благодаря Профсоюзному консультативному комитету при ОЭСР (ПКК-ОЭСР), куда входят представители из МКСП и ВКТ, профсоюзные организации считаются партнером. Однако их реальный вес очень незначителен.

Переговоры по МСИ начались в 1995 году, но широкое освещение эта проблема получила только в 1997 году благодаря американской ассоциации «Public Citizen» и французской газете «Монд дипломатик». После выступлений прессы по всему миру, включая Францию, прошли массовые выступления против МСИ. Протесты во Франции, в которых активно участвовали деятели науки и культуры, продолжались до середины 1998 года, когда француз-

⁸ Многостороннее соглашение по инвестициям.

ское правительство отказалось от участия в соглашении.

В открытом письме к генеральному секретарю МКСП Биллу Джордану, написанном по случаю всемирного съезда МКСП, проходившего в Дурбане (ЮАР) в апреле 2000 года, Питер Уотермен⁹, профессор и бывший профсоюзный лидер из Великобритании, упрекал мировые профсоюзные организации, что они не участвовали в этом движении протеста.

Билл Джордан опубликовал свой ответ в Focus on Trade¹⁰. Он утверждал, что не видит принципиальной разницы между массовой акцией и столом переговоров и что «в период с 1995 по 1998 годы ПКК-ОЭСР

прилагал множество усилий к тому, чтобы повлиять на структуру и содержание переговоров, тогда как огромное большинство НГО еще даже не подозревало о существовании проблемы». Затем Б. Джордан провел параллель между дебатами о самом принципе ведения переговоров между работодателями и профсоюзами, проводившимися уже на заре рабочего движения, и дебатами о необходимости ведения переговоров в международном масштабе. В ходе объяснений он позволил себе небольшую колкость в адрес НГО: «Я не помню, сколько руководителей НГО приписывает себе заслугу срыва переговоров по МСИ. Но если это помогает им продавать их книжки, то пусть так, даже если это не соответствует фактам».

Ответ Билла Джордана указывает на две проблемы. Первая, самая очевидная, связана с поведением, можно даже сказать тактикой, профсоюзных организаций, в данном случае ПКК-ОЭСР, хотя в действительности эта проблема намного шире. МСИ было очень важным делом, потому что в случае его подписания инвесторы, особенно из транснациональных компаний, получили бы влияние, превышающее возможности демократических институтов. Фактически речь шла о том, чтобы «защитить» инвесторов от ри-

⁹ Waterman P. Open Letter to the General Secretary of ICFTU // Focus on Trade, № 49, april 2000, <http://www.focusweb.org>

¹⁰ Электронный ежемесячный журнал, издающийся Focus on the Global South. Университет Chulalongkorn, Bangkok, Thailande. <http://www.focusweb.org>

ска принятия законов и других обязательных актов, которые устанавливали бы принудительные, подчас дорогостоящие социальные или экологические нормы, а также правила, обеспечивающие защиту экономической и интеллектуальной национальной продукции. Поэтому сначала было необходимо провести

¹¹ См.: Observatoire de la mondialisation. Lumière sur l'AMI, le test de Dracula. Esprit frappeur, 1998.

¹² В данном случае ответственность лежит на ПКК-ОЭСР и национальных подразделениях ОЭСР, которые, получив предупреждение от ПКК, не поняли, или не захотели понять всю значимость этого проекта.

¹³ Во Франции единственными профсоюзными организациями, присоединившимися к этой кампании, были профсоюзы Union syndicale G10 «Solidaires» (Профсоюз Группы десяти «Солидарность»), Федерация объединенных профсоюзов работников образования (FSU) и Федерация CGT, в частности, Федерация CGT-Финансы.

широкую кампанию по информированию международной общественности об опасности такого соглашения. Это удалось сделать членам общественных движений и НГО¹¹, позаимствовавших у Лори Уоллак из «Public Citizen» образ вампира, который больше всего боится света, в данном случае — публичных дебатов и широкого распространения информации. Профсоюзы, напротив, предпочли тайные переговоры, надеясь переубедить предпринимателей и правительства только с помощью аргументов. Несмотря на то, что, если верить Биллу Джордану, профсоюзы были в курсе дела уже с 1995 года, они не провели ни одной кампании, и ни один профсоюзный лидер — ни международного, ни национального масштаба — не выступил с публичным

заявлением. Профсоюзы, в частности организации, представленные в ПКК-ОЭСР, виновны именно в отсутствии реакции, а не в попытках с наименьшими потерями отстоять общественные интересы в переговорах по МСИ¹². Критика должна быть еще более жесткой, если вспомнить, что эти же профорганизации не присоединились в 1998 году к общественным движениям и НГО, начавшим кампанию против МСИ¹³.

Здесь мы сталкиваемся с традиционной проблемой бюрократизации профсоюзных организаций. Благодаря представительству в различных национальных инстанциях, где ведутся переговоры, а также в инстанциях международного и континентального масштаба, таких, как Европейский Союз, профсоюзы хо-

рошо информированы о происходящем и участвуют в обсуждении многих проектов. Но все эти обсуждения не выходят за рамки узкого круга профсоюзных руководителей и экспертов. Руководители никогда не обращаются ни к общественному мнению, ни к мнению рядовых членов профсоюза и часто не считают нужным кого-либо информировать. Это отсутствие прозрачности в деятельности профсоюзов, то есть отрыв от низового звена, часто просто бюрократизация, является одной из причин современного кризиса профсоюзов.

Но дело МСИ ставит перед профсоюзами еще один вопрос: как можно «заключить контракт» и, таким образом, установить определенные правила в мировом масштабе. По мнению Билла Джордана, речь идет об эволюции, сравнимой с той, что более века назад во многих странах создала возможности для проведения коллективных переговоров. Однако между нынешней ситуацией и ситуацией прошлого века есть существенная разница. На национальном уровне переговоры включены в рамки определенного законодательства и процедур, как правило, учитывающих общественный интерес. На международном уровне, при отсутствии политических институтов, способных исполнять роль, которая обычно отводится национальному парламенту или правительству, ответственность профсоюзных организаций существенно возрастает. В случае ведения переговоров они должны учитывать все аспекты обсуждаемого вопроса, а не только относящиеся непосредственно к ним. Представим, к каким разрушительным последствиям может привести заключение «отличного» коллективного договора в транснациональной компании, которая при этом поддерживает самые жестокие диктаторские режимы или загрязняет окружающую среду. Поэтому профсоюзы должны активнее сотрудничать с другими общественными движениями, чтобы иметь возможность видеть все стороны проблемы. Для этого нужно раз и навсегда порвать с традицией «репрезентативности», которая ведет к изоляции и самоуверенности профсоюзов. Речь идет о радикальном

изменении всей деятельности профсоюзов, и такое изменение, естественно, не может произойти только на международном уровне. Кризис и возрождение профсоюзов вписываются в общие изменения системы на различных уровнях, хотя национальный уровень остается при этом для профсоюзов главным.

Б. Кризис и возрождение

В действительности, переживаемый профсоюзами кризис — это кризис устаревшей организационной модели, возникшей на базе крупной промышленности и в рамках законодательства каждой отдельной страны.

Закат профсоюзных организаций описан многими аналитиками, например, Мануэлем Кастельсом. «Чтобы сохранить прибыли, не допуская при этом инфляции», — пишет он, — национальные экономики и частные фирмы с начала 1980-х годов воздействовали на стоимость рабочей силы, либо увеличивая производительность без создания дополнительных рабочих мест (Европа), либо снижая оплату труда на вновь созданных рабочих местах (США). Профсоюзы, главное препятствие для такой односторонней реструктуризации, оказались неприспособленными для того, чтобы представлять интересы новых групп (женщин, молодежи, иммигрантов), действовать на новых рабочих местах (офисы частного сектора, высокотехнологичные отрасли промышленности) и функционировать в организациях нового типа (сетевые предприятия мирового масштаба). К тому же наступление со стороны политических кругов усилило историко-структурные механизмы, работающие против профсоюзов»¹⁴.

Кризис профсоюзных организаций — это во многом функциональный кризис. Играя роль посредника между рабочими и администрацией предприятия, примерно с конца 70-х годов профсоюзы утратили часть своих функций. Создание так называемого партисипативного менеджмента («участие работников в управлении»), развитие заводской прессы, введение новых форм контроля над работниками, и др. — все это постепенно лишало профсоюзы их способности влиять на

события. Позиции профсоюзов как инструмента коллективных переговоров, которые, кроме всего прочего, привели к росту уровня жизни и некоторому уменьшению социального неравенства, оказались ослаблены индивидуализацией зарплат и рабочего времени, разрушением устоявшихся профессий и рабочих мест, а также развитием субподрядов. За последние 20 лет профсоюзы в развитых странах потеряли половину своих членов, а область их деятельности все больше и больше сводится к традиционным сферам влияния: в США — это государственный сектор и автомобильная промышленность, во Франции — только государственный сектор и сфера общественных услуг, в Германии — крупные металлургические предприятия, и т.п.

Разные страны реагируют на этот кризис по-разному. Некоторые считают необходимым поощрять деятельность профсоюзов и способствовать росту их влияния в переговорах законодательными мерами и другими поправками к правилам социального партнерства. Однако общий фон, на котором принимались эти законы, был неблагоприятен для профсоюзов, и это сказалось на результатах. В некоторых странах, например, во Франции и в Италии, где наблюдается активный рост новых радикальных профсоюзов, не входящих в обычные конфедерации, такие «улучшения» в первую очередь были направлены на укрепление монополии старых профсоюзов! Во Франции это «закон Пербена», за который проголосовали правые политические силы (но левые, получившие потом большинство в парламенте, его не отменили), призванный замедлить развитие альтернативных профсоюзов SUD¹⁵ и FSU¹⁶. В Италии были разработаны аналогичные законы с целью сокра-

¹⁴ Кастельс М. Указ. соч. С. 267.

¹⁵ Профсоюз SUD (Solidaires, Unitaires, Démocratiques — Солидарность, Единство, Демократия) был создан в 1989 г. активистами «Франс-Телеком» и «Почты», исключенными из CFDT. После крупнейших забастовок в ноябре и декабре 1995 г. другие профсоюзы приняли название и программные установки этого профсоюза. См.: Annick Coupé, Anne Marchand, SUD, syndicalisme incorrect, Syllepse, 1999.

¹⁶ Fédération syndicale unitaire — Унитарная профсоюзная федерация (профсоюз работников образования) была образована в 1993 г. после исключения нескольких профсоюзных организаций из FEN (Fédération de l'enseignement national — Федерация национального образования). Сегодня это крупнейшая профсоюзная федерация работников образования.

щения влияния профсоюзных комитетов Cobas¹⁷.

Именно сама профсоюзная практика — источник новаторства, позволяющего бороться с тенденцией ослабления профсоюзов. И вполне логично, что новые решения были найдены в тех странах, где профсоюзы понесли большие потери, — в частности, во Франции и Соединенных Штатах, где, несмотря на значительное различие систем, найденные пути выхода из кризиса оказались во многом схожи.

Французский опыт

Во Франции профсоюзы раздроблены, и их многообразие считается правилом. Существует пять конфедераций, обладающих постоянным правом представительства¹⁸, крупные профсоюзы, не состоящие в

¹⁸ Конфедерации, признанные представительными, имеют право вести переговоры и назначать представителей на предприятиях без необходимости доказывать каждый раз свое право на представление интересов работников.

конфедерациях, и множество других профсоюзных объединений: от самого маленького анархо-синдикалистского профсоюза (CNT) до самого крупного «Группа десяти» (или «Солидарность»), которая объединяет профсоюзы SUD и независимые профсоюзы, такие как профсоюз налоговиков (SNUI) или профсоюз жур-

налистов (SNJ). Раздробленности профсоюзов способствуют сами правила, регулирующие ведение переговоров: для вступления в силу коллективного договора достаточно получить согласие хотя бы одного профсоюза, даже самого маленького. В профсоюзах состоит менее 10 % активного населения Франции. Это самый низкий уровень среди индустриально развитых стран. Однако малочисленность компенсируется мощной активистской традицией, которая придает профсоюзам значительно большее значение, чем можно было бы подумать, ориентируясь только на цифры. Но, обладая влиянием в государственном секторе, французские профсоюзы намного слабее в частном секторе, чем профсоюзы других индустриально развитых стран.

За последние 15 лет в жизни французских профсоюзов можно выделить три важных момента, которые оказали влияние на ход внутренних дебатов.

Координационные комитеты

Координационные комитеты второй половины 80-х годов были сформированы по образцу комитетов, созданных в 1986 году в ходе массового студенческого движения против проекта реформы образования (так называемые реформы Девакета); в свою очередь, эти комитеты следовали традиции, сложившейся в 70-е годы внутри студенческого движения: во время забастовок каждый университет или школа выбирали своих представителей, которые участвовали в координационных комитетах.

Координационные комитеты, функцией которых было обеспечение управления забастовочным движением, гарантировали прямое представительство наемных работников вне зависимости от того, являлись ли они членами профсоюза. Комитеты возникали в организациях, имевших очень разные традиции. Так, комитеты, сформированные в 1988 году среди медсестер, которым свойственна низкая социальная активность, позволили работникам отстаивать свой профессиональный статус и свои специфические требования. Машинисты поездов, которые, напротив, активно участвуют в профсоюзной деятельности и привыкли к социальным конфликтам, благодаря координационным советам смогли преодолеть раздробленность своих профсоюзов во время забастовки 1987 года.

Но эти же координационные комитеты раскрыли слабые стороны профсоюзного движения, где в тот период преобладали в основном умеренные взгляды. Дело в том, что в начале 80-х у власти находились левые, и профсоюзы избегали столкновения с ними. Кроме того, совместная деятельность осложнялась разобщенностью профсоюзных организаций. Наконец, профсоюзы не всегда учитывали специфику труда и особенности некоторых профессий. И, тем не менее, создание координационных комитетов позво-

лило значительно демократизировать управление общественными движениями. До 70-х годов именно профсоюзы (а на деле — профсоюзные руководители) занимались организацией конфликтов: от призыва к забастовке до призыва вернуться к работе. После 1968 года, с возникновением левых радикальных организаций и формированием новых идейных направлений ситуация стала более свободной: генеральные ассамблеи наемных работников перестали быть исключительно местом регистрации уже принятых решений, но стали местом настоящих дебатов и столкновения мнений. Однако управление ходом национальных социальных конфликтов оставалось целиком в ведении руководителей федерального или конфедеративного уровня. В 1988 году, во время выступлений протеста медсестер, Мишель Рокар, тогдашний премьер-министр, впервые согласился принять членов координационного комитета и вступил с ними в переговоры. Этот случай, единственный в своем роде, шокировал профсоюзы. С тех пор профсоюзные организации вынуждены были определять свою позицию в отношении координационных комитетов и, главное, учитывать демократическую волю наемных работников, чтобы не потерять влияние в среде трудящихся.

Новые профсоюзы

Другая важная черта современного развития французского профсоюзного движения — это новые проф-

союзы, которые выражают демократический настрой активистов низовых организаций. Деятельность координационных советов и последовавшие за ней дискуссии привели к созданию профсоюза «SUD — Почта и связь» и аналогичного ему профсоюза в здравоохранении. Если CGT, несмотря на традиционно сильную централизацию, приняла идею координационных комитетов, то CFDT¹⁹ это оказалось гораздо труднее. Она

¹⁹ CFDT и CGT (Confédération générale du travail, Генеральная конфедерация труда Франции) — две основные французские конфедерации. Радикальный период для CFDT — это 70-е гг., когда она приняла проблематику мая 68 года (феминизм или самоуправление), но в 80-е политика конфедерации сильно изменилась, и сегодня она является символом

решила прекратить этот эксперимент и стала принимать дисциплинарные меры в отношении активистов, вовлеченных в деятельность координационных комитетов — в особенности это коснулось активистов системы здравоохранения и отделений связи парижского региона.

Конечно, создание новых профсоюзов было непростым делом даже для активистов левого крыла CFDT. В 70-е годы профсоюзные группы, исключенные из CGT или из CFDT, предприняли несколько попыток организовать новые профсоюзы, но эти организации просуществовали недолго.

Итак, необходимо понять, чем современная ситуация отличается от прежней. Во-первых, создание координационных комитетов усилило демократические настроения, на фоне которых старая профсоюзная практика, основанная на делегировании власти и уважении к иерархии, стала еще более неуместной. Во-вторых, крушение СССР, а также десятилетний опыт управления левых партий существенно изменил отношения между профсоюзами и различными политическими партиями. Теперь наемные работники ожидали от профсоюзов прежде всего эффективных инстру-

ментов защиты своих интересов. К тому же они в полной мере оценили независимость профсоюзов от политических партий и правительства.

Успех нового профсоюза CRC в парижском регионе, а в особенности быстрый рост влияния «SUD — Почта и связь» доказали, что возможен новый подход. На профессиональных выборах²⁰ в марте 1989 года, то есть через три месяца после своего создания, «SUD — Почта и связь» получил 4,75 % голосов работников связи всей Франции. На выборах 2000 года «SUD — Почта и связь» стал вторым профсоюзом в отрасли сразу после

очень умеренного и «ответственного» синдикализма. В результате такого резкого поворота внутри конфедерации формируется левая оппозиция, активисты которой сыграли важную роль в конфликтах 80-х гг., особенно при организации координационных комитетов.

²⁰ Во Франции существует четыре формы представительства работников на уровне предприятия: профсоюзные делегаты (их назначает тот профсоюз, к которому они принадлежат), делегаты трудового коллектива, делегаты комитета предприятия и делегаты Комитета гигиены, безопасности и условий труда (последних трех избирают всеобщим голосованием). Выборы делегатов работников называются «профессиональными выборами». — *Примеч. перев.*

CGT и получил 24 % голосов на почте и 28 % на предприятиях «Франс-Телеком». Примеру этого профсоюза последовали и другие. В 1993 году профсоюзные организации системы образования и группы, исключенные из FEN, создали новый профсоюз FSU. После падения СССР федерация FEN решила отмежеваться

²¹ Забастовки 1995 г. разделили профсоюзное движение Франции на две части. С одной стороны были те, кто поддерживал забастовки (CGT, FO, FSU, SUD, «Группа десяти»), а с другой — те, кто выступал против них (CFDT, UNSA, CFTC, CGC).

от примыкавших к ней левых политических течений, исторически связанных с коммунистической партией или с левыми радикальными движениями. Еще пример: после забастовок в ноябре и декабре 1995 года во многих отраслях создаются новые подразделения SUD²¹.

Успех этих профсоюзных организаций в первую очередь объясняется практикой. Так, организационный аппарат в них сведен к минимуму, функционеры активно обращаются за помощью к полусвободным членам профсоюза, чтобы активисты могли сохранять тесный контакт с различными службами и производством. Мандаты выдаются на ограниченный срок, низовые организации имеют право голоса и возможность влиять на решения. В случае трудового конфликта такой инстанцией может быть и профсоюзная ячейка. Изменение деятельности профсоюзов сказалось и на их стремлении проводить собственную экспертизу положения дел и предлагать свое видение ситуации, отличное от того, что навязывают руководители или чиновники. Например, профсоюз учителей (FSU) принял участие в дебатах о будущем системы образования и о целях педагогики. Профсоюз «SUD—Почта и связь» провел глубокий критический анализ эволюции систем телекоммуникаций и почты. Каждый раз новые предложения администрации предприятий сопровождались комментариями и встречными предложениями представителей профсоюза. Кроме того, новое, более широкое видение ситуации, когда учитывается не только соотношение сил между работодателями и работниками, но и мнение потребителей и пользователей, тоже вовлеченных в дискуссию и борьбу, поз-

волило существенно обогатить профсоюзные стратегии.

Тем не менее, роль этих профсоюзов не следует мифологизировать. Нововведения коснулись всех элементов профсоюзного мира, и изменения переживают не только новые профсоюзы. Возможно, они всего лишь быстрее и глубже остальных сумели почувствовать новый настрой среди работников и лучше адаптировались к новым формам социальной борьбы. Рост и успешное развитие таких новых профсоюзов, как SUD, объединение «Группа десяти» и FSU, способствовали обновлению профсоюзного движения. Появление координационных комитетов было шоком для многих профсоюзов, однако век этих комитетов был недолог. Новые профсоюзы сумели встроить устремления, проявившиеся в работе координационных комитетов, в долгосрочную перспективу, и созданная таким образом конкуренция ускорила эволюцию всего профсоюзного мира.

Хотя обновленное французское профсоюзное движение смогло адаптироваться к эволюции капитализма — прежде всего благодаря найденным новым формам действия и новым принципам функционирования, более гибким, чем те, что можно найти в «антиглобалистском» движении, — его основы ограничили значимость этих нововведений.

Во Франции влияние профсоюзов распространяется прежде всего на сферу общественных услуг (почта, связь, транспорт, здравоохранение, образование и т.п.), и новые профсоюзы не избежали общего правила. Концентрация в одном секторе позволила профсоюзам накопить силы, необходимые для решения многих вопросов, и в то же время привела к сложностям при взаимодействии с работниками частного сектора, а также с другими общественными движениями. Работники государственных предприятий имеют статус функционера или какой-нибудь другой схожий специфический статус, дающий им много социальных гарантий. На таких предприятиях профсоюзы организованы на национальном уровне и функционируют достаточно централизованно — это необходимо для

того, чтобы иметь возможность противостоять инициативам сверху. Такое положение затрудняет взаимодействие с другими группами работников. Поэтому в 90-е годы пришлось искать новые оригинальные подходы. В этот период французские профсоюзы, принимавшие участие в других общественных движениях, освоили сетевой принцип функционирования, который несколько лет спустя стал стержнем всего мирового движения протеста.

Профсоюзы и социальные движения

1994 год был отмечен двумя событиями, положившими начало глубоким изменениям во взаимоотношениях между профсоюзами и другими социальными движениями.

Во-первых, в феврале возникло студенческое движение против проекта CIP²²: этот проект под предлогом борьбы с безработицей среди молодежи разрушал

систему минимальной заработной платы, вводя более низкую, чем у остальных работников, минимальную оплату труда молодежи. Это движение, организованное в основном студентами IUT²³, было интересно прежде всего профсоюзам, которые видели в нем средство мобилизации будущих инженеров и технических

работников. Его значение не только в том, что оно сумело отстоять собственные интересы и приняло участие в других выступлениях, апогеем которых стала забастовка сферы общественных услуг зимой 1995 года, но и в разработке новых способов координации действий. Студенты проводили общие собрания в учебных заведениях и создали несколько координационных комитетов, которые обладали лишь ограниченным представительством. По этой причине, а также поскольку всем было ясно, что объект борьбы — введение заниженной минимальной заработной платы для молодых специалистов — имел значение не только для студентов, управление движением имело очень гибкую структуру: в нем участвовали профсоюзы студен-

тов и наемных работников, начиная от SUD и FSU и заканчивая федерациями из CFDT и CGT, а также политические молодежные организации. Эта структура ежедневно и ежечасно руководила движением, готовя манифестации и поддерживая боевой дух участников. При этом учитывалась специфика каждого из участников управления, никто не претендовал на ведущую роль, ссылаясь на массовость своей организации. Для профсоюзов, особенно для CGT, которая впервые получила опыт функционирования по «сетевому принципу», это было новшеством.

Еще более новаторским событием — несмотря на то, что в нем участвовала лишь небольшая часть

профсоюзных организаций, — стало создание ассоциации безработных «АС!»²⁴. В условиях массовой безработицы, уровень которой резко вырос в 1992 и 1993 годы, потребова-

лось создать особую структуру, которая смогла бы организовать совместные действия совершенно разных категорий акторов — безработных, наемных работников, интеллектуалов и активистов различных направлений — для борьбы с безработицей, или, говоря современным языком, для «отмены безработицы». Ассоциация «АС!» была создана в начале 1993 года и приступила к активной деятельности весной 1994-го, организовав крупные «марши против безработицы», будоражившие Францию в течение полутора месяцев. «АС!» ввели новые формы действий, такие как марши протеста (начиная с 1994 года), «захват предприятий» и несколькими годами позже — оккупацию центров занятости.

Это движение существенно повлияло на жизнь французских профсоюзов. Во-первых, стало ясно, что безработные способны самостоятельно организовать структуру, не входящую в профсоюзные организации. Хотя с самого начала существования «АС!» профсоюзы присоединились к деятельности этой организации и между безработными и наемными работниками были выработаны принципы взаимовыручки и солидарности, французские профсоюзы в силу своих спе-

²² Contrat d'insertion professionnelle — Контракт о профессиональном трудоустройстве. — *Примеч. перев.*

²³ Institut universitaire technique — технический университет, входящий в систему высшего образования Франции. — *Примеч. перев.*

²⁴ «Agir contre le chômage!» — «Действуем вместе против безработицы!» (франц.).

цифических характеристик (разобщенность, концентрация в государственном секторе) оказались мало привлекательны для людей, которые сумели организоваться только после длительного периода безработицы. И для этого понадобилась новая специфическая структура.

Второе нововведение — это сетевое функционирование, которое в более длительной перспективе воспроизводило опыт работы, полученный во время студенческого движения 1994 года. В случае движения безработных «АС!» речь шла о сложной системе, в деятельности которой принимали участие различные местные комитеты, профсоюзы наемных работников («Группа десяти» и левое крыло CFDT), крестьяне, ассоциации, борющиеся против социальной маргинализации (например DAL²⁵), и безработные. Однако очень быстро большинство в местных комитетах стали составлять безработные.

²⁵ Droit au logement — общественная организация «Право на жилье». — Примеч. пера.

Принцип подобной организации — создание структур, соответствующих нуждам той или иной социальной группы, причем такие структуры способны действовать вместе и параллельно с другими группами, в частности с профсоюзами, что и проявилось в деятельности многих общественных движений, возникших в 90-е годы. Например, это сетевая организация по защите прав женщин, собравшая на демонстрации в ноябре 1995 года более 40 тысяч человек и положившая начало процессу мобилизации женщин. Движение нелегальных иммигрантов (движение «Без документов») тоже получило поддержку подобной широкой структуры. В ходе забастовок в ноябре-декабре 1995 года профсоюзы сферы общественных услуг сумели выступить вместе с другими общественными организациями. И колонны манифестантов хорошо продемонстрировали это многообразие.

Именно такой опыт позволил вовлечь французские профсоюзы в борьбу, ведущуюся «антиглобалистскими» движениями, раньше профсоюзов других европейских стран. Французские профсоюзы прини-

мали участие в деятельности координационных комитетов, организованных для борьбы с МСИ, а также в выступлениях во время генеральной ассамблеи ВТО. Три конфедерации — CGT, CFDT и CFTC — вошли в комитет, выступающий за отмену долгов стран «третьего мира». И, наконец, многие профсоюзные организации — от CGT до FSU, включая «Группу десяти» и многие федерации CFDT — в начале 1998 года стали основателями АТТАК. Участие в этих движениях профсоюзов, а также их внедрение в целый ряд сетей, действующих на национальном или международном уровне, все же не столь однозначно. В европейских профорганизациях не утихают споры по поводу глобализации, и нет гарантии, что распространение правых взглядов, представители которых фактически принимают правила игры, установленные главными мировыми игроками и основными международными институтами, не коснется и крупнейших конфедераций. Последние выступления закрепили сближение профсоюзов и социальных движений: во время всеобщей забастовки в Италии и Испании весной 2002 года к протесту присоединились организации, входящие в «антиглобалистское» движение, а профсоюзы приняли участие в Европейском Социальном Форуме во Флоренции. Но социальные и идеологические различия продолжают существовать и при определенных условиях могут затормозить это сближение.

Профсоюзное движение в США

В США тенденция к изменениям наблюдается с конца 80-х годов, а победа команды Джона Сунни в 1995 году на конгрессе АФТ-КПП только ее усиливает.

Jobs with Justice²⁶

События в Детройте — городе, сыгравшем значительную роль в истории американских профсоюзов — в декабре 1986 года вдохновили десять национальных профсоюзных организаций (в том числе CWA²⁷, которым в

²⁶ Справедливый труд (англ.). — Примеч. перев.

²⁷ См.: Cohen L., Early S. Le syndicalisme dans la mondialisation. P., 2000 (описание стратегии этого профсоюза в 90-е гг.).

то время руководил Ларри Козн), на создание нового движения в защиту прав трудящихся, получившее название Jobs with Justice. Целью движения являлось прежде всего вовлечение в профсоюзную деятельность работников новых телекоммуникационных компаний, возникших после распада AT&T. Предполагалось также начать борьбу за создание профсоюза в MCI — основном конкуренте AT&T в Детройте. В то же время автомобилестроительный гигант General Motors объявил о закрытии предприятия в регионе и о создании нового предприятия в Мексике. И, наконец, все в том же Детройте возник конфликт между одной из строительных компаний и ее профсоюзом из-за снижения заработной платы.

Американское профсоюзное движение возникло на базе крупных национальных профсоюзов, и долгое время отсутствовали местные структуры, способные обеспечить поддержку и межпрофессиональную солидарность во время конфликта. Этот пробел и призвана была восполнить организация, созданная десятью профсоюзами. Название нового движения возникло в ходе дебатов между афроамериканскими безработными и священником Джесси Джексон — прогрессив-

ным кандидатом на выдвижение на пост президента от демократов. Безработные настаивали, что им необходима работа, на что Джексон ответил им: «Вы знаете, найти себе работу может любой, у рабов тоже была работа. То, что вам действительно нужно, — это достойно оплачиваемый труд на приемлемых условиях, то есть труд справедливый»²⁸.

Заседание первого координационного комитета новой организации состоялось в июне 1987 года после

10-тысячного выступления против мер, принятых в отношении сотрудников авиакомпании Eastern Airlines, против расистской позиции губернатора Майами и против внедрения в AT&T системы субпод-

Очень скоро движение Jobs with Justice стало играть более важную роль, чем просто установление межпрофессиональной солидарности. Оно оказалось связующим звеном между различными социальными секторами: безработными (в особенности молодежью) и активистами из студенческой среды. Фред Аскарат, избранный в настоящее время президентом этой организации, в прошлом был одним из руководителей студенческого движения.

Teamsters²⁹

Начало обновления американских профсоюзов было отмечено установлением межпрофессиональных связей и проведением совместных действий с другими общественными движениями. Внутреннее обновление профсоюзов сыграло не менее важную роль. В 1991 году крупнейший американский профсоюз водителей грузовиков (Teamsters), которым долгое время заправляла реакционная «старая гвардия» и мафиозные группировки, после избрания председателем профсоюза Рона Кэри перешел на левые позиции. Так, Ким Муди отмечает, что состав руководства, избранного в 1991-м и переизбранного в 1996 году, «был разнороден в расовом отношении и включал больше женщин, чем когда бы то ни было ранее. В руководство вошли также участники низового движения «Сталелитейщики за демократический профсоюз», уже 20 лет борющегося за демократизацию профсоюзов, и многие активисты, имеющие тесные связи с рядовыми работниками»³⁰. Такая эволюция Teamsters положительно отразилась на социальных конфликтах. В этом отношении символична забастовка работников UPS — предприятия, занятого грузовыми почтовыми перевозками (значение этой акции еще больше возрастает, если вспомнить, что американская почта не располагает такими средствами, как почта в Европе). Цель забастовки состояла в уменьшении количества срочных контрактов и создании «настоящих рабочих мест» для десятков тысяч

²⁹ Профсоюз водителей грузовиков США. — *Примеч. пер.*

³⁰ Moody K. Workers in a lean world. L.—N.Y., 1997.

²⁸ Информация предоставлена Энди Бэнком, который был одним из руководителей этого движения, а в настоящее время является сотрудником исследовательского центра при АФТ-КПП. Подробнее о движении Jobs with Justice см.: Bretcher J., Costello T. Building Bridges. The emerging Grassroots Coalition of Labor and Community. Hardcover, 1990.

наемных работников, занятых частично или по кратковременному контракту.

Тем не менее, развитие событий в профсоюзе сталейщиков указывает на существование еще не решенных проблем и серьезных противоречий. Рон Кэри был обвинен в незаконном финансировании предвыборной кампании Демократической партии и вынужден был уступить место руководителю Джеймсу Хоффу, сыну связанного с мафией бывшего профбосса, представляющего интересы «старой гвардии». Такой шаг назад объясняется еще и корпоративными конфликтами внутри профсоюза — к примеру, водители грузовиков полагали, что команда Рона Кэри очень мало учитывала их специфические интересы. В целом, этот регресс доказывает слабость и ограниченность первых демократических изменений, несмотря на то, что Джеймс Хоффа был вынужден сохранять общую направленность предыдущей политики: многие представители Teamsters активно участвовали в событиях в Сиэтле.

Конгресс АФТ-КПП 1995 года

Наиболее серьезное изменение в деятельности американских профсоюзов произошло в 1995 году с побе-

³¹ John J. Sweeney, *America needs a raise*. Houghton Mifflin Company, Boston — N.Y., 1996.

³² Профсоюзная конфедерация АФТ-КПП выступала против этого соглашения, учреждавшего зону свободной торговли между Мексикой, США и Канадой.

е еще больше возросло в 1993 и 1994 годах ... когда мы пережили ряд поражений в деле НАФТА³² ... однако особенно мы были встревожены выборами 1994 года, когда республиканцы, желающие перечеркнуть последние шестьдесят лет общественного развития, захватили большинство в обеих палатах Конгресса. Положение американских трудящихся стало критическим из-за массовых сокращений рабочих мест на крупных пред-

приятиях, снижения покупательной способности и ослабления профсоюзов. И вот как раз в такой момент наши враги добиваются контроля над Конгрессом. Мы ожидали от руководства АФТ-КПП решительных мер, однако оно сохраняло абсурдную бездеятельность». Победа Джона Суини явилась результатом эволюции профсоюзного движения. Десять профсоюзов, стоявших у истоков Jobs with Justice, сыграли в 1995 году очень важную роль, так же как и демократическая эволюция крупных профсоюзов, где несколькими годами ранее поменялось руководство.

Разумеется, не следует преувеличивать значение переворота 1995 года. Ким Муди отмечает, что «новые руководители АФТ-КПП все еще придерживаются идеологии, основанной на понятии «социального партнерства». Однажды они объявят миру о своем намерении организовать тех, кто никогда не состоял в их организации, и бросят вызов «предприятию Америка». А на следующий день они обратятся к бизнесменам с просьбой о сотрудничестве»³³. К перечисленным трениям и проблемам необходимо добавить

³³ Moody K. Op. cit.

еще и возможности роста националистических настроений, всегда существующие в американском профсоюзном движении, особенно пока существует дефицит внешнеторгового баланса США. И, действительно, после 11 сентября 2001 года руководство АФТ-КПП поддержало Джорджа Буша и его политику «антитеррористической» войны.

Однако в американском профсоюзном движении действительно произошли изменения. Устанавливая связи с различными группами работников, долго оставшимися вне сферы их влияния, профсоюзы научились сотрудничать с разными организациями, в том числе с ассоциациями и НГО, а также стали учитывать не только собственные интересы. Примером могут послужить требования, касающиеся нелегальных иммигрантов: в начале 2000 года АФТ-КПП, благодаря влиянию иммигрантов, которых она старалась организовать, изменила позицию и стала выступать за легализацию всех наемных работников.

Steelworkers

Это пример позволяет понять процессы, происходящие сейчас в среде наиболее активных американских профсоюзов. Представители профсоюза работников черной металлургии (Steelworkers) участвовали во всех манифестациях, от Сиэтла до Вашингтона.

³⁴ Информация получена в ходе интервью с автором.

Один из их лидеров, Дон Кегли³⁴, особенно гордится этим наряду со своей репутацией «левака от профсоюзного движения» или тем, что один из членов его профсоюза был арестован во время «сражений в Сиэтле». Если левая направленность не помешала Steelworkers участвовать вместе с Teamsters Джеймса Хоффа в антикитайской акции во время апрельских событий 2000 года, в момент вступления Китая в ВТО, то ясно, что открытость этого профсоюза демократическим веяниям и стратегия альянсов не является простой конъюнктурой. В ходе профсоюзной конференции 17 июля 2000 года Steelworkers одобрили резолюцию «За движение по борьбе за социальную справедливость», выдвинутую Доном Кегли, которая гласит: «Устанавливая эти связи, мы учитываем нашу работу с другими организациями, направленную на прогрессивные политические изменения... Эти альянсы необходимы потому, что мы не можем выиграть в одиночку все возможные битвы [против транснациональных корпораций и глобализации]. Мы движение, а не просто организация. Всей своей историей рабочее движение неопровержимо доказало, что атака против одного из нас есть атака против нас всех. Создавая стратегические альянсы, мы придаем этим словам новую жизнь»³⁵. Конечно, деятельность профсою-

³⁵ OWS. Доклад №40, Всемирная открытая конференция. <http://www.owcinfo.org>

за работников черной металлургии не лишена противоречий. Популистские меры Джорджа Буша, например, введение ограничений на импорт стали или начало добычи нефти на Аляске, вызвали раскол в профсоюзном движении и привели к конфликту с экологистами.

Очевидно, политические и профсоюзные традиции в США очень отличаются от французских. И, тем

не менее, в эволюции профсоюзов двух стран имеется несколько общих моментов: возобновление забастовочного и общественного движения; демократизация профсоюзов и сближение с низовыми структурами; обращение к стратегии альянсов, позволившей нарастить силы и включить профсоюзное движение в более широкий контекст, особенно в борьбу против «либеральной глобализации».

Подобные же черты можно обнаружить и в деятельности профсоюзного движения других стран. Франция и США были взяты в качестве примера лишь за их новаторский характер: не случайно во время генеральной ассамблеи ВТО в конце ноября 1999 года самые крупные выступления, по крайней мере на Севере, прошли именно во Франции и США.

Можно найти примеры и в южных странах, но они были бы не так наглядны. И не оттого, что общественные движения этих стран менее развиты: движения, насчитывающие наибольшее количество участников и, возможно, являющиеся самыми политизированными в полном смысле этого слова, складывались именно на юге, к примеру, бразильское Движение безземельных крестьян или Движение в защиту национальных прав индейцев Эквадора (CONAIE), а также крестьянские движения. Но поскольку в южных странах рабочее движение не играло такой роли, как в развитых странах, социальная структура нынешних движений сильно отличается. На первый план здесь выступают крестьянство и работники так называемого неформального сектора. Наиболее значительные массовые движения инспирированы организациями, представлявшими именно эту среду — как правило, самую бедную и самую обездоленную.

Чуть ниже мы обратимся к примеру Южной Кореи, страны, находящейся в промежуточном положении между развитым и развивающимся миром. Это пример активной деятельности KCTU. KCTU так же, как Конгресс южноафриканских профсоюзов (COSATU) или бразильская CUT, является организацией, действующей, помимо прочего, на международном уровне и пе-

реживающей сегодня трудности в выборе направления. Анализ опыта этих трех профсоюзных организаций может выявить элементы нововведений, которые могут оказаться полезными для профсоюзов во всем мире.

Итальянское профсоюзное движение также переживает период активного возрождения, хотя установление связей с массовыми движениями в Италии происходит с трудностями.

Демонстрация в Генуе против саммита «Большой восьмерки» послужила толчком для начала совместной борьбы по поводу самых разных вопросов: против войны, против «самоамнистии» Берлускони, в защиту трудовых прав и т.д. Проект поправок к трудовому кодексу вывел массы людей на улицу и привел к всеобщей забастовке. Все это послужило поводом к созданию широких связей и сетевых союзов между различными организациями, в первую очередь профсоюзами — независимым левым профсоюзом CUB, низовыми комитетами Cobas, профсоюзом металлургов FIOM и, в дальнейшем, профсоюзной конфедерацией CGIL³⁶ в целом. В союзы вступили и общественные организа-

ции — экологистская ассоциация Lega Ambiente, культурная организация ARCI, различные социальные центры, где преобладает молодежь. Наконец, в создании связей приняли участие политические партии — «зеленые» и, особенно, Refondation Communista³⁷.

Именно объединение различных сил стало основой огромного успеха первого Европейского Социального Форума в ноябре 2002 года, собравшего во Флоренции 60 тысяч участников и почти миллион демонстрантов.

В. Международная деятельность профсоюзов

Вернемся к международной деятельности профсоюзов и попытаемся понять, могут ли изменения, возникшие на национальном уровне, помочь в разработке новых перспективных направлений и эффективных действий.

1. Объединение и перегруппировка профсоюзов

Прежде всего, необходимо сказать несколько слов об объединении и перегруппировке профсоюзных федераций. Именно этими методами часто пытаются остановить кризис профсоюзов как на национальном, так и на международном уровне. Это типичное явление: в Германии различные профсоюзные организации служащих объединились для создания Verdi — первого в мире глобального профсоюза. В Великобритании работники почты и телекоммуникаций создали CWU (Communication Workers Union — Объединение работников сферы коммуникаций). На международном уровне Всемирная федерация работников почты и телекоммуникаций (IPTT) в течение нескольких лет объединилась с двумя другими федерациями — с федерацией работников СМИ и федерацией работников банковских услуг. Эта тенденция к перегруппировке приветствуется многими аналитиками, которые, правда, указывают на трудности, связанные с сосуществованием множества разных профсоюзных структур: Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП), Международных профессиональных секретариатов (структур, по своим функциям наиболее близких к интересам наемных работников), различных региональных структур (таких, как Европейская конфедерация профсоюзов, либо таких специализированных, как Профсоюзный консультативный комитет при ОЭСР). Так, Ребекка Гумбель-Маккормик³⁸ выступает за сближение и объединение различных международных структур. Дан Галлен идет еще дальше: «Чтобы создать действительно международное профсоюзное движение, мало объединить существующие организации. Надо еще максимально централизовать ресурсы и способности к действию и одновременно максимально разнообразить формы реализации общей стратегии движения. Речь идет не только о том, чтобы сотрудничать поверх границ, но и о создании организаций, которые вообще больше не принимают во внимание границы»³⁹.

³⁶ Итальянская конфедерация труда. — *Примеч. перев.*

³⁷ Осколок Итальянской компартии (МКП), воссоздавший компартию на принципах марксизма-ленинизма. — *Примеч. перев.*

³⁸ Grumbell-McCormick R. Temps Modernes, № 607.

³⁹ Галлен Д. Переосмыслить политику профсоюзного движения. С. 16.

Иногда эти предложения могут оказаться полезными. Но, подобно промышленным слияниям, профсоюзные слияния чаще всего являются признаком слабости, потому что, как правило, происходят из соображений рентабельности профсоюзного аппарата, снижения общих издержек и сохранения веса профсоюза в межпрофессиональных структурах. Как же в рамках этих объединений, где руководство все больше отдаляется от рядовых членов, обеспечить демократизацию профсоюзов и их сближение с работниками, к чему призывает Дан Галлен?

2. Действия в рамках транснациональных корпораций
Несколько примеров, доказывающих возможность другого пути

Amazon.com — одно из наиболее известных предприятий «новой экономики», первое предприятие, ставшее торговать через интернет. Сначала это были книги и диски, а затем — множество других товаров. Amazon.com — американское предприятие, штаб-квартира которого расположена в Сиэтле, а филиалы находятся в различных штатах США, а также в Австралии, Великобритании, Германии, Голландии и Франции. Американские работники фирмы решили попытаться создать профсоюз, чтобы добиться выполнения целого ряда срочных требований: соблюдения праздничных дней, добровольности сверхурочных работ, двойной оплаты труда при работе более 50 часов в неделю, предоставления пенсионного и медицинского страхования всем работникам, прекращения выплаты вознаграждения в виде акций предприятия и т.д.

Чтобы добиться признания профсоюза, был разработан целый план протестных действий. Ахиллесовой пятой предприятий является остановка работы складов, а самый подходящий для этого момент — конец года. Естественно, задержки поставок товаров накануне Рождества 1999 года вызвали среди клиентов настоящий бунт. Но борьба только на территории США не дала бы положительных результатов — в конце концов, общественное мнение в рамках «новой экономики» может оказаться решающим. Поэтому к делу под-

ключилась группа независимых organizers⁴⁰ («Prewitt Organizing Fund»), работающая в структурах АФТ-КПП, которая занимается созданием новых профсоюзов на американских предприятиях. Два «органайзера» отправились в Европу в «турне» по тем профсоюзам, которые могли оказаться потенциальными союзниками. Французский SUD-PTT ответил согласием на их просьбу и организовал распространение листовок в филиале Amazon.com как раз в тот момент, когда американские работники компании перешли к активным действиям и потребовали переговоров с администрацией, опираясь уже на новое соотношение сил. Это послужило доказательством того, что профсоюзы способны развернуть деятельность по всему миру. События широко освещались в СМИ — как во Франции, так и в США. Многие ассоциации призвали к бойкоту Amazon.com до тех пор, пока это предприятие официально не признает новый профсоюз.

Пример этот интересен тем, что практика борьбы в данном случае очень нестандартна. Посредничество ассоциаций и СМИ (которые в известной степени преувеличили факты — всего лишь распространение листовок!) доказывает выгоду широких альянсов, в том числе и не с профсоюзами. Что касается поддержки международных профсоюзных организаций, то она была осуществлена вне всех официальных структур — МКСП или Международных профессиональных секретариатов. Единственная задача Prewitt Organizing Fund состояла в эффективной международной поддержке. Очевидно, что этот опыт трудно использовать: мало кто работает в секторе «новой экономики», и в большинстве случаев все-таки приходится начинать с простого создания низовых профсоюзных ячеек.

Второй пример иллюстрирует практическое обновление профсоюзной деятельности. Речь идет о корейских рабочих из Daewoo, уволенных со своего

⁴⁰ Дословно «организаторы» — одна из классических фигур американской профсоюзной деятельности, так же как и wobblers (активисты из IWW — Индустриальных рабочих мира, IPRM) начала XX века. См.: Guérin D. Le mouvement ouvrier aux Etats-Unis. Maspero, 1968.

предприятия после того, как их хозяин, Ким Ву Чунг, сбежал, растратив миллиарды долларов. В Южной Корее началась длительная забастовка, организованная Корейской конфедерацией профсоюзов (KCTU), в ходе которой был создан общий комитет поддержки. В феврале 2001 года комитет решил отправить делегацию во Францию, туда, где в последний раз видели Кима Ву Чунга. АТТАК, «SUD – Почта и связь» и CGT приняли делегацию и организовали турне по Франции. Корейские активисты встречались с руководством различных профсоюзов, посетили Интерпол в Лионе, осмотрели виллу Ким Ву Чунга в Ницце. Несмотря на то что рабочим не удалось найти своего хозяина, их поездка во Францию получила широкое освещение в прессе и вызвала такой отклик в массах, который не мог не повлиять на их борьбу положительно. Здесь, как и в случае с Amazon.com, очевидно, что непосредственная международная солидарность, основанная на горизонтальных контактах между активистами в связи с теми или иными международными инициативами против либеральной глобализации, оказывается намного эффективнее, чем обычные каналы международных профсоюзных структур.

Третий пример касается французской транснациональной корпорации Printemps-Pinault-Redoute (PPR) и профсоюза «Unité!». Конфликт возник из-за того, что американскому филиалу PPR, специализирующемуся на продаже товаров по почте, было отказано в создании филиала профсоюза «Unité!». Сотрудники филиала обратились к французским профсоюзам, представленным на предприятиях этой компании (CGT, CFDT, FO, SUD). На генеральной ассамблее акционеров PPR в конце мая 2002 года американские и французские профсоюзы выступили с совместным заявлением, которое широко освещалось французской прессой.

После этого «Unité!» расширил требования и сосредоточил усилия на борьбе с жестокой эксплуатацией труда субподрядчиков PPR, о чем часто говорят НГО и профсоюзы, работающие в странах Юга. Во время Европейского Социального Форума во Флорен-

ции было решено начать международную кампанию с участием европейских, американских и азиатских профсоюзов и других организаций, чтобы «замучить» PPR (путем пикетирования магазинов, распространения листовок об антипрофсоюзной практике компании и условиях труда у субподрядчиков и т.п.).

Приведенные примеры позволяют поставить два вопроса. Первый связан с местом, где разворачиваются действия профсоюзов. Примеры свидетельствуют, что главной ареной профсоюзной борьбы служат предприятия, в том числе и когда речь идет о международном уровне. Первые попытки организации профсоюзных объединений в масштабе транснациональных корпораций были предприняты в 60–70-е годы, но тогда они ограничивались профсоюзами, входившими в МКСП. Сегодня речь идет о том, чтобы возобновить эту работу, распространив ее на все профсоюзы и содействуя солидарности между работниками одной корпорации или одного производственного сектора. Лишь на этих условиях международная профсоюзная деятельность сможет лечь в основу повседневной практики профсоюзов.

Второй вопрос имеет большее значение. Эволюция предприятий, в особенности ТНК, заставляет работников расширить понимание того, что такое соотношение сил, и перестать ограничивать свою деятельность только рамками местного профсоюза и традиционными переговорами с работодателями. Представление о глобальном соотношении сил должно учитывать и других социальных акторов, таких как экологистские организации или ассоциации потребителей, и должно стремиться использовать общественное мнение как один из инструментов борьбы. Хотя не все предприятия обладают сегодня одинаковым признанием и известностью, но вопрос имиджа и брэнда становится все более и более важным. Транснациональные корпорации заявляют о своей «гражданской позиции» и очень заботятся о собственной репутации. Так, Наоми Кляйн⁴¹ в своей книге «No Logo» описывает три международных кам-

⁴¹ Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М., 2003. С. 624.

пании против таких известных ТНК, как Nike, Shell и McDonald's. Первая кампания касалась защиты социальных прав и прав рабочих в южных странах (Nike), вторая была связана с вопросами охраны окружающей среды (Shell), а третья, наиболее известная, затрагивала вопросы качества пищевой продукции и защиты трудовых прав. Эти три кампании объединили очень разные общественные силы: от профсоюзов до студенческих движений, от экологических организаций до объединений потребителей. Подобные типы коллективных действий сегодня набирают силу и встречаются все чаще и чаще — как на международном, так и на национальном уровне.

3. Широкие кампании и альянсы

Необходимо обратить внимание еще на один важный аспект. Речь идет об участии профсоюзов в широких альянсах, которые могут оказаться полезными как для самих профсоюзов, так и для работников, поскольку ставят самые общие задачи. Мы уже рассматривали примеры подобных союзов во Франции («АС!») или в США (Jobs with Justice). Теперь необходимо понять их возможности на международной арене.

Некоторые профсоюзы очень рано осознали значение международного уровня. Например, Корейская конфедерация профсоюзов регулярно участвует в разнообразных международных конференциях и отправляет делегации на основные манифестации, начиная с «Европейского марша против безработицы» в Амстердаме весной 1997 года, выступлений в Сиэтле в ноябре 1999 года или в Вашингтоне в апреле 2000 года. КСТУ поддерживает все международные кампании, но особенную активность в Корее проявляет «Кора» — Корейский фронт по борьбе с соглашениями о свободной торговле. Последовательная политика этих движений является доказательством того, что профсоюз может одновременно входить в международную конфедерацию (КСТУ входит в МКСП) и не отказываться при этом от собственной автономной политики, что слишком часто происходит с профсоюзами, входящими в международные организации.

КСТУ наиболее последовательна в своей политике международной открытости, что требует немалых усилий, особенно если учесть изолированность Кореи и языковые трудности, с которыми сталкиваются активисты. И это не единственная организация, действующая подобным образом. В своем докладе для ООН Дан Галлен⁴² указывает, что важную роль в этой эволюции сыграли три основных профсоюза южных стран: КСТУ, COSATU и CUT. С началом проведения всемирных социальных форумов бразильский профсоюз имеет все большее значение на международной арене.

В двух частях американского континента — южной и северной — возникло необычное объединение: «Континентальный социальный союз»⁴³. Речь идет о том, чтобы создать силы, способные противостоять политике создания общеамериканского свободного рынка, выдвинутой США (общеамериканская зона свободной торговли), которая регулярно обсуждается на саммитах глав государств и членов правительства. Этот союз был создан в Сантьяго-де-Чили весной 1998 года во время контрсаммита, на котором собралось более тысячи человек из самых разных общественных организаций: крестьянских организаций «Via Campesina» и CLOC, латиноамериканской конфедерации сельских организаций, движения туземных народов, многочисленных НГО и ORIT — Межамериканской региональной организации трудящихся (американская ветвь МКСП).

Союз сыграл важную роль в организации выступлений во время проведения очередного саммита глав государств и правительств американского континента в апреле 2001 года как в Канаде, так и за ее пределами.

Участие официальных международных профсоюзных организаций в этом союзе частично объясняется новой политикой АФТ-КПП⁴⁴, которая обладает определенным весом в ORIT. В то же время численная и политическая значи-

⁴² Gallin D. Trade Unions and NGOs: a necessary partnership for social development // UNRISD, June 2000.

⁴³ Об этом см.: de la Cueva H. Le syndicalisme dans la mondialisation. Atelier, 2000.

⁴⁴ О новой международной линии АФТ-КПП см.: Shailor B. Not your father's union movement. Verso, 1998.

мость других социальных движений, таких как бразильское Движение безземельных крестьян или CONAIE, сделала некоторые альянсы невозможными.

Питер Уотермен оценивает эти позитивные сдвиги в международной линии официального американского профсоюзного движения более прагматично: «Во время «холодной войны» Межамериканская региональная организация трудящихся (ORIT) играла роль посредника для подкупа США профсоюзов стран «третьего мира». АФТ-КПП использовала ORIT совместно с МКСП или вместо нее ... Тотальное бессилие ORIT, разрушительные последствия неолиберализма для трудящихся южной части континента, неспособность евроцентристской МКСП ответить на процесс глобализации — все это привело к тому, что ORIT просто была вынуждена занять авангардную позицию и по отношению к событиям на континенте, и по отношению к МКСП»⁴⁵.

⁴⁵ Waterman P. International labour's Y2K problem. <http://www.antenna.nl/~waterman/>

В любом случае, результат налицо, что подтвердилось во время первого Всемирного Социального Форума в Порту-Алегри в конце января 2001 года, когда Межамериканская

региональная организация трудящихся вместе с другими социальными движениями подписала «Призыв к мобилизации».

Другим организациям международного профсоюзного движения, в частности европейским, понадобилось гораздо больше времени, чтобы добиться такой международной открытости. Формально в Европе тоже существовали основания для сотрудничества с ассоциациями и НГО. К примеру, можно назвать совместную работу Европейской конфедерации профсоюзов и социальной платформы НГО по проекту Хартии о фундаментальных правах (Хартия была принята во время саммита Евросоюза в Ницце в декабре 2000 года). Но в отличие от американского «Континентального социального союза», в обсуждении Хартии не участвовала ни одна ассоциация и ни одно социальное движение, заметные в борьбе того времени. Тем не менее, эти ассоциации и движения

участвовали в контрсаммите в Ницце в декабре 2000 года вместе с Европейской конфедерацией профсоюзов. В этом союзе не было ни французских и немецких движений безработных «Европейского марша против безработицы», ни европейских крестьянских организаций «Via Campesina», входящих в Европе в «Координационный Комитет европейских крестьян», ни АТТАК и других организаций, вовлеченных в европейское «антиглобалистское» движение. Серьезные изменения в Европейской конфедерации профсоюзов начинаются только после первого Европейского Социального Форума во Флоренции в ноябре 2002 года. Под влиянием некоторых крупных национальных профсоюзов, в частности немецкого DGB⁴⁶, Конфедерация решила по-настоящему включиться в работу Форума.

⁴⁶ Deutscher Gewerkschaftsbund — Объединение немецких профсоюзов, крупнейшее профобъединение ФРГ.

Таким образом, мы переходим к следующему важному вопросу: как изменение наемного труда или, шире, всей сферы занятости, особенно развитие «неформального сектора» в странах Юга и Восточной Европы, влияет на профсоюзные организации. Не следует недооценивать значимость этих изменений: приведенные выше примеры Франции и Америки, напротив, показали, что профсоюзы ищут новые пути выхода за традиционно установившиеся рамки профсоюзной деятельности (государственный сектор и крупные предприятия). Учитывая глобализацию экономики, самоустранение государств от сектора общественных услуг и внутренние изменения на предприятиях, профсоюзная модель, выработанная для индустриального мира 50-х и 60-х годов, теперь больше не работает. Однако на настоящем этапе новая модель первоначально строится на национальном и местном уровне. Опыт различных стран должен распространяться и детально обсуждаться. Но международные действия должны концентрироваться на том, что выполнимо, и что работники и активисты считают наиболее эффективным.

Для того чтобы достичь этих целей, необходимо действовать в двух направлениях: во-первых, созда-

вать межпрофсоюзные объединения в рамках транснациональных корпораций или одного производственного сектора; во-вторых, проводить более широкие кампании, для которых необходима стратегия альянсов.

Речь идет о том, чтобы члены профсоюзов и наемные работники осознали смысл и функции международной деятельности, то, что необходимо стремиться к «профсоюзному интернационалу за социальные права»⁴⁷. Вместо обычной закрытости международных переговоров и международной профсоюзной деятельности необходимо выдвигать ясные, конкретные и понятные цели, которые позволили бы проводить широкую мобилизацию. Цели могут затрагивать как непосредственные проблемы борьбы на предприятиях, так и более общие вопросы — например, списание долгов беднейших стран или отмену соглашений о свободной торговле. Участие крупных профсоюзов в «антиглобалистском» движении или, по меньшей мере, поддержка с их стороны действий, инициированных другими организациями, является необходимым условием выхода профсоюзного движения из кризиса. Новая система накопления с ее глобализацией торгового обмена, которая характеризует современный капитализм, приводит к тому, что международные действия приобретает все большее значение. Все это делает поднятые нами вопросы очень важными для профсоюзов.

⁴⁷ Moody K. Op. cit.

ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБЫ. РАСЦВЕТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ

Профсоюзы наемных работников не являются единственными участниками борьбы с капиталистической глобализацией. Активное участие в выступлениях в Сиэтле принимали крестьяне. Во Франции символом борьбы крестьянства за экологически чистое сельское хозяйство и качество пищевой продук-

ции (важной темы «антиглобалистского» движения) стал Жозе Бове. Движения безработных, так же как и движения по защите прав женщин, поднимают вопросы, важные для борьбы с либеральной глобализацией. Именно эти структуры быстрее остальных отреагировали на мировые изменения и стали создавать первые альянсы между движениями. Молодые радикалы, обеспечившие успех первых выступлений этого «движения движений» в Сиэтле, Вашингтоне и Праге, представляют собой ту реальность, о которой нужно говорить, потому что они являются самыми изобретательными и обеспечивают постоянную динамику.

И последняя составляющая новых движений — НГО. Эти организации активно присутствуют в альтерглобалистском движении, но они пронизаны противоречиями, поскольку одновременно участвуют как в акциях протеста, так и в различных структурах социального диалога, созданных международными институтами.

А. Новый радикализм в молодежной среде

Возможно, лучше всего говорит об изменении эпохи всемирный характер этого явления. Так же, как в 60-е и 70-е годы, новое поколение мобилизовалось на основе своих собственных ценностей, с помощью собственных методов и своих специфических форм организации.

С первого взгляда может показаться, что речь идет лишь о явлении англоязычного мира. Британская организация «Reclaim the Streets» второй половины 90-х годов сыграла роль предвестника, за ней последовала сеть DAN в США, подготовившая выступления в Сиэтле в ноябре 1999 года. Аналогичные группы в Австралии сумели сорвать азиатское собрание Всемирного экономического форума в Мельбурне в сентябре 2000 года, блокировав вход в здание заседания.

В 1999 году длительная забастовка в мексиканском университете UNAM (самом крупном в Латинской Америке) показала действительный размах молодежного радикализма. Европейские выступления в Праге и Ницце осенью 2000 года подтвердили универсаль-

ный характер этой радикализации. Сотни молодых шведов после участия в пражских событиях включились в работу по созданию АТТАК в своей стране.

Итальянские активисты из социальных центров — «Невидимые», или «Tute bianche»¹ — в союзе с молоде-

¹ Белые халаты (итал.).

жью из коммунистической партии Refondacion Comunista также активно участвовали во всех «антиглобалистских» мероприятиях. Если эти молодежные организации возникли уже в 1994 году, после попыток правительства закрыть социальный центр в Милане, то общественного резонанса им удалось добиться только с момента их активного участия в Европейском марше против безработицы в 1997 году и в борьбе против войны в Косово в 1999 году.

В Испании, особенно в Каталонии, тоже наблюдается мобилизация сил. После значительного спада общественной активности в 80-е и 90-е годы появилось новое поколение, объединившееся вокруг MRG (Movimiento de Resistancia Global — Движение глобального сопротивления), которое участвовало сначала в пражской акции, а затем и в акции в Ницце. Первоначально движение возникло в Барселоне — после альтернативной Женевской конференции, где планировалась мобилизация в Праге. Затем движение распространилось также на Мадрид, Валенсию и Сарагосу. В основном оно возникло благодаря сотрудничеству двух общественных сетей. Первая сеть организовала референдум за списание долгов южных стран; в марте 2000 года ее активисты собрали 1,1 миллиарда подписей, 500 тысяч из которых были собраны только в одной Каталонии. Вторая составляющая — это движение сквоттеров (оссирас), которое получило серьезное развитие после октября 1996 года. В то время благодаря изменениям в законодательстве, превратившим захват пустующего жилья в правонарушение, правительство насильственно выселило обитателей большого сквота в Барселоне, спровоцировав тем самым широкое движение солидарности.

Остается подробнее описать опыт некоторых молодежных организаций и проблемы, с которыми они

сталкиваются. Несмотря на то что новое поколение активистов имеет много сходных черт, заметных даже за национальными различиями, происхождение движений не всегда одинаково.

Приведенные выше примеры взяты из 90-х годов, и они указывают на самые первые проявления нового молодежного радикализма. С 2001 года, в особенности после демонстраций в Квебеке и в Генуе, активность количественно и качественно переходит в новую стадию: демонстрации собирают уже не десятки, но сотни тысяч людей, к «антиглобалистскому» движению присоединяются различные общественные силы. На этом этапе молодежь еще больше активизируется. Расширение способствует формированию новых альянсов, но одновременно вызывает новые проблемы, к которым мы еще вернемся в следующей главе.

«Reclaim the Streets»

Начало 90-х годов, когда появляется крупная сеть радикальных экологов, становится для Великобритании поворотным моментом. По мнению британского профессора Брайана Догерти², движение берет свое начало из круга таких организаций по защите окружающей среды, как «Гринпис» и «Friends of the Earth». С 1985 по 1993 год количество радикальных экологов увеличилось в семь раз. Это было связано с кампанией против плана дорожного строительства «Дорога к благополучию», принятого правительством в 1989 году.

Уже с 1992 года радикальные активисты стали использовать методы ненасильственного прямого действия, стремясь остановить строительство новых автодорог и изобретая все новые формы действия: они забирались на деревья или прятались в глубине тоннелей... Акции проводились отдельно от «Гринпис» и «Friends of the Earth», которых экологи считали невосприимчивыми к новым, радикальным формам борьбы. Единственная организация, к которой они обращались, была сеть «Earth First!» («Земля превыше

² Doherty B. Paving the Way: the Rise of Direct Action Against Road-building and the Changing Character of British Environmentalism // Political Studies. XLVII, 1999.

всего!)), возникшая в США и получившая развитие в Великобритании. Хотя сопротивление строительству новых автодорог оказалось важным для мобилизации молодежи, в арсенал радикальных активистов входили и другие темы, не всегда связанные с окружающей средой: сопротивление разработке новых шахт или карьеров, протест против импорта тропических деревьев, борьба с банками-кредиторами, ответственными за рост долгов стран «третьего мира».

С появлением в 1995 году организации «Reclaim the Streets» активность сосредоточивается в городах. Джон Джордан, один из основоположников движения, вспоминает первую акцию: «Представьте себе большую улицу в субботу после полудня. Люди ходят по магазинам, неспешно шагают по узкому тротуару вдоль витрин. Вдруг сталкиваются две машины и блокируют движение: водители выходят и начинают кричать друг на друга. Один из водителей берет молоток и бьет им по другой машине... Неожиданно из безликой толпы появляются люди, взбираются на машины и распыляют краски всех цветов. Над крышами двух разбитых машин развешается огромный плакат, на котором красуется надпись: «Вернем себе улицы — освободим город/убьем машины». Около пятисот человек

выходят из метро и захватывают улицу. Как сказали бы сюрреалисты — чудесное проникло в повседневность. Так началась первая street party на Камден-хай-стрит в мае 1995 года»³.

Количество «праздников» быстро увеличивается, число участников возрастает — и вскоре социальные проблемы, затрагиваемые «Reclaim the Streets», становятся очень разнообразными. В 1997 году движение активно выступило в поддержку длительной забастовки докеров из Ливерпуля. В том же году «Reclaim the Streets» участвовало в «Европейском марше против безработицы». Немного позднее оно присоединилось к кампании против приватизации лондонского метро, после чего движение решило принять участие в выступлениях против либеральной глобализации. Накануне саммита «Большой семерки», состоявшегося в

Кёльне 18 июня 1999 года, «Reclaim the Streets» провело операцию под названием «Stop the City!»⁴: более 10 тысяч манифестантов заполнили Сити, заблокировав банки и мосты. Это самая значительная манифестация, проведенная в деловом квартале Лондона с середины XIX века!

Описанные движения представляют радикальный разрыв с традиционной британской активистской традицией, которой свойственны классовые конфликты между Лейбористской партией и профсоюзами. Брайан Догерти⁵ считает, что Великобритания, возможно, представляет собой наиболее чистый пример страны, где конфликт между трудом и капиталом продолжает определять политическую культуру и восприятие социальных движений. Даже движения, напрямую не связанные с классовыми конфликтами 70-х и 80-х годов, например, движения женщин или движения за мир, игравшие важную роль в 80-е годы, направлялись активистами левого крыла Лейбористской партии.

Защита окружающей среды воспринималась как не очень значительная проблема, и участники экологистских движений не имели достаточных связей с традиционными сетями левых британских движений. Тем не менее, среди молодежи эти темы очень актуальны⁶. Проведенные в начале 90-х годов исследования показали, что для молодых людей в возрасте от 18 до 34 лет тема защиты окружающей среды в 5 раз (для женщин) и в 3 раза (для мужчин) более значима, чем остальные социальные проблемы. Но социальный состав экологистских движений очень специфичен: в 1991 году из 28 лидеров организации «Earth First!» 9 были студентами и 14 — безработными, причем ни у кого из них не было ни детей, ни других иждивенцев. Это делало движения радикальных экологистов, а затем и «Reclaim the Streets» очень мобильными и позволяло им идти на такой риск, на какой не могли пойти профсоюзные активисты, имевшие постоянную работу и часто обремененные семьей.

⁴ В данном случае имеется в виду деловой и финансовый центр Лондона (Сити). —

Примеч. перев.

⁵ Doherty B. Op. cit.

⁶ Doherty B. Op. cit.

³ Jordan J. DiY CULTURE, Party & Protest in Nineties Britain. L.—N.Y., 1998.

Методы действия этих молодежных движений, а также их организация и идеология очень оригинальны. «У них нет централизованной организации или централизованного источника ресурсов, в идеологическом плане они против любой институционализации. Основной вид акций — ненасильственное прямое действие, стремящееся к разрыву с доминирующими культурными кодами. Это особенно заметно по неформальному стилю одежды и речи... Истоками этого движения является британская альтернативная культура, которая раньше вдохновляла движения сквоттеров, а также контркультура наиболее радикальных кругов феминистского движения, движений за мир и экологов»⁷.

⁷ Doherty B. Op. cit.

Не стоит удивляться, что в стране, где столь заметны «традиционные» классовые противоречия, профсоюзное движение относилось к молодым бунтовщикам очень осторожно, если не сказать враждебно. Понадобилось возобновление борьбы наемных работников, чтобы стало возможно сближение через совместные действия. И это стало возможно только в отдельных случаях: во время ливерпульских забастовок докеров или в ходе «Европейского марша против безработицы». Но в целом британское рабочее движение все еще не поднялось после репрессий эпохи Тэтчер и тяжелых поражений, таких как, например, забастовка шахтеров в начале 80-х годов.

Часть крайне левых, в большинстве своем представленная Социалистической рабочей партией (Socialist Workers Party), присоединилась к действиям «Reclaim the Streets», и с этого момента — от Праги до Ниццы — участвовала в различных акциях против либеральной глобализации. Но, тем не менее, подлинного взаимопроникновения между этими кругами никогда не было.

Опыт «Reclaim the Streets» получил широкий резонанс во многих странах, в частности в англоязычном мире. Иногда этот опыт транслировался другими сетями, такими как, например, «Глобальный союз народов» (Alliance globale des peuples), созданный в Жене-

ве в ходе выступлений против создания ВТО в 1995 году. Так, Наоми Кляйн⁸ отмечает, что в 20 различных странах мира было проведено около 30 видов акций, навеянных деятельностью «Reclaim the Streets». Наиболее удачным из этих «Всемирных уличных праздников» (Global Street Parties) был праздник в Сиднее в Австралии в 1998 году, когда лозунг «Вернем себе улицы» был поддержан феминистским движением, которое связало его с идеей «завоевания ночей», то есть выступлением против насилия и мужского шовинизма.

⁸ Кляйн Н. Указ. соч.

Радикализация молодежи в Соединенных Штатах

Радикализация молодежи в Соединенных Штатах принимает формы самых различных движений, хотя можно выделить и некоторую общую для них культурную основу. Наоми Кляйн⁹ видит истоки радикализации в culture jamming («культуре беспорядка»), или точнее, «искажения», как стали говорить после 1984 года. Стратегия движений предполагает не просто использование силы противника против него самого, как подсказывает метафора джуджитсу, но искажение самого смысла

⁹ Кляйн Н. Указ. соч.

¹⁰ Фронт освобождения от рекламных плакатов (англ.).

рекламных сообщений. Например, в ходе одной из своих кампаний Billboard Liberation Front (BLF)¹⁰ полностью искажил смысл большого рекламного щита в Сан-Франциско. Это была реклама джинсов Levi's. Вместо главного персонажа рекламы они нарисовали серийного убийцу Чарльза Мэнсона, объясняя это тем, что джинсы Levi's «были шиты китайскими заключенными, а затем проданы в американские тюрьмы». Можно вспомнить и другие случаи издевательской рекламы, например, расклеивание изображений школьников с подписью «Для детей» на плакатах, рекламирующих сигареты Camel. После крушения нефтеналивного судна Exxon Valdes в 1989 году, когда в море вылилось большое количество нефти, активисты BLF расклеили в Сан-Франциско на огромных рекламных панно надписи следующего содержания: «Дерьмо наступает. Новый Exxon». Одним

из источников вдохновения этих художников-активистов были французские ситуационисты. Несмотря на сходство с «Reclaim the Streets», целями американских движений являются крупные корпорации, что впоследствии окажется полезным для установления связей с профсоюзами.

В Соединенных Штатах речь прежде всего идет о студенческих движениях, чей взлет пришелся на вторую половину 90-х годов, когда развернулась борьба против sweatshops («потных мастерских»), где шьют одежду для молодежи, спортивные свитеры с логотипом американских университетов или известных марок от Nike до Gap. На рубеже 90-х¹¹

¹¹ См.: Featherstone L./The Nation, 2000, 15 May; Solidarités (Genève), 2000, 14 juin.

существовали движения, защищавшие преимущественно специфические групповые интересы: движения женщин, гомосексуалистов, расовых

меньшинств. Эти движения оказывали определенное влияние, но их деятельность затрагивала только тех, кого это касалось непосредственно; частично такое положение было связано с навязчивой идеей представительства («только гомосексуалисты могут говорить о гомофобии, только цветные — о расизме»), что значительно ограничивало число активистов. Однако движения такого рода не исчезли бесследно. Опыт феминистского движения используется в сегодняшней борьбе, где женщины активны и многочисленны, а тактика таких движений, как «Act-Up» или «Queer Nation» (движение гомосексуалистов), предполагающая прямое действие, театрализацию и часто провокации, оказала сильное влияние на новых активистов из студенческой среды. Гораздо сложнее обстоит дело с участием в современных движениях представителей расовых меньшинств. К этому вопросу мы еще вернемся.

Студенты создали общенациональную структуру, представляющую более ста университетов — United Student against Sweatshops («Союз студентов против потных мастерских»). Совместно с профсоюзами эта организация осуществляет контроль над тем, как производится одежда. Иногда студенческие активисты

выезжают на места производства в США или в странах Юга, чтобы выяснить уровень зарплаты, условия труда и положение профсоюзов. Они выступают за то, чтобы американские университеты отказались от участия в Fair Labor Association (Ассоциации за справедливый труд), созданной в 1996 году Биллом Клинтон и транснациональными корпорациями, такими как Nike или Gap, и перешли в Workers Rights Consortium Council (Совет трудовых прав), созданный студентами, учеными и ассоциациями по защите трудящихся для осуществления независимого контроля условий труда и соблюдения прав трудящихся на этих предприятиях. Сейчас движение — на подъеме. Благодаря движению Jobs with Justice, оно поддерживает связь с профсоюзами. Отсюда берет свое начало неформальная сеть Direct Action Network (DAN), созданная для организации манифестаций в Сиэтле и Вашингтоне. Сеть DAN не сводится только к студенческому движению. В своем исследовании университетской борьбы Лиза Фиферстоун¹² указывает, что «как по своему внешнему виду, так и способам действия,

¹² Featherstone L. Op. cit.

мало кто из студентов [движения против «потных мастерских»] похож на молодых анархистов в касках, бьющих витрины ... в Сиэтле... Разумеется, движение культивирует антииерархический дух ... все решения принимаются общим голосованием. Но в отличие от анархистских групп, у них есть лидеры и представители...» Хотя нельзя отрицать, что внутри молодежного движения есть культурные и прочие различия, больше поражает сходство некоторых характеристик. Сеть DAN включает в себя не только студенческие движения, но и НГО, радикальные левые политические группы, нью-йоркское отделение «Reclaim the Streets» и другие активистские структуры. Организация по принципу неформальных групп, имеющих общие интересы, позволяет каждому определить свое место и участвовать в акциях, соответствующих его целям. Но социальной базой остается студенчество, поэтому собрания DAN поражают возрастной, культурной и даже расовой однородностью.

Где были цветные во время событий в Сиэтле?

Лидеры DAN всерьез озабочены тем, что подавляющее большинство участников движения — белые студенты. В связи с этим Бетита Мартинес написала ста-

¹³ Martinez Elizabeth (Betita). Where was the color in Seattle? // Reflexions on Seattle; Idem. Globalize this! // Global Exchange. Common Courage Press. Monroe, 2000.

тью «Где были цветные во время событий в Сиэтле? Почему Великая Битва была такой белой»¹³.

Она выделяет несколько причин этого явления. Во-первых, это экономические проблемы этнических меньшинств: меньшая мобильность в

связи с отсутствием денег на транспорт и недостаточный доступ в интернет, поскольку среди них мало людей, имеющих компьютеры. Во-вторых, представителям меньшинств недоступны различные документы и как следствие — они мало информированы о деятельности таких организаций, как ВТО и МВФ. В-третьих, отсутствует целенаправленная политика привлечения этнических меньшинств: в Сиэтле среди руководителей DAN был только один небелый — азиат; к тому же культурная гегемония отталкивает многих активистов из национальных меньшинств, чувствующих себя не в своей тарелке на манифестациях, где «доминируют 50 тысяч белых хиппи».

¹⁴ Featherstone L. Op. cit.

Лиза Фиферстоун¹⁴ приводит слова черного студента, сказавшего, что он не ездил ни в Сиэтл, ни в Вашинг-

тон: «Если бы там были черные студенты, то пули были бы, конечно, настоящие, а не резиновые».

И это не только американская проблема. События в Праге заставляют делать такие же выводы. Иммигранты из Магриба, Турции, Африки или их потомки почти не принимали участия в выступлениях, в то время как большинство манифестантов приехало из стран, где высок уровень притока иммигрантов: Германии, Англии, Испании, Италии или Швеции.

Ситуацию можно сравнить с молодежным движением конца 60-х — начала 70-х годов. В то время студенты в основном принадлежали к средним и высшим классам. Потому зародившемуся в университетах движению понадобилось несколько лет, чтобы его влия-

ние распространилось на школы в неблагополучных пригородах и на технические училища, где учились дети рабочих и иммигрантов. Во Франции нужно было ждать до 1973 года, когда появилось движение против «закона Дебре»¹⁵, действительно затронувшее всю молодежь, и 1974 года, когда начались забастовки в технических школах и училищах¹⁶.

Создается впечатление, что необходимо время, чтобы движение протеста, претендующее на универсальность, распространилось от центра (города, университета, власти) к периферии, затрагивая все новые слои общества.

Сегодня движение может показаться раздробленным, состоящим из множества элементов. Но так же, как и тридцать лет назад, оно является всеобщим движением протеста (особенно для молодежи), несет в себе полное отторжение Системы и претендует на универсальный характер. И так же, как тридцать лет назад, господствующие слои, основа Системы, обладают максимальными возможностями выдвигать и защищать универсальные требования. Данное наблюдение указывает на то, что мы находимся в начале процесса и радикализация будет распространяться на новые континенты, новые социальные слои. Но вместе с тем это и сигнал тревоги. Существующая модель, которая будет распространяться и дальше, неразрывно связана с культурой и историей крупных империй и их центров, особенно с Соединенными Штатами. Поэтому необходимо тщательно следить за тем, чтобы существовал баланс между защитой специфических интересов и поиском глобальных решений. Следует также усилием воли сосредоточить внимание на странах Юга и различных проблемах движений протеста этих стран, как это было на Всемирном Форуме в Порту-Алегри.

¹⁵ Закон, сокращающий отсрочку от военной службы в случае учебы. — Примеч. пера.

¹⁶ См.: Leshi D. Mai 68 et le mouvement lycéen // Les Mouvements étudiants en France et dans le monde. BDIC, 1988.

Риск маргинализации, забастовка UNAM в Мехико, Прага

Существует еще одна большая проблема — это риск маргинализации молодежного движения, точнее, разрыва между молодежным движением и остальными группами, входящими в общее социальное движение, то есть профсоюзами, а также НГО и ассоциациями. Проблема возникает каждый раз, когда появляется новое поколение активистов. Каждое следующее поколение стремится создать собственную идентичность, способы действия и ориентиры, отличные от тех, что вдохновляют уже действующих активистов. Необходимо сделать так, чтобы это различие служило источником нового, чтобы оно взаимно обогащало участников, а не превращалось бы в бесплодное противостояние, препятствующее обмену достижениями и развитию дискуссии. Пример «Reclaim the Streets» служит напоминанием об этом действительно существующим риске, причем это не единственный случай.

Поражает, к примеру, насколько изолированными оказались забастовщики Национального автономного университета Мехико (UNAM)¹⁷. В апреле 1999 года в UNAM, где учатся 300 тысяч студентов, началась забастовка. Цель ее была проста: защитить бесплатное образование и не допустить введения платы за обучение (около 120 долларов в год), которая воспринималась администрацией как сумма вполне умеренная, а детьми из бедных семей — как очень большая.

Забастовка продлилась около года, пока в конце зимы 2000 года силы правопорядка не разогнали пикетчиков. Акция мобилизовала десятки тысяч молодых людей, участвовавших в работе генеральной ассамблеи, в управлении забастовкой и в манифестациях. Это было массовое движение студентов из семей с небольшими доходами, защищавших собственное право на образование и право детей из бедных семей на продолжение обучения, оно получило большую популярность у малообеспеченных мексиканцев, состав-

ляющих большую часть населения; этот факт, а также присутствие в мэрии Мехико Куаутемока Карденаса, кандидата в президенты от левых, объясняет, почему властям было сложно использовать полицию для снятия блокады университета.

Эта забастовка имеет много общего с другими молодежными движениями.

Во-первых, движение близко к сердцу принимало вопросы демократии и очень холодно относилось к самопровозглашенным лидерам. Такое внимание к внутренней демократии очень важно, хотя оно усложняло управление забастовкой и препятствовало тактическим действиям, которые в некоторых случаях могли бы оказаться полезными (для принятия самого незначительного решения требовалось несколько дней, поскольку каждый раз нужно было собирать местные ассамблеи, посылавшие своих часто менявшихся делегатов на собрания центрального забастовочного комитета).

Во-вторых, эта забастовка была крайне радикальной, выдвигала очень широкие требования, и делегаты отказывались от любого компромисса с властями. Специфическая культура и альтернативный стиль активистов, очень близкий к культуре молодых британских или американских радикалов, были еще одним знаком единства поколения. Сеть DAN на своем сайте среди планировавшихся акций указывала в то время на свою солидарность с забастовщиками UNAM.

Именно этой солидарности не хватало в Мексике! В связи с политической ситуацией, когда Институционно-революционная партия (ИРП)¹⁸ переживала кризис, проиграв президентские выборы несколько месяцев спустя после полицейского вторжения в UNAM, а партия левых (Демократическая революционная партия) заняла центристскую позицию, стремясь любой ценой сохранить избирателей умеренных взглядов, забастовщики остались в одиночестве. При этом профсоюзное движение, где доминировала ИРП, оказалось очень бюро-

¹⁷ См. статьи Pablo Gonzalez Casanova, Ana Esther Cecena и Raquel Sosa Elizaga в: CLACSO, Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales/Obervatorio de America Latina. Buenos Aires, 2000, № 1, juin.

¹⁸ Институционно-революционная партия была партией власти в Мексике почти в течение всего XX в. Куаутемок Карденас, из Демократической революционной партии был главным оппонентом этой партии, но на президентских выборах 2000 г. победил Винсенте Фокс (из правой Партии национального действия).

кратизированным, а независимые профсоюзы — слишком слабыми, чтобы организовать кампанию солидарности. Остальные деятели общественного движения были либо расколоты (как, например, крестьянское движение), либо ослаблены, поскольку активисты различных городских ассоциаций Мехико стали активно сотрудничать с городскими властями левой ориентации. Тем не менее, движение было поддержано сапатистами. Однако насколько велик престиж Маркоса и армии Чьяпаса, настолько политическая организация сапатистов в остальной части Мексики представляет собой очень ограниченную силу, сосредоточенную вокруг сапатистского восстания.

Без организованной поддержки, в ситуации, когда буржуазия и интеллектуалы благосклонно отнеслись к реформе, потому что считали ее единственным способом гарантировать достойный уровень образования, забастовщики остались в изоляции. При этом многие, в том числе мексиканские левые, оправдывали свое поведение тем, что представители движения настаивали на необходимости «стоять до конца».

Участники манифестаций в сентябре 2000 года в Праге тоже были удивительно молоды. Тысячи молодых людей, приехавших со всей Европы, большей частью из Скандинавии и средиземноморских стран (Италии, Испании и Греции), участвовали в демонстрации против генеральной ассамблеи МВФ и Всемирного банка. Присутствие профсоюзов было минимальным — и это в условиях численного доминирования профсоюзного движения в Европе.

Трудное сближение

В каждом из приведенных случаев проблема солидарности и формирования альянсов имеет свою специфику. Если в США сближение шло быстро, то в случае забастовщиков UNAM, или в Европе («Reclaim the Streets»), или в случае молодых демонстрантов в Праге все было не так просто. В этих случаях ответственность за изолирование новых движений лежит на традиционных движениях, в частности на профсоюзах, даже если в каждом случае можно определить кон-

кретные причины этой неспособности понять новых социальных акторов и установить с ними сотрудничество. В любом случае, задача, стоящая перед активистами — в том, чтобы преодолеть эту оппозицию и избежать изолирования наиболее радикальных частей движения.

Первые изменения в Европе наметились в Ницце во время манифестаций против саммита Европейского Союза в 2000 году, а затем и в июле 2001 года во время мобилизации по случаю собрания «Большой семерки» в Генуе. В действительности, в обоих случаях профсоюзы и молодежные движения — итальянские «Tute Bianche», или испанские Movimiento de Resistancia Global — действовали вместе с ассоциациями, НГО, такими организациями, как АТТАК или движениями за аннулирование долга стран «третьего мира». Во Франции сотрудничество между различными составляющими общественного движения — результат борьбы 90-х, в Италии положительное влияние на процесс объединения оказала подготовка манифестаций в Генуе. Наличие в этих странах независимого, радикального и солидарного профсоюзного движения играет важную роль для объединения профсоюзных конфедераций. Например, итальянцам стал полезен Всемирный Социальный Форум в Порту-Алегри. Активисты федерации работников металлургии итальянской конфедерации CGIL (самый крупный профсоюз в Италии) и CISL принимали в нем участие и отстаивали свой выбор — такое поведение очень отличалось от традиционных действий на официальном Всемирном экономическом форуме в Давосе, где активисты пытались заставить услышать голос профсоюзов. Но если самые боевые профсоюзы включились в общие сети сотрудничества по организации манифестаций в Ницце или в Генуе, то отношения с традиционными профсоюзами остаются непростыми. Европейская конфедерация профсоюзов принимала участие в манифестациях в Ницце, но выступала отдельно, вне общей колонны таких организаций, как АТТАК или Европейский марш против безработицы. В Генуе руководство трех крупных конфедераций во-

обще отсутствовало и публично выразило свое несогласие с демонстрантами.

В 2002 году сближение продолжалось, что было хорошо заметно на различных социальных форумах, где активно участвовали различные профсоюзы.

Эта эволюция позитивна, однако не следует думать, что сближение происходит без конфликтов и столкновений. Возникающие молодежные движения, несмотря на национальные отличия, имеют много общих черт, которые указывают на радикальный разрыв с традиционным опытом народных и рабочих движений, сформированных в рамках социал-демократической традиции, и различными революционными течениями.

Они имеют разное идеологическое происхождение — это могут быть экологистские течения или анархистская традиция; их методы и их деятельность, безусловно, изменяют привычные способы действия¹⁹.

Приведем другой пример. Накануне акций протеста в апреле 2000 года против собраний МВФ и Всемирного банка в Вашингтоне всем участникам манифестаций были розданы листовки с описанием принципов действий

неформальных групп (*groupes affinitaires*). Эти принципы были далеки от тех, к которым привыкли участники традиционных манифестаций. «Неформальные группы — это организационная основа для действий против МВФ и Всемирного банка. Это небольшие автономные группы индивидов, имеющих общие принципы, цели, интересы, планы и т.п., способствующие их продуктивной совместной работе. Благодаря максимально демократичной и эффективной децентрализации, эти группы осуществляют различные массовые акции...». Для Наоми Кляйн Сиятл и Вашингтон представляют собой прекрасные примеры «слияния масс,

когда каждый активист выступает центром, создающим сотни и даже тысячи новых лучей»²⁰.

Расширение молодежных движений привело к изменению их организационных форм, к ослаблению

некоторых из них. Например, сеть Direct Action Network больше не существует, а движение «Reclaim the Streets» стало очень закрытым и не играет прежней роли. Сегодня доминирующим движением в Великобритании является «Globalize resistance» («Сделай сопротивление глобальным») — коалиция, многие активисты которой входят в Socialist Worker Party (Рабочую социалистическую партию).

Если расширение движений и их эволюция частично затушевывают новаторские элементы проводимых акций, то совершенно логично, что наиболее резкий разрыв с традиционным рабочим движением наблюдается именно в там, где преобладает молодежь. Возможно, наиболее важной ставкой «антиглобалистского» движения является взаимодействие этих двух активистских миров.

Б. Крестьянские движения

Крестьянские движения гораздо дольше, чем профсоюзные, занимались исключительно национальными или даже местными проблемами. Мы отнюдь не хотим приуменьшить значение той борьбы, которая, начиная с крестьянской войны в Германии в конце XVI века и кончая великими азиатскими революциями XX века наряду с борьбой рабочего класса дала истории новый ход. И хотя причиной подъема крестьянских движений стало развитие капитализма, стимулом к действию служат конкретные местные проблемы: «...крестьянские восстания больше не являются простой реакцией на местные проблемы... Это локальные реакции на общий распад, вызванный изменением самого общества»²¹. Различие конкретных ситуаций всегда затрудняло проведение совместных действий, выходящих за рамки обычной солидарности. В Мексике это была борьба за *ejidos* — коллективные индейские земли, кото-

рые удалось сохранить благодаря революции 1910 года и которые вновь оказались под угрозой в 80-е. В Бразилии велась борьба «безземельных» крестьян за аграрную реформу, которая, наконец, дала бы им

¹⁹ Подробнее с их деятельностью можно ознакомиться на сайте <http://www.direct-actionnetwork.org>

²⁰ Klein N. The Vision Thing// The Nation. 2000, 10 juillet.

²¹ Wolf E. Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y., 1969.

свободный доступ к земле. В Таиланде это многолетняя борьба крестьян, согнанных со своих земель строительством плотин. Во Франции и других развитых странах акцент делается на защите доходов малых крестьянских хозяйств во время периодических кризисов перепроизводства.

Глобализация экономики

Глобализация экономики в 90-е годы радикально меняет ситуацию: борьба концентрируется вокруг двух проблем, дополняющих одна другую: с одной стороны, это стремление международных институтов форсировать открытие рынков сельскохозяйственной продукции, с другой — это проблемы, связанные с генной инженерией, ГМП и интеллектуальной собственностью.

Вопрос открытости сельскохозяйственных рынков возникает уже не первый раз: в XIX веке Англия стремилась ввести свободный обмен и отказалась от этого желания только с наступлением сельскохозяйственного кризиса 1870 года. Однако в XX веке сельскохозяйственный обмен все еще регулировался двусторонними или региональными соглашениями, например, в случае Европейского Союза — вплоть до начала переговоров в Уругвае, организованных ГАТТ

²² См. Bové J., Dufour F. Le monde n'est pas une marchandise. P., 2000.

в 1986 году²². Именно с этого момента проблема сельскохозяйственных рынков вошла в повестку дня международных переговоров и стала поводом для конфликтов как между правительствами различных государств (например, между США и Европейским Союзом в Сизтле), так и между правительствами и различными крестьянскими движениями. Желание сделать сельскохозяйственную продукцию обычным товаром не сводится только к модной тенденции, когда открытость рынков превозносится как лучшее средство для всех областей экономики и для любой сферы человеческой деятельности. За ним стоят и вполне конкретные экономические интересы богатых стран, в частности США, Евросоюза, а также Канады, Австралии и Новой Зеландии. Кроме того,

это является прямым следствием долгового кризиса: страны «третьего мира» должны вернуть долги, для этого им нужно увеличивать экспорт, а сельское хозяйство — это та сфера деятельности, где каждая страна может найти свое место, при условии, конечно, что она будет развивать у себя агробизнес!

Генная инженерия является более новым, но не менее важным вопросом. Самый очевидный аспект этой проблемы связан с ГМП (генетически модифицированными продуктами). Во Франции проблема получила большой общественный резонанс после суда над Жозе Бове и активистами Французской конфедерации крестьян, осужденными за порчу генетически модифицированного риса, производимого CIRAD (государственной организацией, развивающей партнерские отношения с фирмой Aventis и другими транснациональными корпорациями, заинтересованными в развитии генной инженерии).

Общественное мнение и потребители очень живо реагируют на все, что касается «malbouffe»²³: гормоносодержащую говядину, «коровье бешенство», ГМП и т.п. Эта реакция общественного мнения позволила одержать первую победу. Транснациональная корпорация «Монсанто», активнее других развивающая биотехнологии, изобрела революционную формулу «Терминатор» — благодаря «Терминатору» генетически модифицированные семена становятся бесплодными, крестьяне больше не могут использовать часть своего урожая для нового сева, и транснациональной компании, обладающей монополией на посевной материал, гарантированы баснословные доходы. Но благодаря действиям активистов и кампании в прессе²⁴, «Монсанто» пришлось свернуть свой проект.

Патентование генов и живых организмов — тоже очень важный воп-

²³ Дословно «плохая жратва» (от фр. mal — плохой и bouffe — жратва). Сегодня это слово активно используется при критике современной системы производства продуктов питания (ГМП, нитраты, пестициды и т.п.), а также системы «быстрого питания» (низкое качество, безвкусная пища, использование быстрозамороженных продуктов и т.п.). — *Примеч. перев.*

²⁴ Активную роль в этом сыграл британский журнал The Ecologist, возглавляемый Эдвардом Голдсмитом. В сентябре 1998 г. был выпущен специальный номер, посвященный «Монсанто», переведенный затем на многие языки.

рос, хотя широкая общественность знает об этом меньше. Благодаря новым открытиям, связанным с ДНК, стало можно не только модифицировать гены, но идентифицировать их и использовать свойства того или иного продукта в промышленном производстве. Ставки здесь велики как для сельского хозяйства, так и для фармацевтической промышленности. Транснациональные компании желают получить возможность патентовать гены живых организмов и таким образом обеспечить себе монополию на использование растений или продуктов, полученных на основе этого генного материала. В результате крестьяне тропической зоны, не затрону-

той оледенением и поэтому обладающей максимальным генетическим многообразием, будут лишены возможности культивировать многие растения, которые они выращивают на протяжении столетий²⁵.

²⁵ См.: Les Temps modernes. 2000, №607, janvier/février; статья Sabine Hargous о получении патента на индийское растение *Qipua* исследователями из США.

«Via Campesina»

Появление общего поля проблем привело к установлению связей между крестьянскими движениями и созданию «крестьянского интернационала».

Организация «Via Campesina» была создана в мае 1993 года после первой встречи представителей крестьянства Центральной Америки и Европы, прошедшей в Манагуа в 1992 году. Впрочем, рождение организации было трудным. Негосударственные организации, традиционно поддерживающие крестьянские движения, выступили против создания интернационала, управляемого и контролируемого непосредственно крестьянами, аргументируя это тем, что эти движения незрелы, легко поддаются манипуляции и т.д. В апреле 1996 года на международной конференции «Via Campesina» уже присутствовали представители 69 организаций из 37 стран. Президентство и фактическое управление секретариатом было доверено Рафаэлю Алегриа из Гондураса, а на местах функционировали региональные координационные комитеты. Очень быстро «Via Campesina» расширила пределы своего

влияния. Теперь она действует в Северной и Южной Америках, Западной Европе, в Африке и Азии, например, в Индии, на Филиппинах или в Таиланде. Такое расширение ставит новые проблемы, в том числе и языковые. Сегодня организация представлена в более чем 60 странах и насчитывает 50 миллионов членов. Приоритеты «Via Campesina» показывают, что тема глобализации имеет большое значение для современной крестьянской борьбы: продовольственная безопасность и свободная торговля; аграрная реформа и социальные изменения в деревне; права женщин; права человека; устойчивое развитие крестьянского сельского хозяйства, биоразнообразие, биобезопасность и

сохранение генетического достояния²⁶. Участие крестьян в крупных манифестациях, например в Сиятле, и в конференциях, где вырабатываются основы «другой глобализации», свидетельствует о том, какое большое внимание «Via Campesina» уделяет борьбе с глобализацией (особенно если учесть ограниченные возможности самой организации). Движение выступает за международный союз, опирающийся на общественные движения, своего рода «союз народов», который смог бы противостоять международным институтам и транснациональным корпорациям. Это приводит к тому, что «Via Campesina» оказывается в центре дискуссий о перспективах развития и берет на себя особую ответственность за будущее.

²⁶ См.: <http://www.viacampesina.org>

«Ассамблея бедных» и Движение безземельных

Соппротивление либеральной глобализации объединяет крестьянские движения как на международном, так и на национальном уровне. Это доказывает пример «Ассамблеи бедных» в Таиланде. Сегодня в Таиланде происходит возрождение рабочего профсоюзного и студенческого движений (после разгрома студенческого и коммунистического партизанского движения в 70-е годы рабочее движение и левые силы Таиланда оказались ослабленными; в то же время, наряду с остальными азиатскими «тиграми», в стране происходил быстрый экономический рост). Но настоящим симво-

лом подъема общественных движений стала «Ассамблея бедных», основанная в 1995 году. Эта ассамблея — плод союза различных социальных движений. Ее участники — в основном мелкие крестьяне, страдающие от низких цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке, а также бывшие крестьяне, лишившиеся своих земель в связи со строительством плотин, не получившие никакой компенсации, не имеющие возможности перебраться в другие регионы и вынужденные поэтому наниматься рабочими в деревнях или городах.

Основа всей деятельности «Ассамблеи бедных» — борьба против последствий глобализации. В одних случаях это борьба против открытия рынков и развития экспортно-ориентированного сельского хозяйства. В других — защита жертв строительства плотин (по замыслу государства эти плотины призваны служить модернизации Таиланда и включению его в мировой рынок).

Работа организации строится вокруг различных «проблемных групп». К двум названным присоединились рыбаки, лесники, сельскохозяйственные рабочие и городская беднота, страдающая от отсутствия жилья. Но в основе своей — это сельские жители. Лишь 10 % членов «Ассамблеи бедных» живет в городах. «Ассамблея бедных» входит в состав «Via Campesina» — и в феврале 2000 года, во время ассамблеи ЮНКТАД, и в октябре того же года, во время совещания Азиатского банка по развитию, стала основной мобилизующей силой.

Невозможно говорить о крестьянских движениях, не затронув бразильское Движение безземельных крестьян, составляющие основу «Via Campesina».

Сначала Движение безземельных сумело добиться признания в Бразилии, стране, где, по словам Жоао Педру Стедилы, одного из главных руководителей движения, «свирепствует самое большое социальное неравенство на нашей планете»²⁷.

Одна из основных причин бедности и неравенства — концентрация земель в руках крупных собственников, так называемых latifundiarios:

45 тысяч человек владеют территориями, превышающими площадь в 1 тысячу гектаров. Борьба безземельных за аграрную реформу под лозунгом «Борьба за землю — борьба всех» воспринимается бразильцами как вопрос первостепенной важности для всей страны. Этим объясняются и популярность Движения безземельных, и постоянные попытки федеральной власти дискредитировать ведущуюся борьбу и само движение, которое фактически было основной силой, противостоявшей правительству в 90-е годы, и заплатило за это очень дорого: более 1000 крестьян и активистов движения было убито охранниками помещиков и солдатами.

Авторитет Движения безземельных объясняется также его двойной функцией: с одной стороны, это движение, борющееся за аграрную реформу и выделение земель крестьянам, с другой — оно выполняет функцию «управления» производством в кооперативах, созданных на землях, отобранных у помещиков.

Представление о размахе движения дают следующие цифры: в начале 1998 года в южном штате Рио-Гранде-До-Сул, родине «безземельных», движению удалось создать 120 общин, представляющих 16 тысяч семей. В то же время и в том же штате 13 тысяч семей боролись за получение земли, ими было организовано 13 захватов. По федеральным оценкам, в общинах, организованных Движением безземельных, проживает около 150 тысяч семей. Забота о кооперативах, созданных на отвоеванных землях, важна для движения вдвойне. Во-первых, это возможность проводить свою сельскохозяйственную политику (кооперация производителей, биологически чистые продукты и т.д.), во-вторых, создание политически значимого движения, поскольку 10 % своего рабочего времени крестьяне этих общин посвящают коллективным задачам и политической борьбе.

Такая сила позволило движению участвовать в международной борьбе. В 1999 году Движению безземельных удалось отправить 180 делегаций на различные международные мероприятия, чтобы представить предложения, касающихся общего положения

²⁷ La terre, 2000, juin.

крестьян: например, проект союза народов, который оно предлагает вместе с «Via Campesina».

По примеру «безземельных», другие крестьянские движения тоже активно включаются в борьбу против либеральной глобализации, их роль становится все более заметной. Крестьян поддерживают движения, ведущие борьбу против бедности и обездоленности, выступающие в защиту окружающей среды, а также движения потребителей и граждан, все более и более чувствительные к проблеме качества еды, о чем свидетельствует популярность среди горожан французского фермера Жозе Бове.

В. Движения по борьбе с социальным исключением и безработицей. Городские движения

Интеграция в международное движение ассоциаций по борьбе с безработицей и социальным исключением, организаций, занимающихся городскими проблемами (жильем и коммунальными услугами), во все не столь проста, как это может показаться на первый взгляд. Если все эти движения хорошо понимают связь между глобализацией и ростом неравенства и проблемой занятости, то возможности их влияния на международную политику остаются весьма неопределенными. Стоит добавить к этому и скептическое отношение к этим движениям в СМИ, и боязнь маргинализации. В отличие от профсоюзов (которые обращаются к уже так или иначе организованным наемным работникам транснациональных корпораций) и в отличие от крестьян (у которых есть общие интересы для мобилизации, определенные извне, например, переговоры ВТО по аграрным вопросам), эти движения вынуждены проводить мобилизацию там, где мало социальных механизмов, служащих формированию солидарности.

Кроме того, вопросы, которыми они занимаются, связаны с политикой государства, муниципалитетов или отношений между социальными партнерами. Речь идет о доходах (сколько денег получают безработные) и об условиях доступа к жилью и к коммунальным услугам (транспорт, электричество, вода и т.д.).

Многие движения боятся маргинализации. Это касается тех, кто чувствует, что его мнение не представлено (или мало представлено) в группах, обладающих возможностью публичного выражения мнения, в том числе критического. Мы уже указывали на проблему этнических меньшинств. Сходные проблемы возникают и у безработных, и у некоторых участников феминистского движения.

Несмотря на все сложности, движения, борющиеся против безработицы и социального исключения, особенно французские, с самого начала участвовали во всех крупных событиях: в выступлениях против ВТО в Женеве в 1995 году, во встречах сапатистов в Чьяпасе летом 1996 года, в «Другом Давосе» в январе 1999 года и т.д.

Перед тем, как перейти к рассказу о «Европейских маршах против безработицы», которые представляют собой интересный опыт международной координации, способный дать информацию о формирующихся альянсах, необходимо дать некоторые пояснения.

Движения разного типа

Во-первых, речь идет о движениях безработных или о борьбе против безработицы. Эти движения действуют преимущественно в развитых странах, особенно в Европе, но недавно стали возникать в Южной Корее и Японии.

Безработица затрагивает бедные страны в той же мере, что и богатые, но в последних безработные обладают специфическим «статусом», который дает им особые права и обязанности, и создает, таким образом, особую социальную категорию «безработных».

В бедных странах существует множество немущих, распространена неполная занятость, вообще имеется обширный неофициальный сектор, к которому в зависимости от страны относятся и бродячие торговцы, и владельцы машин, подрабатывающие таксистами, и туристические гиды, и те несчастные, что выживают, разбирая мусор. Однако в этих странах мало организаций, занимающихся подобным неформаль-

ным сектором. Крестьянские движения, такие как «Ассамблея бедных» в Таиланде, имеют «городские подразделения» или развивают родственные структуры: например, бразильское Движение безземельных создало городское движение, объединяющее бедных, безработных и имеющих плохие жилищные условия.

Необходимо выделить два особых случая. Во-первых, это марокканское движение «Дипломированные безработные», уже много лет мобилизующее десятки тысяч студентов, которые не могут найти работу. В то время, когда развитие государства и отъезд многих французских чиновников после деколонизации создали возможности для почти гарантированного трудоустройства небогатых людей, получивших высшее образование, марокканская система образования выступала инструментом социальной мобильности. Это время закончилось, и безработица стала частью большинства студентов, в том числе выпускников престижных вузов. «Дипломированные безработные» сумели наладить систему обширных международных контактов, они принимали участие в многочисленных международных конференциях общественных движений, в том числе и в Женеве в 2000 году.

Второй пример относится к Аргентине. С 26 июля по 9 августа 2000 года профсоюз СТА²⁸ проводил «Великий марш за труд». Было выдвинуто требование обеспечить безработным доход в размере 2700 франков на семью плюс 450 франков на ребенка. Безработные организовали движение *Piqueteros* (пикетчиков),

названное так, поскольку оно часто устраивало пикеты вдоль автомобильных дорог. Некоторые *piqueteros* входят в профсоюз СТА, другие являются активистами левых радикальных групп маоистского толка. *Piqueteros* очень активно участвовали в массовых выступлениях конца 2001 года, закончившихся отставкой аргентинского правительства.

Но приведенные примеры — скорее исключения. В основном обездоленные городские жители создают

«городские народные движения», объединяющие жителей одного квартала. В 80-е годы такие движения очень активно развивались в Латинской Америке. Часто вначале это были организации, защищавшие жителей, которые нелегально обосновались на городских окраинах и желали узаконить свое проживание, получив у властей разрешение на строительство или юридически оформив уже построенное жилье. Как правило, такие организации старались реагировать на неэффективность государственного управления коммунальными услугами, а иногда устраивали силовые выступления, заставлявшие власти принимать срочные решения (как, например, в Мехико после землетрясения 1985 года). По многим причинам в последние десять лет эти движения не столь активны: исчезли левые радикальные организации, которые раньше принимали в них участие; демографический взрыв усложнил работу ассоциаций и движений в крупных городских центрах; получили развитие НГО, которые часто снижают чувство ответственности у активистов, и т.д.

Однако возобновление общей борьбы во многих странах должно оживить эти движения, которые, будучи основной составляющей активистских сетей, вновь займут в них свое место. Развиваемые ими вопросы — жилье, коммунальные услуги, окружающая среда, управление мегаполисами — являются центральными при разработке альтернатив неолиберальному порядку.

Европейские марши против безработицы

«Европейские марши против безработицы, незащищенности и социального исключения»²⁹ являются интересным опытом, так как превосходят некоторые черты, свойственные движениям борьбы против либеральной глобализации. Идея родилась в 1995 году после того, как весной 1994 года прошел первый французский марш против безработицы, организованный по инициативе движения «АС!». Это было время, когда в Европе произошли резкий рост безработицы и усиление бедности.

²⁸ Central de Trabajadores Argentinos — одна из трех важнейших аргентинских профсоюзных организаций. См.: Observatorio Social de America Latina (OSAL). Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales (CLACSO). Buenos Aires, 2000, №2.

²⁹ Подробнее об этом опыте см.: Les Sentiers de la colère, coordonné par Bertrand Schmitt et Patrice Spandoni. L'Esprit frappeur. P., 2000 и Europe modes d'emploi, Syllepse. P., 1997.

Анализ политики, проводившейся Европейским Союзом, стал первой причиной, толкнувшей движение, борющиеся с безработицей, организовать акцию на территории всего континента. Политика Евросоюза совершенно не затрагивала социальные вопросы, остававшиеся в ведении государств, а уделяла внимание только экономической программе, социальные последствия которой совершенно очевидны. Это был момент подписания Маастрихтского договора, и основным вопросом того времени были «критерии конвергенции», предусматривавшие ограничение бюджетного дефицита, которое стало аргументом в пользу сокращения расходов на социальные нужды.

К этому аргументу добавляется еще один. Общественные движения в Европе относятся к политике Евросоюза по-разному. Одни в первую очередь обращают внимание на политику дерегулирования и воспринимают Евросоюз как инструмент экономической глобализации. Поэтому они ведут борьбу за ограничение его власти и даже за его роспуск. Другие рассматривают Евросоюз как инстанцию, способную защищать социальные права, и ведут борьбу за усиление социальной, экологической и фискальной политики. Поэтому движения расходятся по двум линиям. Во-первых, идеологически: радикальные движения чаще, чем умеренные, настроены по отношению к Евросоюзу критически. Во-вторых, географически: скандинавские страны и Великобритания традиционно относятся к Европейскому Союзу с большим скепсисом, чем страны Центральной и Южной Европы. Чтобы преодолеть эту бесполезную оппозицию, необходимы были совместные действия, основанные на общих проблемах и имевшие общие требования. Необходимо было провести какое-нибудь мероприятие, призванное сформировать общеевропейскую сеть, облегчающую сотрудничество различных движений и проводящую достаточно значимые выступления, которые способны доказать, что можно создать альтернативу как для либеральной Европы, так и для национальной обособленности.

Сначала это были французские организации по борьбе с безработицей и несколько левых профсоюзов Испании и Италии. Постепенно сеть разрослась и сумела организовать настоящие массовые действия. Марши, стартовавшие из Танжера, Лапландии, Ирландии и Боснии, в течение двух месяцев 1997 года двигались по Европе, а затем в июне 1997 году в Амстердаме и в июле 1999 году в Кёльне состоялись манифестации, в которых приняло участие более 30 тысяч человек.

Накопленный опыт позволяет сделать три замечания, которые могут оказаться полезными для создающихся международных движений. Во-первых, «европейские марши» организованы как открытая сеть без сложной структуры и ограничивающих уставов, которая способна объединить самые разные силы для конкретных мероприятий и практических инициатив. Такая структура не только необходима для подготовки акций, но и выступает условием развития дискуссий. Бывший генеральный секретарь крупного ирландского движения безработных (INOUE) Майк Аллен³⁰ рассказывает, как такие марши позволили организовать в Великобритании и Южной Европе дискуссию между активистами-кейнсианцами, защищавшими идею государственных заказов для создания дополнительных рабочих мест, и радикальными экологистскими течениями, выступающими против такой политики.

³⁰ Allen M. The BitterWorld. Dublin, 1998.

Инициативы подобного рода воодушевляют других: марши и акции в поддержку забастовщиков бельгийского филиала Renault оживили Европейскую конфедерацию профсоюзов, которая уже 15 лет не проводила никаких массовых акций. Осенью 1997 года, через несколько месяцев после забастовки на Renault и Амстердамской демонстрации, Европейская конфедерация профсоюзов впервые приняла участие в манифестациях в Люксембурге, за которой последовали все новые и новые акции.

И последнее замечание. Эти «марши» позволили набросать первые проекты «европейского обществен-

ного пространства», помогли разным странам выработать общие требования и способствовали зарождению некоторого общего символического пространства, необходимого для формирования коллективной памяти. Важно, что они включили в себя безработных и обездоленных. Возможно, такое внимание к социальным группам, обычно остающимся за кадром, приведет к возникновению новых видов международных действий.

Г. Всемирный марш женщин

«А вы не знали, у глобализации есть пол!» — Так начала свою речь квебекская феминистка Лорен Гэй, объясняя, почему «Всемирный марш женщин»³¹ принимает участие в конференциях и мероприятиях,

проводимых различными движениями, начиная с Женевы и кончая Порту-Алегри.

Идея всемирного женского марша родилась благодаря активистам Федерации женщин Квебека³², которые

в 1995 году организовали десятидневный марш под лозунгом «Хлеба и цветов!» (строчка из американской песни начала XX века). В этом марше приняли участие 850 женщин и его одобрили 15 тысяч человек. Участники выдвинули девять требований, главным образом экономических: увеличение минимальной заработной платы, равенство зарплат и т.д.

Ободренные своим успехом, квебекские активистки предложили провести в 2000 году всемирный женский марш. Удачная подготовительная встреча в октябре 1998 года в Монреале, куда приехало 140 делегатов из 65 стран, ускорила подготовку этого мероприятия, поскольку дала толчок к созданию организационных комитетов в каждой стране. Было решено провести марш против «насилия и бедности». Место проведения — Нью-Йорк, штаб-квартира ООН, дата — 17 октября 2000 года, Международный день против нищеты.

Как пишет Франсуаза Давид, президент квебекской федерации, платформа марша была очень широ-

кой: «Причин для выступления очень много; как гласит наш лозунг, у женщин их не менее двух тысяч. Всемирный марш 2000 года обращается ко всем руководителям планеты с криком возмущения и конкретными требованиями. Женщины обращают свои требования к ООН, МВФ и к Всемирному банку так же, как активисты и активистки, ведущие борьбу против разрушительных последствий глобализации и в защиту прав человека»³³.

³³ David F. Une marche mondiale/Le Monde diplomatique, 2000, juin.

Официально марш стартовал 8 марта 2000 года в Нью-Йорке, Монреале и Женеве, где в нем приняло участие несколько тысяч женщин. В июне многие страны, в том числе Франция, организовали национальные манифестации, 14 октября в Брюсселе марш объединил около 30 тысяч человек, в Нью-Йорке несколько десятков тысяч женщин обратились к Генеральному секретарю ООН. Некоторые активистки уже имели опыт совместной работы во время четвертой всемирной конференции женщин, организованной ООН в Пекине. Всемирный марш, благодаря своей полной независимости по отношению к официальным институтам, был более свободным, и его участники могли самостоятельно выдвигать требования.

Не следует забывать и о роли крупных международных конференций, в которых все активнее принимают участие негосударственные организации и ассоциации. В 1992 году в Рио-де-Жанейро на конференции, организованной ООН и посвященной окружающей среде, ситуация резко изменилась. На конференции одновременно прошла встреча сотен НГО, занимающихся проблемами окружающей среды, что имело большое значение. Начиная с этого момента, международные конференции все чаще становятся поводом для альтернативных встреч, когда тысячи активистов имеют возможность обмениваться информацией и планировать собственные акции. Конечно, встречи «за кулисами» международных институтов не являются нейтральными. Они могут способствовать интеграции некоторых НГО, ассоциаций или профсоюзов в деятельность этих структур. Так же, как первые встре-

³¹ Сайт всемирного марша женщин: <http://www.ffq.qc.ca/marche2000>

³² <http://www.lecourrier.ch/femmes>

чи между британскими профсоюзами и рабочими континентальной Европы, которые хотели наладить контакты, проходили в коридорах всемирных выставок второй половины XIX века, и «кулисы» официальных конференций сыграли свою роль в осознании необходимости международного сопротивления.

Несмотря на общий успех всемирного марша, не стоит забывать и о некоторых недостатках. Основная проблема состояла в том, что разные регионы были вовлечены в этот процесс очень неравномерно. В Нью-Йорке очень слабо были представлены страны Азии и англоязычный мир. Сыграли свою роль и культурные различия, в том числе и внутри одной страны: например, неактивно участвовали канадки (все, кроме представителей Квебека), поскольку они не признают такие общие мероприятия, отдавая предпочтение целевым кампаниям.

Но эти различия в активистской культуре можно преодолеть. В Соединенных Штатах радикализация некоторых молодежных и профсоюзных движений способствует проведению мероприятий более общего характера и имеющих более четкое идеологическое содержание.

В любом случае, решены еще далеко не все проблемы. Это особенно очевидно, когда речь идет о выдвижении общих требований, организации совместной борьбы и поиска общих способов действия. Например, во Франции, где возрождение движения в защиту прав женщин совпало с усилением политической борьбы, выдвигаются некоторые общие требования: 25 ноября 1995 года, за несколько дней до того, как страну парализовала забастовка работников общественного транспорта, около 40 тысяч человек участвовали в парижских манифестациях в защиту права на аборт.

Очевидно, активисты других стран испытывали больше трудностей. Например, в США феминистское движение NOW, игравшее важную роль в 70-е годы, не было по-настоящему связано с движениями протеста против corporate globalization. Однако цель состоит в том, чтобы объединить все эти устремления и

сделать так, чтобы новые движения были не только радикальными, антилиберальными или антикапиталистическими, но и понимали все значение женского вопроса.

Д. Негосударственные организации (НГО)

Развитие НГО поднимает ряд важных вопросов, которые в действительности анализируются довольно редко. Рассмотрим их на нескольких примерах.

Но вначале сделаем еще два замечания. Первое касается определения самих негосударственных организаций. Мы рассмотрим три большие группы НГО. Во-первых, те, что занимаются правами человека, самая известная из них — «Эмнисти Интернэшнл». Во-вторых, те, что решают «срочные» продовольственные и медицинские проблемы, — например, «Врачи мира» или «Врачи без границ». В-третьих, те, что занимаются «развитием», стремясь помочь странам Юга. К последней категории можно отнести британский Oxfam или французский CCFD (Католический комитет против голода и за развитие). Мы обратимся также к организациям смешанного типа, которые занимаются в основном организацией различных кампаний. Это такие организации, как «Гринпис» или «Friends of the Earth». Некоторые относят к НГО и такие коалиции, как движение «Юбилей 2000» за списание долга бедных стран, но мы не станем описывать общественные движения, которые часто классифицируются как НГО, поскольку мы о них уже говорили. Мы также оставим в стороне НГО, являющиеся в действительности аналитическими и исследовательскими центрами, своего рода think tanks левых движений, издающие брошюры, газеты и т.п.

Второе замечание касается места, которое занимают НГО в мире политики. Любой чиновник того или иного международного института считает своим долгом сослаться на НГО. Ни одна официальная международная конференция уже не проходит без их присутствия. Например, организаторы Всемирного экономического форума в 2001 году в Давосе произвели сенсацию, пригласив около 60 представителей НГО. Ссылка на НГО

всегда предполагает понятие «гражданского общества», поскольку они считаются его выразителями.

Внизу символической иерархии находятся государства, политические партии, а также профсоюзы и социальные движения, считающиеся слишком конфликтными, а НГО и им подобные объединения по умолчанию воспринимаются как представители «гражданского общества». Идеологический смысл такого внимания международных институтов к НГО совершенно очевиден. Речь идет о том, чтобы, используя позитивный образ НГО, переманить на свою сторону часть движения протеста, которое иначе может лишиться эти международные институты всякой легитимности, и одновременно создать пространство, независимое от государства, особенно в случае США, которое оставляет таким объединениям мало места для маневра. Подобное признание должно еще больше усилить влияние НГО, число которых постоянно растет.

Причины появления НГО различны. Во-первых, это войны. Первая НГО — «Красный Крест» — была создана после битвы при Сольферино в 1863 году. Во-вторых, это деколонизация после II Мировой войны, положившая начало НГО, которые занимаются проблемами развития. Самый же быстрый рост числа НГО начинается в 80-е годы: если в 1945 году в ООН получили аккредитацию 40 международных НГО, то в 1970 году — 400, а в 1990-м — 800. Сегодня насчитывается чуть более 2 тысяч организаций такого типа. Если включить в их число и организации, не аккредитованные в ООН, то в 1995 году насчитывалось 29 тысяч международных негосударственных организаций.

Такой рост НГО, предшествовавший их официальному признанию, связан с двумя моментами. Во-первых, начиная с 80-х годов, произошло изменение представлений и форм политического участия: НГО, связанные с благотворительностью, оказываются более привлекательными, чем общественные организации и уж тем более — политические партии. Во Франции целое поколение социализировалось, участвуя в благотворительных мероприятиях типа «Ресторанов

великодушия»³⁴ или в концертах в пользу Эфиопии. Единственное активистское движение 80-х годов «SOS Расизм» адаптировало эти новые формы действия.

Во-вторых, по признанию газеты *Economist*, важную роль в развитии НГО сыграла приватизация. «Правительства предпочитают оказывать помощь через НГО, а не через официальные каналы. Это дешевле, эффективнее и в то же время позволяет сохранять дистанцию»³⁵. Европейский Союз — один из институтов, отдающий предпочтение такому подходу. С 1990 по 1994 год помощь Европейского Союза, осуществляемая через НГО, увеличилась с 47 до 67 %. Суммы, используемые для этих целей, огромны. Например, «Красный Крест» считает, что суммы, распространяемые через НГО, превышают те, что проходят через Всемирный банк.

С точки зрения Юга, результаты более противоречивы. Сотрудник организации «Врачи без границ» Рони Броман указывает на недостатки в работе гуманитарных организаций, вынужденных действовать в чрезвычайных ситуациях: «Гуманитарным организациям свойственна неопределенность и двойственность, поскольку основным полем их деятельности остается политическое и социальное насилие. Когда мы пытаемся действовать, мы каждый раз попадаем в сеть политических отношений»³⁶.

Соня Арельяно-Лопес и Джеймс Петрас, обращаясь к примеру Боливии, указывают на общую проблему, возникающую в связи с усилением роли НГО и ослаблением роли государства, финансовые возможности которых уменьшаются «планами реструктуризации», навязанными международными институтами. «НГО ... присвоили себе политическое пространство, принадлежавшее ранее местным организациям (профсоюзам, кооперативам, общинам туземных народов),

³⁴ Restos du coeur (фр.). Бесплатные рестораны для бедных и бездомных, созданные популярным французским комиком Колюшем. Существуют за счет пожертвований населения. Работники ресторанов констатируют, что в последние годы посетителей становится все больше и больше. — *Примеч. перев.*
³⁵ NGOs, Sins of the secular missionaries// *The Economist*. 2000, 29 January.

³⁶ Brauman R. L'humanitaire n'a pas vocation à être un Père Noël universel// *Le Monde*. 1999, 15 octobre.

которые сформировались в ходе политической борьбы рабочих, крестьян, туземцев и служили основным средством политического выражения интересов в их отношениях с национальными правительствами. Ослабление западных государств в результате структурной перестройки уменьшило их возможности помощи местным общественным организациям, что ограничивает возможности последних. Склонность международных организаций-доноров финансировать НГО, а не государства, якобы потому, что первые ближе к бедным, только усиливает политическую изоляцию бедняков»³⁷. В таких странах, как Камбоджа, ис-

³⁷ Arellano-Lopez S., Petras J. *Alternatives Sud*, специальный номер о НГО, 1997.

пытывающих постоянный дефицит государственного бюджета, к этой общей проблеме добавляется конкуренция между самими НГО за лидер-

ство в области здравоохранения и экономического развития, еще больше усиливающая пассивность местного населения.

В других областях результаты деятельности НГО более позитивны. Например, благодаря связи с местным населением, они первыми заговорили об ущербе, наносимом «большими стройками», такими, как строительство плотин, поддерживаемое Всемирным банком.

В более общем виде проблема, возникающая перед НГО, связана с тем, что эти организации вынуждены выбирать между независимой позицией, предполагающей сотрудничество с общественными движениями, и зависимостью от правительственных заказов и заказов международных институтов. Даже если реальный выбор не столь однозначен, так или иначе, эти вопросы имеют к практике НГО непосредственное отношение.

Во время войны в Косово, когда Италия играла определяющую роль в поддержке албанцев и косоваров, итальянские ассоциации и НГО должны были сделать выбор между участием в операции «Argo di balena» («Радуга»), организованной правительством, чтобы объединить все инициативные группы в федерацию, основную роль в которой играла бы армия, и незави-

симостью, только при сохранении которой была бы возможна непосредственная помощь местным профсоюзам, албанским и косовским ассоциациям.

По тем же причинам возникают конфликты вокруг проблемы sweatshops, волнующей американских студентов. С одной стороны, под эгидой правительства существует Fair Labor Association, где некоторые НГО согласились участвовать совместно с транснациональными корпорациями. С другой стороны, существует Workers Rights Consortium Council, полностью независимый от правительства и транснациональных корпораций, куда входят ученые, НГО и профсоюзы.

Рост активности общественных движений способствует созданию союзов и сближению их позиций: в общественные движения вступает все больше рядовых активистов и даже руководители НГО. За несколько лет упрочились контакты между организациями. Различные кампании, например, за аннулирование долга стран «третьего мира», позволили испытать на прочность союз НГО, профсоюзов и общественных движений.

В такой ситуации очень важно, что ответят НГО и профсоюзы на тайные знаки, подающиеся Всемирным банком или ООН. Многие, от «Эмнисти Интернешнл» до МКСП, согласились войти в структуру Global Compact³⁸, куда также входят некоторые транснациональные корпорации, НГО и ООН. В то же время многие НГО, даже среди тех, кто вошел в Global Compact, сопротивляются

новому курсу международных институтов. Примером этого может служить Йоханнесбургская конференция по окружающей среде, организованная ООН в сентябре 2002 года, десять лет спустя после конференции Рио-де-Жанейро. Под прикрытием лозунга о «гражданском обществе» транснациональные корпорации фактически узурпировали конференцию. В знак протеста многие НГО приняли участие в манифестациях, организованных социальными движениями, выступающими против приватизации коммунальных услуг (что получило широкое распространение в Южной Африке).

³⁸ Структура, созданная ООН для ведения диалога с общественными организациями. — *Примеч. перев.*

Между двумя международными конференциями по проблемам окружающей среды в Рио-де-Жанейро и в Йоханнесбурге прошло десять лет, за которые мир сильно изменился. На конференции в Рио многие верили в миф о новом мире, который наконец-то осознал свои проблемы, о мире, управляемом международными институтами, опирающимися на «гражданское общество». В Йоханнесбурге конференция проходила под сильным давлением американского правительства, которое отказалось подписать даже очень умеренный Киотский протокол, транснациональные корпорации заняли главное место в так называемом гражданском обществе, а большинство НГО присоединились к альтерглобалистскому движению!

ГЛАВА 5. СИЗТЛ, ПОРТУ-АЛЕГРИ, ГЕНУЯ, ФЛОРЕНЦИЯ. «ДВИЖЕНИЕ ДВИЖЕНИЙ»: КАМПАНИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРУМЫ

Развитие «антиглобалистского» движения обеспечивается общественными кампаниями и социальными форумами. В этой главе мы рассмотрим, как конструируются и координируются эти сети и какие вопросы обсуждаются в ходе альтерглобалистских кампаний.

Но сначала представим несколько масштабных кампаний. Заслуживают внимания, например, кампания за аннулирование долга стран «третьего мира» или кампания за мораторий на переговоры в рамках ВТО, которые дали толчок к формированию движения. И хотя сегодня они менее заметны по сравнению с всемирными манифестациями, они все еще играют важную роль в ходе отдельных событий, например, во время генеральной ассамблеи ВТО или при анализе той или иной проблемы и подготовке альтернативных требований.

Кампании

Если начало «движения движений» было положено сапатистским восстанием или такими новыми движениями, как «Reclaim the Streets», то на первом эта-

пе движение развивалось за счет кампаний, связанных с одной определенной темой и некоторым набором требований. В Сизтле, например, это была борьба против «коммерциализации» мира; до этого коалиция «Юбилей 2000» проводила кампанию за отмену долга стран «третьего мира».

«Юбилей 2000»

«И сказал Господь Моисею на горе Синае, говоря: ... Насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет... и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям: да будет это у вас юбилей... Если обеднеет у тебя брат твой и продан будет тебе... до юбилейного года пусть работает у тебя, а тогда пусть отойдет он от тебя, сам и дети его с ним, и возвратится в племя свое, и вступит опять во владение отцов своих»¹.

Университетский профессор Мартин Дан предложил использовать ветхозаветное понятие юбилея как метафору для проблемы долга стран «третьего мира». М. Дан присоединился к сети Debt Crisis Network², которая в 1994 году решила начать настоящую кампанию и пригласила для ее реализации Энн Петифор³.

2000 год был выбран католической церковью для празднования Юбилея, и «Юбилей 2000» тоже воспользовалось этой символической датой. Кампания началась весной 1996 года в Великобритании, при поддержке «Christian Aid» («Христианская помощь»), одной из главных британских НГО. Движение быстро набирало обороты и в октябре 1997 года стало формировать коалицию, куда вошли многие НГО, профсоюзы, женские движения и организации беженцев. В июне 1998 года коалиция «Юбилей 2000» смогла объединить в живую цепь около 70 тысяч человек, которые окружили место заседания «Большой семерки» в Бирмингеме.

¹ Левит, 25.

² Активистская сеть, занимающаяся проблемами долга стран «третьего мира». — *Примеч. перев.*

³ О рождении сети «Юбилей 2000» см. статью Энн Петифор «The birth of Jubilee 2000 campaign» для католического журнала Mondo e Missione.

Эта акция стала началом очень крупной международной кампании. За два года в 66 странах появились организации, входящие в «Юбилей 2000». Движение приняло участие в сотнях манифестаций и распространило петицию, собравшую 24 миллиона подписей в 166 странах и побившую все мыслимые рекорды.

В странах «третьего мира», как правило, активистов больше всего волнует вопрос долга. Первый сигнал тревоги прозвучал в 1982 году в Мексике, когда эта страна оказалась неспособна заплатить проценты по долгу. Проценты по выплатам резко возросли, когда в результате мирового экономического спада снизился экспорт из стран-должников, и с этого времени основной проблемой для стран «третьего мира» стала проблема внешнего долга.

Благодаря своему влиянию кампания «Юбилей 2000» сумела объединить и предшествовавшие ей инициативы. Во Франции значительный резонанс получила кампания «*Ca suffit comme ça*» («Хватит!»), начавшаяся по случаю собрания «Большой семерки» в 1989 году — год двухсотлетия Французской Революции. Хотя в 90-е годы эта кампания не получила дальнейшего развития, инициативу подхватили другие страны: например, бельгийский CADTM (*Comité pour annulation de la dette des pays du tiers-monde* — «Комитет за отмену долгов стран «третьего мира»»).

Развитие кампании «Юбилей 2000» как международной организации через некоторое время привело к существенным расхождениям во взглядах участников движения.

Британская часть движения, обращаясь к морали и религиозным ценностям и используя соответствующую символику (рабство и долговые цепи), ограничилась минимальными требованиями — отменить долг самых бедных стран. «Большая семерка», МВФ и Всемирный банк согласились на условное сокращение долга 40 самых бедных стран, преимущественно африканских. К этому списку британский «Юбилей 2000» добавил еще 12 стран, среди которых Филиппины, Перу, Марокко, Нигерия и Зимбабве. Долг этих 52 стран достигает примерно 400 миллиардов долла-

ров, а общий долг стран Юга превосходит 2 триллиона долларов.

Другие коллективы и коалиции и на Севере (например CADTM) и, в особенности, на Юге, выступили за расширение кампании и требовали отмены долга всех стран Юга. Такое требование имеет все основания: страны Севера уже достаточно обогатились за счет стран Юга как в колониальный период, так и сегодня. Это требование объясняется также практическими соображениями: сложно вести кампанию за отмену долга в таких странах Юга, как Бразилия или Южная Африка, объясняя, что твоя собственная страна тут не при чем!

В связи с этим в ноябре 1999 года во время саммита Юг-Юг в Йоханнесбурге была создана коалиция «Юбилей Юг». Эта структура имеет собственный устав и структуру, важную роль в его работе играют филиппинские и южноафриканские активисты.

Вопрос, касающийся условий отмены долгов, привел к разногласиям между «Юбилеем Юг» и британским «Юбилеем 2000». Проблема возникла, как только международные институты стали принимать конкретные меры по сокращению долга стран — самых крупных должников. Причем это сокращение отнюдь не было безусловным. В своем годовом отчете за 2000 год МВФ напоминает, что выбранные страны «должны сотрудничать с МВФ и Всемирным банком для установления взаимопонимания по экономическим и социальным вопросам». Если все подразделения коалиции «Юбилей 2000» выступили против этих требований, обязывающих бедные страны проводить неолиберальную политику, то относительно того, нужно ли отменять долг без всяких условий или только при определенных условиях, возникли разногласия. Например, встречаются случаи, когда ответственными за большую часть долга являются диктаторы той или иной страны. Эрик Туссен⁴ напоминает, что состояние диктатора Заира Мобуту составляет 8 миллиардов долларов, в то время как долг всей страны — 13 миллиар-

⁴ Toussaint É. *La Bourse ou la vie*. Ed. Luc Pire. Bruxelles, 1998.

дов! В таких случаях британский «Юбилей 2000» оказался от принципа безусловной отмены долгов и выступил за «независимый арбитражный процесс», на котором независимая организация могла бы представлять гражданское общество⁵. Со своей сто-

⁵ См.: Pettifor A., Hanlon J. Kicking the Habit. Jubilee 2000 Coalition.

роны, «Юбилей Юг» отказался от системы, при которой страны Севера участвуют в принятии решения об отмене долга. Поэтому «Юбилей Юг» выступил за безусловную отмену долгов, которая должна сопровождаться прозрачностью финансовых потоков и демократизацией политических режимов стран Юга.

Оживленные дискуссии между разными течениями «Юбилея 2000» на первых порах не мешали проводить мобилизацию за отмену долга и не уменьшали способности различных организаций коалиций сотрудничать с другими движениями. Движения, входящие в «Юбилей 2000», участвовали во всех международных конференциях и манифестациях.

Но решение о начале процесса условной отмены долга беднейших стран, принятое «Большой семеркой» в Кельне в 1999 году, ослабило движение. Споры об условиях отмены долгов и о том, на какие страны распространяется это решение, стали более острыми. Когда в конце 2000 года кампания достигла своей цели, инициировавшие ее НГО решили распустить британскую коалицию «Юбилей 2000». С этого момента британские активисты начали новую краткосрочную кампанию «Drop the debt» («Отмените долги»), приуроченную к саммиту «Большой семерки» в Генуе в июле 2001 года. Но пыл уже угас, и тему среди активистов поддерживают только «Юбилей Юг» и CADTM. И, тем не менее, накопленный опыт положил начало взаимодействию между крупными НГО и другими активистами, получившему дальнейшее развитие на социальных форумах.

Кампания вокруг ВТО

Начало этой кампании было положено несколькими сетевыми организациями, в течение многих лет

боровавшимися против негативных последствий открытия рынков.

В Соединенных Штатах подъем общественного движения начался, в частности, благодаря «Public Citizen»⁶, во время переговоров по поводу НАФТА — соглашения о свободной торговле, подписанного в январе 1994 года между Мексикой и Канадой. На активизацию движения повлияло и другое решение — Fast Track — вводившее ускоренную процедуру ведения коммерческих переговоров, ограничивающую возможности влияния законодательной власти в лице Конгресса.

Первые переговоры на международном уровне состоялись в связи с Уругвайским раундом, циклом переговоров в рамках ГАТТ, завершившихся созданием ВТО в 1995 году. Важную роль в этих событиях сыграла Third World Network⁷ под руководством Мартина Кора; первая манифестация была проведена в Женеве в 1995 году в знак протеста против создания ВТО.

Помимо «Public Citizen» и Third World Network, участвовавших в движении с самого начала, следует упомянуть экологистов — «Friends of the Earth» или «Гринпис», с 1994 года протестующих против патентования живых организмов, TRIP⁸ и ГМП.

Первая победа была достигнута в 1998 году. Она была связана с Многосторонним соглашением по инвестициям⁹, кампания против которого координировалась с обоих берегов Атлантики. Франция сыграла в этом значительную роль, поскольку штаб ОЭСР находится в Париже. Реакция общественного мнения во Франции

⁶ «Public Citizen» («Общественный гражданин») — одна из самых влиятельных «антиглобалистских» организаций в США, занимается защитой прав потребителей и организацией потребительского контроля. — *Примеч. перев.*

⁷ Сеть «третьего мира».

<http://www.twinside.org.sg>

⁸ Trade-Related Intellectual Property Rights — Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, одна из наиболее острых проблем на переговорах в рамках ВТО, т.к. затрагивает вопросы художественного творчества, патентования живых организмов и т.п.

⁹ Многостороннее соглашение об инвестициях, подготовленное в недрах ВТО и ОЭСР, предполагало полную ликвидацию национальных преград движению капитала. В частности, предполагалось, что страны, подписавшие соглашение, должны будут предоставлять иностранным компаниям такие же условия работы, если не лучше, что и местным, в том числе в ходе приватизации всех секторов и оборота земель. — *Примеч. перев.*

была очень бурной, в частности, благодаря мобилизации артистов и работников кино; именно здесь была одержана окончательная победа, ознаменовавшаяся отказом правительства от участия в переговорах. Кампании в США и Канаде были также очень значимыми,

¹⁰ Лори Уоллак (Lori Wallach) уже много лет занимается судебной защитой потребителей в США, имеет огромный судебный опыт с корпорациями, один из лидеров «Public Citizen». — *Примеч. перев.*

особенно благодаря публичному вмешательству Лори Уоллак¹⁰ из организации «Public Citizen». В феврале, апреле и сентябре 1998 года, сразу после объявления победы, в Париже были организованы координационные собрания, где присутствовали представители примерно из 10 стран.

Кампания, направленная против ВТО, приобрела совсем другой смысл. Первым значительным событием в ней стал Сиэтл, но количество участников стало расти еще до начала манифестаций. Круг планировавшихся акций расширился, а во многих странах, в том числе во Франции и Соединенных Штатах, проходили публичные дебаты.

Позиция, принятая большинством НГО и движениями, вовлеченными в кампанию, заключалась в требовании «моратория на переговоры». Некоторые организации, в основном профсоюзы, ограничились корпоративистскими требованиями, а именно введением определенных «социальных соглашений» в рамках ВТО. Однако идея моратория получила широкое распространение и стала одним из главных пунктов манифеста, подписанного более чем 1200 организациями, НГО и движениями по всему миру. Среди подписавших манифест было много американских организаций, в том числе ассоциация IFG (International Forum on Globalization — Международный форум по глобализации), созданная в 1994 году для проведения дискуссий о глобализации и исследований этого явления, в которую входят видные представители альтерглобалистского движения: Мартин Хор (Martin Khor), Сьюзен Джордж (Susan Georges), Уолден Белло (Walden Bello) и др.

Идея моратория позволила объединить разные задачи и силы: крестьян и экологов, обеспокоенных

вопросами продовольственной безопасности, разнообразия биологических видов и борьбы с ГМП; работников культуры, борющиеся против американской культурной гегемонии (особенно они активны во Франции); профсоюзных деятелей, сопротивляющихся снижению социально-трудовых гарантий и вывозу производства в страны с дешевой рабочей силой; защитников коммунальных и общественных служб; и т.д., и т.п. Мораторий также позволил объединить радикалов и умеренных, сторонников реформирования ВТО (поскольку эта организация все-таки необходима, чтобы существовали определенные правила) и сторонников ее упразднения (так как ВТО может установить лишь плохие правила). Возможно, если бы переговоры продолжились, то сохранять единство было бы сложно, но провал ВТО в Сиэтле оправдал выбранный путь: фактически мораторий был установлен.

По такому же сценарию проходил и следующий этап. Альтерглобалисты отреагировали на генеральную ассамблею ВТО, состоявшуюся в ноябре 2001 года в Катаре, лозунгом «Нет новому раунду!». Такое выступление против проведения нового этапа переговоров было положительно воспринято самыми различными движениями, тем более что на генеральной ассамблее в первую очередь предполагалось обсудить вопрос о коммерциализации различных видов услуг. Эта проблема очень хорошо известна и профсоюзам, и НГО, и другим организациям — коммунальные и общественные услуги, интеллектуальная собственность, культура. В данном случае, как и в Сиэтле, удалось достигнуть определенного сближения точек зрения. В марте 2000 года был принят «призыв Бостона», который еще раз подчеркнул важность противостояния либерализации мировой торговли. А в марте 2001 года различные движения встретились в Женеве, чтобы скоординировать действия во время катарской встречи в ноябре.

В Катаре альтерглобалистским движениям и организациям удалось сохранить единство. Однако вопросы, обсуждавшиеся в Сиэтле, не были урегулированы полностью. Таким образом, расхождения между ради-

калами и умеренными, то есть между сторонниками упразднения и сторонниками реформирования ВТО, существуют до настоящего времени. Но это не должно тормозить мобилизацию: официальные институты даже не планируют дискуссии о возможной реформе ВТО! И сама Всемирная торговая организация далека от этого: она с трудом проводит традиционную неоллиберальную политику, все время рискуя оказаться в тупике из-за социального сопротивления или разногласий между крупными странами.

Дебаты вокруг социальных требований или норм гораздо сложнее. В основном в них принимают участие профсоюзы, в частности МКСП. Идея проста: существуют базовые права, утвержденные МОТ¹¹, и для их соблюдения необходимо приложить максимум усилий; ВТО — единственная международная организация, обладающая правом применять санкции, поэтому, создавая условия для свободной торговли, она

должна учитывать эти базовые права (кстати, НГО предложили сходную схему соблюдения норм экологической безопасности).

Но эти предложения были отвергнуты многими НГО, особенно организациями из стран Юга, опасаясь, что это всего лишь предлог для принятия протекционистских мер со стороны стран Севера и принятие таких мер только усилит легитимность ВТО. Эту позицию разделяет Никола Бюллер из Focus on the Global South, который считает, что принятие этих социальных норм и положений не будет иметь никакого значения для большинства работников стран Юга, поскольку они не со-

стоят в профсоюзах и относятся к «неформальному сектору», и что «МКСП лучше направить свои усилия на борьбу с неоллиберальной логикой и легитимностью институтов, заставляющих соблюдать правила системы»¹².

¹¹ Список прав, утвержденный МОТ, включает: право на объединение, права и свободы профсоюзов, соблюдение права на переговоры и заключение коллективных соглашений, запрещение дискриминации, принудительного и детского труда.

¹² Bullard N. The world's workers need solidarity not sanctions//Development, 2000, № 2. Vol. 43. См. также Horman D. Une classe sociale pour l'emploi et les droits fondamentaux. Luc Pire. CETIM, 1996, или текст, принятый АТТАК-Франция: <http://www.attac.org>

К приведенным аргументам можно только добавить, что некоторые права, которые МКСП стремится — и справедливо — заставить соблюдать, с трудом поддаются оценке: можно ли говорить о свободе создания профсоюзов в странах, где существует один-единственный профсоюз? Действительно ли в США соблюдается свобода переговоров? А как оценить детский труд? По данным ЮНИСЕФ, число работающих детей достигает 250 миллионов. Но детский труд очень слабо связан с международной торговлей, поскольку в 95 % случаев речь идет о труде в семье или на местном производстве. Вместо того, чтобы устанавливать социальные нормы, лучше последовать примеру Криштовама Барке, бывшего губернатора федеральной территории Бразилия в Бразилии¹³. Он ввел своего рода семейные пособия, обеспечивающие семьям доход, эквивалентный тому, что приносил им детский труд.

¹³ Сегодня Криштовам Барке (Cristovam Buarque) является президентом организации Missao Crianca: <http://www.missaoacrianca.org.br>

МВФ, Всемирный банк и налог Тобина

Стоит остановиться еще на двух примерах: кампании, направленной против МВФ и Всемирного банка, и кампании за введение налога Тобина и против оффшорных зон. При этом нужно отметить, что строгого разграничения между всеми этими кампаниями нет. Так, во многих странах кампании за отмену долга выступают одновременно против МВФ и Всемирного банка.

Созданная в 1994 году в США ассоциация «Fifty Years is Enough»¹⁴ («Пятидесяти лет достаточно»), фактически обеспечивала активизацию международной сети, специализирующейся на борьбе с МВФ и Всемирным банком. Основные мероприятия проходили в Вашингтоне в апреле и в Праге в сентябре 2000 года. К этой сети относятся британские (например Bretton Woods Project¹⁵) и французские (например «Agir Ici»¹⁶) ассоциации.

¹⁴ См. <http://www.50years.org>

¹⁵ «Бреттон-Вудский проект» (англ.) — британская общественная организация, ставящая своей целью борьбу против МВФ и Всемирного банка. — *Примеч. перев.*

¹⁶ «Действовать здесь» (франц.) — французская общественная организация, тоже ведущая борьбу против МВФ и Всемирного банка. — *Примеч. перев.*

Благодаря развитию АТТАК, идея налога Тобина получила второе рождение. Это охотно признает Джеймс Тобин — Нобелевский лауреат по экономике. В 70-е годы он предложил ввести небольшой налог на финансовые операции, чтобы снизить риск спекуляций, неизбежных после отмены конвертируемости доллара в золото. Но АТТАК не ограничивается кампанией против финансовых спекуляций и выступает не только за налог Тобина. Об этом свидетельствует участие ассоциации в акциях против ВТО в Сиэтле, во всех мировых или континентальных социальных форумах или в кампании в поддержку Жозе Бове и других активистов Крестьянской конфедерации, осужденных за уничтожение посадок генетически модифицированных продуктов. Однако АТТАК была создана в 1998 году после публикации в еженедельнике «Монд дипломатик» передовицы Игнасио Рамоне, предлагавшего провести международную кампанию в поддержку налога Тобина. По инициативе АТТАК, начиная с конференции в Женеве в июне 2000 года, стала создаваться международная сеть, выступающая за продвижение налога Тобина. Кроме АТТАК, этой проблемой занимаются многочисленные движения, в том числе азиатские активисты из Focus on the Global South, британские из War on Want и канадские из Halifax Initiative.

После Сиэтла: мобилизации и формирование сетевых движений

Распространение движений

Манифестации в Сиэтле обозначили очевидный разрыв в представлениях. На него, в частности, указывают эпитеты в прессе. После Сиэтла появляется термин «антиглобалистское движение». Данная характеристика отвергается самими активистами, настроенными на борьбу против определенной глобализации — «либеральной глобализации», или *corporate globalization* — или считающими себя сторонниками «другой глобализации», то есть активистами альтерглобалистского движения. Хотя на первом этапе ма-

нифестации были связаны с какими-то узкими темами, например, в Сиэтле это была тема ВТО, в Вашингтоне и Праге — МФВ и Всемирный банк, в Ницце — Европейский Союз, было очевидно, что мы включились в какое-то более общее движение.

Выше мы уже проанализировали общие причины формирования протестного «движения движений», но следует еще рассмотреть специфическую логику, которая приводит к объединению движений.

В первую очередь, это вопрос внутренней слаженности кампаний и согласованности выдвигаемых требований. МФВ и Всемирный банк выдают кредиты и снижают долговое бремя при условии введения «планов реструктуризации», которые теперь называются «стратегиями по сокращению бедности». В то же время кредиторы требуют выплат. Чтобы это было возможным, международные институты требуют от стран Юга открыть их экономики и развивать экспортное производство, несмотря на негативные последствия таких шагов для продовольственного сектора сельского хозяйства и различных секторов общественных услуг. Выявляется связь между кампаниями за отмену долга, против политики МФВ и Всемирного банка и против коммерциализации мира по схеме ВТО. Со своей стороны, общественные движения — как на Севере, так и на Юге — стремятся не только вести борьбу за отмену долгов, но и искать альтернативные источники финансирования, например, через налог Тобина. Таким образом, формируются общие интересы: становится понятно, почему различные движения оказываются вместе на одних и тех же манифестациях и конференциях и почему они уже давно пытаются построить общую сетевую систему.

Другая причина глобализации сопротивления состоит в том, что появляются движения, которые изначально занимают более общими проблемами. Конечно, другие общественные организации тоже могут прийти к необходимости решения глобальных вопросов. Например, профсоюз в какой-нибудь из стран Юга может сильно волновать проблема открытия рынков, поскольку это угрожает той сфере обще-

ственных услуг, где он действует, и в то же время этот профсоюз будет выступать и за отмену долга — тема, неизбежная для всех социальных движений Юга. Это глобальное видение еще сильнее выражено у социальных движений, особенно в молодежной среде. Тенденцию иллюстрируют и названия молодежных движений: Direct Action Network (Сеть прямого действия) или Movimiento de Resistancia Global (Движение глобального сопротивления). Здесь речь уже не идет о какой-то специфической проблеме, акцент делается на понятии сопротивления вообще и необходимости действий.

Различные массовые акции позволяют включиться в процесс активистам из разных регионов. Формирование «всемирного движения» в разных странах идет разными темпами и принимает самые различные формы. Рост числа международных встреч и манифестаций протеста способствует привлечению представителей все новых движений и регионов. На манифестациях в Праге состоялся первый контакт с активистскими движениями, появляющимися на востоке Европы. Проведение генеральной ассамблеи ВТО в Катаре в ноябре 2001 года послужило толчком к активизации арабских активистов. И первые континентальные социальные форумы в Эквадоре, Италии и Индии способствовали развитию движения в этих регионах.

Социальные форумы и сеть социальных движений

Уже после Сизэтла стало ясно, что для дискуссий, обмена мнениями и информацией, выработки общих требований и планов совместных действий и кампаний необходима площадка.

Это было тем более необходимо, что на следующий день после Сизэтла передовицы англо-американской экономической прессы, задающие тон во всем мире, уверяли, что манифестанты разрозненны, и прогнозировали быстрый распад формирующегося движения. Несколько месяцев спустя манифестации в Вашингтоне опровергли этот прогноз. Но, тем не менее, было важно придать смысл новому движе-

нию, не претендуя, конечно, на формирование глобального единства, и способствовать установлению некоторых общих ориентиров для осмысления текущего процесса.

В феврале 2000 года конференция в Бангкоке позволила главным действующим лицам «Юбилея 2000» и другим кампаниям за отмену долга — «Fifty Years is Enough», АТТАК или «Via Campesina» — утвердиться в своем желании действовать совместно и готовить следующие выступления скоординированно. Ко всем движениям и кампаниям был обращен призыв собраться в Женеве в июне 2000 года на саммите, параллельном саммиту ООН по социальным вопросам.

Женевская конференция собрала несколько сот участников и закончилась принятием заявления, проводящего итоги кампаний и мобилизаций, выдвигающего общие требования и определяющего последующие инициативы, в частности, манифестацию в Праге и первый Всемирный Социальный Форум в Порту-Алегри, предложенный бразильской делегацией¹⁷.

¹⁷ С Женевским заявлением и призывом Бангкока можно ознакомиться на сайте АТТАК: <http://www.attac.org>

Первая сессия Всемирного Социального Форума (ВСФ) в Порту-Алегри, состоявшаяся в феврале 2001 года, имела очень большое значение. Международные институты, противодействующие растущему движению, сменили тактику: они решили вступить в диалог, правда, ограниченный очень узкими рамками. Создание Global Compact в рамках ООН стало пробным камнем. А общий лозунг, под которым прошел Всемирный экономический форум в Давосе в 2001 году — «Устранить социальные разрывы» — подтвердил новое направление: установление диалога между гражданским обществом, транснациональными корпорациями и НГО. Эта открытость сопровождалась усилением закрытости по отношению к тем, кто не хотел играть в эту игру: манифестантам саммита «анти-Давос» и участникам Всемирного Социального Форума в Порту-Алегри. Невероятный успех Форума вдребезги разбил эти попытки, превратив

встречу в Порту-Алегри в событие, сопоставимое по своему значению с Давосом.

Но самое главное, развитие социальных форумов способствовало координации действий и объединению усилий различных активистских организаций, входящих в это «движение движений». Более 20 тысяч участников на первом Всемирном Социальном Форуме, 50 тысяч — на втором в начале 2002 года; 60 тысяч участников на Европейском Социальном Форуме в ноябре 2002 года, 20 тысяч — на Азиатском Социальном Форуме 2003 году и, наконец, 70 тысяч участников на третьем ВСФ в Порту-Алегри в конце января 2003 года. Растущая численность свидетельствует об успешности этих инициатив. Не менее показателен и состав участников: все профсоюзные организации, большинство НГО и практически все движения, выступающие против либеральной глобализации.

Успешность социальных форумов объясняется ростом движения протеста против либерального порядка, а также самой структурой этих форумов. Они представляют собой открытое пространство дискуссии, единственным ограничением которой является соблюдение принципов хартии ВСФ, которая явно указывает на антилиберальный характер этих форумов. Открытость форумов означает, что они не являются органами, уполномоченными принимать решения, или местами, где утверждаются взгляды, навязывающиеся всем. Это ярмарки, в хорошем смысле этого слова, ярмарки идей, предложений, опыта; это места встреч и обмена мнениями, где могут высказаться все. Общие правила способствуют установлению доверительных отношений между участниками: каждый знает, что он не попадет в ловушку, что любой может взять слово, что в совместных инициативах принимают участие только желающие.

Вместе с тем успехи форумов накладывают и определенные ограничения. Форумы не имеют структуры, способной реагировать на важные изменения международной ситуации, такие, как, например, террористические акты 11 сентября и последующий

всплеск милитаризма. Им трудно также планировать совместные кампании и акции на международном уровне. Поэтому многие социальные движения решили использовать форумы для самоорганизации, для координации действий. Уже на первом ВСФ крестьянская коалиция «Via Campesina», бразильское Движение безземельных, бразильский профсоюз CUT, АТТАК—Франция, Всемирный женский марш и азиатская негосударственная организация Focus on the Global South предложили проведение генеральной ассамблеи социальных движений. Ассамблея социальных движений состоялась в конце форума. В ней приняли участие сотни движений и был принят «Призыв социальных движений»¹⁸, в котором анализируется международная обстановка и планируются будущие кампании и действия. Во время ВСФ 2002 года второй «Призыв социальных движений» жестко осудил теракты 11 сентября, но в то же время выступил против военных действий, инициированных США и их западными союзниками.

Изменения социальных движений происходят постоянно. Во время ВСФ 2003 года было решено создать более стабильную сеть социальных движений, которая способствовала бы обмену между движениями и инициировала будущие кампании. Например, Европейский Социальный Форум во Флоренции решил сформировать европейскую сеть коалиций, борющихся против войны в Ираке, и на международном форуме в Порту-Алегри в январе 2003 года эта сеть получила еще большее развитие.

Путь этот долгий, но его необходимо пройти для достижения настоящей международной солидарности и создания «движения движений» или, как предлагают крестьянские движения — «союза народов мира».

¹⁸ См. <http://www.attac.org>

В нашей работе мы затронули множество вопросов, связанных с политическими и даже теоретическими проблемами, с которыми сталкиваются движения в процессе своего развития, в ходе коллективных действий, различных кампаний и столкновений с устоявшимися институтами, а также с проблемами, следующими из их собственной эволюции.

Можно с уверенностью утверждать, что мы вступили в новый период, для которого характерны новая система накопления капитала, радикальное преобразование мира и возобновление долгосрочного цикла борьбы.

Десять лет, прошедшие после войны в Персидском заливе, позволяют дать более или менее общую оценку ситуации и подвести первые итоги.

Нет никаких признаков возможной стабилизации этого мира, как в плане международной структуризации (управления империей), так и в плане регулирования системы накопления. Напротив, все говорит о потенциальной нестабильности, изменчивых ситуациях и конфликтах.

Поводов для волнения немало. Первая и наиболее актуальная проблема касается способности движений выражать все разнообразие интересов, породивших эти движения разнородных групп населения и необходимости избежать маргинализации и изоляции некоторых из них, особенно тех, что формируются в молодежной среде¹.

Другое большое опасение связано со сложностями одновременного вы-

ражения как специфических (связанных с поиском идентичности), так и универсальных требований. Это двойное условие смогли реализовать сапатисты (по-скольку борьба исходила от наиболее эксплуатируемых жителей Юга), но это условие уже не действует, когда требования исходят с Севера.

В самом деле, призыв к борьбе, исходящий с доминирующих позиций (от наиболее развитых стран, крупных университетов, профсоюзов «защищенных» рабочих), имеет всеобщий и универсальный характер, стремится нивелировать культурные особенности. И это не только нравственная проблема. В то время как подъем протестных движений на мировом уровне дает совершенно новую позитивную возможность для объединения различных вариантов протеста почти по всему миру, существует риск, что движения в защиту специфических идентичностей со временем найдут другие пути и средства самовыражения.

Наконец, главный вопрос касается стабильности всей Мир-Системы. С одной стороны, существует опасность поддаться миллениаризму и, как это часто происходит, недооценить способности капитализма к адаптации.

С другой стороны, очень убедителен тезис о дестабилизации Мир-Системы, сформулированный Иммануилом Валлерстайном. К этому тезису следует добавить проблему разрушения крупных идеологий, включая господствующие. История последних веков знала множество периодов нестабильности, но никогда они не были связаны с подобной идеологической несостоятельностью, являющейся логическим следствием упадка «великих основополагающих мифов современности о разуме, прогрессе и экономическом росте»², мифов, разделяющихся как сторонниками, так и противниками Системы. Именно это делает нестабильность современного периода особенно выраженной.

Это же утверждение справедливо и для социальных движений: беспокойство по поводу разрыва между поиском идентичностей и универсальным решени-

¹ Наоми Кляйн в своей статье «A fete for end of the end of history» о форуме в Порту-Алегри (The Nation, 19 марта 2001) приписывает «марксистским корням» лидеров АТТАК их стремление добиться хотя бы минимальной согласованности между движениями, противостоящими либеральной глобализации. Это, наверное, так, однако проблема остается неразрешенной!

² Michel B. Le Basculement du monde // Le Découverte, 2000.

ем не было бы столь острым, если бы существовал общий взгляд на мир и на необходимые способы его коренного преобразования. Но такое беспокойство справедливо и по отношению к тем, кто правит Системой, тем, кто (не считая тех, кто довольствуется ничтожным наполнением собственных карманов) способен лишь высказать «сожаление о том, что не могут сделать большего»³. Подобная уверенность позволяет управлять процентными ставками и ликвидностью в случае финансового кризиса, но не дает возможности

³ Не следует забывать и тех, кто выходит за границы рационального. Франсуа Угард (Cahiers de l'AITEC, № 14) цитирует речь, произнесенную бывшим директором МВФ Мишелем Камдессю на семинаре Рах Романа за неделю до отставки. В речи Камдессю заявляет, что «МВФ является одним из элементов построения царства Божьего».

⁴ Negru T. et Hardt M. Op. cit.

сплотить общество и энергично противостоять социально разрушительным последствиям кризиса гораздо большего масштаба.

Это точка зрения менее оптимистична по сравнению с той, что отстаивают Антонио Негри и Майкл Хардт, которые тоже анализируют закат империи и приводят в пример Римскую империю и зарождение христианства, которое «создало огромный потенциал субъективности».

Негри и Хардт пытаются таким образом показать, что «теория и практика способны преодолевать себя, опираясь на онтологический антагонизм: как внутри империи, так и против и сверх империи, на том же уровне всеобщности»⁴.

Первый уровень анализа задает несколько направлений для исследования. Речь идет об анализе капитализма, точнее, новой системы накопления. Это один из путей, следуя по которому можно продвинуться в поисках альтернатив Системе, ориентирующихся как на ее развитие, так и на ее противоречия. Речь идет еще и о глобальной точке зрения на мир, предполагающей возвращение к великим мыслительным схемам, унаследованным от эпохи Просвещения, как это сделали Антонио Негри и Майкл Хардт в своей книге «Империя». И, наконец, следует пересмотреть стратегические модели, точнее, великие учения, каковыми являются теории рабочего движения, обращающая особое внимание на вопрос самоосвобождения.

В этой работе по реконструкции важно исходить из практических интересов социальных движений и политических позиций, являющихся предметом современных дебатов.

Еще недавно дискуссию можно было свести к двум основным гипотезам и стратегическим направлениям.

Первая основана на идее примата локального над глобальным. Точкой отсчета для рассуждений такого типа служит положение о том, что «приливу» победоносного рынка и неограниченного развития необходимо противопоставить «отлив»⁵ в виде обращения к локальному, где учитывается природное равновесие и отдается приоритет местной экономике, в которой доминируют социальные и экологические требования. Носителями этой идеи часто выступают экологи, но ее могут разделять и защитники государства, этого потенциального защитника от глобализации. Так, Мартин Кор, президент «Сети «третьего мира»» (Third World Network), считающий, что «бу-

дущие экологически чистые общества возникнут в странах «третьего мира», ... где существуют обширные территории, на которых расположены небольшие коммуны, живущие в согласии со своей культурой и природой», сегодня защищает малайзийское правительство, не согласившееся принять правила МВФ после азиатского кризиса. Такие взгляды, разделяемые Колином Хайнсом⁶ и Эдвардом Голдсмитом⁷, оставляют тягостное впечатление из-за смешения в них разумных предложений и реальных социальных проблем с рассуждениями, порожденными мальтузианскими и консервативными вкраплениями экологистских теорий. В действительности Эдвард Голдсмит настаивает на усилении роли местных коммун и семей⁸.

Другая теория указывает на необходимость регулирования с учетом глобализации экономики. Этой точки зрения придерживаются различные авторы. Так, Жак Аттали⁹ мечтает о «глобальной братской консти-

⁵ Эти выражения использует Джерри Мендер в Le Procès de la mondialisation. Fayard, 2001.

⁶ Hines C. Localization, a Global Manifesto. Earthscan, 2000; Lang T. The New Protectionism. Earthscan, 1994.

⁷ Эдвард Голдсмит основал журнал The Ecologist. К этому изданию близок Джерри Мендер.

⁸ Goldsmith E. Op. cit.

⁹ Attali J. Fraternités, une nouvelle utopie. Fayard, 1999.

туции, ... о сокращенном до минимума Мировом правительстве, которое бы назначалось и контролировалось Генеральной Ассамблеей ООН, ... которая сама бы сводилась к нескольким агентствам, заботящимся об общественном благе всей планеты, ... о центральном планетарном банке, управляющем единой мировой валютой». Бернар Пассе¹⁰, предлагающий «общество мировой солидарности», возвращается к идее

¹⁰ Passet B. L'illusion néolibérale. Fayard, 2000.

Рикардо Петрелла. Вместе с Лиссабонской группой Петрелла выступал за создание «мирового общества соци-

ального развития», которое должно было бы разработать четыре типа социальных соглашений: соглашение по удовлетворению основных потребностей (в воде, жилье и т.д.), соглашение о культуре, демократическое соглашение и соглашение «о Земле», касающееся устойчивого развития в масштабах всей планеты.

Слабость этой теории — в ее умеренности по отношению к потребностям человечества. Ее авторы пишут о «сокращенном до минимума Мировом правительстве» или о простом «обществе мировой солидарности». Эта осторожность, с одной стороны, объясняется реализмом этих мыслителей, но с другой — нежеланием пускать в ход механизмы, которые при пынешней ситуации станут неподконтрольными. Пьер Розанволлон¹¹ показывает эти сложности, под-

¹¹ Rosanvallon P. La Démocratie inachevée. Gallimard, 2000.

считав стоимость каждого из двух вариантов солидарности. «Гуманитарная солидарность указывает на существование нового расширенного

сознания безграничной ответственности людей по отношению друг к другу. Но это повышение сознательности связано с минимальными обязанностями солидарности, которые традиционно определяются ООН в виде 1 % от мирового богатства». В свою очередь, «гражданская солидарность гораздо более требовательна в промышленно развитых странах и выражается в обязательных выплатах, колеблющихся от 35 до 50 % от национального богатства».

Многие активисты и аналитики обращаются сегодня еще к одному возможному решению. Университет-

ский преподаватель и филиппинский активист Уолден Белло, представитель Focus on the Global South¹², относится к тем, кто не приемлет логику реформы международных институтов, если та не учитывает локальную или национальную самобытность.

Свой отказ от применения такой реформистской логики к международным институтам Белло объясняет историческими фактами. В противовес тем на Севере, кто считает, что отсутствие регламентации на международном уровне ведет к анархии, он полагает, что «сложившийся образ исключительно негативного и грубого характера международных отношений, регулирующих лишь небольшим числом правил, не соответствует реальности и является заблуждением в духе Гоббса¹³. Обеспечение законности и поддержание порядка для защиты слабых исторически никогда не являлось основной целью большинства международных или многосторонних соглашений. Эти структуры создавались по инициативе «великих держав», чтобы сократить огромные издержки на поддержание порядка и вынудить слабых либо оказаться в полной изоляции, либо соблюдать правила «великих держав». Короче говоря, подвижная международная система со множеством неопределенностей, которые угнетенные могли бы использовать для защиты своих интересов, возможно, является единственной реальной альтернативой существующему мировому порядку и господству Севера»¹⁴.

Уолден Белло предлагает систему, где могли бы существовать различные структуры, включая «структурированные регионы»: «Именно в рамках более многообразной глобальной системы, когда власть «великих держав» еще не была институционализирована в виде многосторонних международных организаций,

¹² Focus on the Global South — международная неправительственная организация, базирующаяся в Бангкоке (Таиланд). Объединяет исследователей из стран «третьего мира». — Примеч. перев.

¹³ Томас Гоббс, английский философ XVII в., автор сочинения «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Отдает предпочтение сильной государственной власти, которая избавляет от опасностей договорного состояния «войны всех против всех».

¹⁴ Bello W. View from the South. International Forum on Globalization, 1999.

в 1950–1970-е годы в странах Латинской Америки и некоторых странах Азии наблюдался недолгий период индустриального развития. Именно в рамках плюралистической мировой системы, когда власть ГАТТ была ограничена, мир был более гибким и открытым к специфике развивающегося мира; страны Восточной и Юго-Восточной Азии смогли провести индустриализацию своей экономики благодаря развитию

национальных рынков и промышленной политике, которая явным образом отличалась от либеральной точки зрения, укрепившейся в ВТО»¹⁵.

В декабре 2000 года в Дакаре, на конференции африканских движений, выступающих за отмену долга, а в более широком плане — вовлеченных в борьбу против либеральной глобализации, была принята резолюция, которая продолжает ту же линию. «Новый подход должен также сделать акцент на стремлении континента к коллективной автономии, когда речь идет о самых стратегически важных потребностях применительно к сельскому хозяйству и промышленности... Он должен быть согласован с динамикой африканской интеграции, важнейшим условием устойчивого внутреннего развития, основанного на собственных ресурсах. ... В XXI веке Африка останется Африкой лишь при условии, что африканский континент завершит свою интеграцию и будет представлять единый и уникальный голос среди других наций. Этот подход не ведет к замыканию Африки на самой себе. Напротив, речь идет об обеспечении участия народов континента в процессе альтернативной глобализации».

Джеймс Гэлбрейт также выступает за «регионализацию ответственности», когда дело касается международных финансовых институтов: «Пусть Японии позволят заниматься организацией валютного азиатского фонда, к тому же она уже выдвигала это предложение в 1998 году, но США выступили против. Пусть латиноамериканским странам позволят с нашей помощью организовать похожий региональный фонд»¹⁶. Со своей сто-

роны, Юрген Хабермас¹⁷ считает возможной «космополитическую демократию» и без участия Мирового правительства, но это требует создания европейского пространства. По мнению Хабермаса, такой проект должен быть сначала инициирован общественными движениями.

Действенная сила этих предложений зависит также от того, насколько они согласованы с государственными проектами по организации региональных пространств: европейская интеграция, MERCOSUR¹⁸ в Южной и НАФТА в Северной Америке, зона свободной торговли в масштабе обеих Америк, проект азиатского банка, отстаиваемый Японией. Сильные мира сего создают повсюду если не империи, то, в любом случае, значительные зоны влияния для усиления своих позиций в мировой конкуренции.

В этом состоит еще одно слабое место региональных предложений, особенно если они избегают вопроса о содержании этих блоков. О какой Европе идет речь? В чем состоит демократия, социальная или экологическая политика? При отсутствии ответа на эти вопросы общественные движения отвергнут региональные модели, справедливо рассматривая их как обычный ход сторонников либеральной глобализации, единственной целью которого является усиление могущества господствующих государств и их экономики.

Другая проблема состоит в том, что мы находимся в ситуации сложного переплетения географических пространств, политических сил и решений. Даниель Бенсайд считает, что «будущее за смешением народов и многонациональных государств, за сочетанием разных ритмов и пространств: национальных, региональных, континентальных и мировых... Новая политическая организация пространства и времени требует пристального внимания к множественности акторов, выражающих не только социальные антагонизмы, но и различия мест и времен»¹⁹.

Примером, свидетельствующим о размахе происходящих изменений,

¹⁷ Habermas J. Après l'État-nation. Fayard, 2000.

¹⁸ Mercado Commun del Sur — Торговое объединение Юга (южноамериканский аналог «Общего рынка»).

¹⁵ Bello W. Is the WTO worth saving?/The Ecologist Report, september 2000.

¹⁶ Galbraight J. Dissent, N.Y., september 2000.

¹⁹ Bensaïd D. Le Sourire du spectre. Michalon, 2000.

может служить одно недавнее событие, не вызвавшее больших дискуссий.

Самым старым международным институтом является

²⁰ Union international des telecommunications — Международный союз электросвязи (МСЭ).

²¹ Internet Corporation for Assigned Names and Numbers — некоммерческая общественная корпорация, занимающаяся инфраструктурой адресации в интернете. Зарегистрирована в США. До 2002 г. Совет Директоров ICANN состоял из 19 человек и председателя (на 2 года избирались по 3 человека от каждой Вспомогательной организации, и 9 человек — путем общественного голосования в интернете из 5 регионов мира). В 2002 г. механизм формирования руководящих органов изменился, в частности, была отменена процедура онлайн-выборов части директоров ICANN обычными пользователями Сети (по мнению большинства директоров, процедура онлайн-голосования отнимала слишком много времени и отвлекала организацию от основной работы). — *Примеч. перев.*

UIT²⁰, созданный во второй половине XIX века для координации развития телеграфных сетей. По своей природе UIT — межправительственный институт, как и большая часть созданных впоследствии структур. Распространение интернета по всему миру сделало необходимым создание всемирной организации. На первом этапе ответственность за мировую сеть несли исключительно США, в частности, они отвечали за управление названиями доменов: «com», «org» и другими расширениями. Затем была создана ICANN²¹: административный совет этой организации избирают непосредственно пользователи интернета, по несколько представителей от каждого континента. Итоги малоутешительны: низкий процент участия в выборах и крайняя спорность первых принятых решений. И все же управление международным институтом посредством прямого голосования самих пользователей остается великим прецедентом.

Безусловно, дискуссии примут совсем другие очертания, когда они будут исходить от самих движений.

Политические требования и борьба, которые будут способствовать воплощению в жизнь итогов этих дебатов, окажут влияние на представленные здесь стратегические направления и уже тем самым окажут влияние на общую эволюцию Мир-Системы.

Например, победа в борьбе за введение налога Тобина привела бы к необходимости создания структуры, ответственной за его сбор, а также к выработке

механизмов его распределения. Победа в борьбе за списание долга заставила бы задуматься об инвестициях и потоках капитала между Севером и Югом. Каждый этап борьбы будет усиливать сплетение проблем разных уровней: от локального к глобальному. Победы откроют возможности для глобального регулирования, в то время как в случае провала международных кампаний активисты могут ограничиться защитой национальных достижений.

По какому пути пойдет человечество? В первую очередь ответ зависит от того, как будут развиваться социальные движения, в какой степени они сумеют выразить разные типы интересов и создать альтернативу неолиберализму.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

САЙТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Всемирный банк (Мировой банк):
www.worldbank.org

Международный Валютный Фонд (МВФ):
www.imf.org

Организация экономического сотрудничества и развития в Европе (ОЭСР): *www.oecd.org*

Международная организация труда (МОТ):
www.ilo.org

Всемирная торговая организация (ВТО):
www.wto.org

Организация Объединенных Наций (ООН):
www.un.org

Европейский Союз (ЕС): *www.europa.eu.int*

САЙТЫ ПРОФСОЮЗОВ

Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП): *www.icftu.org*

Европейская конфедерация профсоюзов (ЕКП):
www.etuc.org

Профсоюзный консультативный комитет при ОЭСР (ПКК-ОЭСР): *www.tuac.org*

Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов (АФТ-КПП):
www.aflcio.org

Французская конфедерация труда (ФКТ):
www.cfdt.fr

CGT (Генеральная конфедерация труда Франции):
www.cgt.fr

«Форс увриер»: *www.force-ouvriere.fr*

FSU (профсоюз работников образования Франции): *www.fsu.fr*

Профсоюз «Группы десяти» «Солидарность» (Франция): *www.g10.ras.eu.org*

SUD (профсоюз «Солидарность, Единство, Демократия»): *www.sudptt.fr*

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения. М.: УРСС, 2003.

Антология современного анархизма и левого радикализма: В 2-х т. М.: Ультра.Культура, 2003.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: УРСС, 2001.

Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М.: Ультра.Культура, 2003.

Кагарлицкий Б.Ю. Глобализация и левые. М.: Логос, 2002.

Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Практика, 2004.

Кляйн Н. No Logo: Люди против брендов. М.: Добрая книга, 2003.

Майданик К.Л. Эрнесто Че Гевара: его жизнь, его Америка. М.: Ad Marginem, 2003.

Мартини Г.П., Шуман Х. Западная глобализация — атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001.

Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.

Субкоманданте Маркос. Другая революция: Сапатисты против нового мирового порядка. М.: Гилея, 2002.

Хардт М., Негри А. Империя. М.: Практика, 2004.

Хомский Н. 9–11. М.: Логос; Панглосс, 2001.

Хомский Н. Государства-изгои: Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003.

Хомский Н. Классовая война: Интервью с Дэвидом Барзаманом. М.: Практика, 2003.

Хомский Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М.: Практика, 2002.

Хомский Н. Прибыль на людях: Неолиберализм и новый мировой порядок. М.: Практика, 2002.

Шамир И. Хозяева Дискурса: Американско-израильский терроризм. М.: Гилея, 2003.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ САЙТЫ

<http://www.aglob.ru>

<http://www.resist.ru>

<http://www.ikd.ru>

<http://macdonaldz.narod.ru>

<http://www.socialism.ru>

<http://www.antiglobalism.net>

<http://zashita-truda.narod.ru>

<http://russia.indymedia.org>

<http://www.avtonom.org>

<http://www.ecodefense.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие для русского читателя	3
От Сизтла к Порту-Алегри	7
Часть 1. Новый мировой порядок	
Глава 1. Эпоха глобализации	20
«Консервативная революция» Р. Рейгана и М. Тэтчер	
От падения Берлинской стены до войны в Персидском заливе	
Глава 2. Война в Персидском заливе — начало глобального переустройства	35
Преобразование мира	
Трудности США при реализации политики господства	
Глава 3. Глобализация капитала как глобальная революция	49
Новая система накопления	
Споры об империализме	
Часть 2. Глобализация социальных движений	
Глава 1. Социальные движения в новом мировом контексте	75
Глава 2. Общие проблемы всех движений протеста	83
Глава 3. Эволюция основных организаций: профсоюзы	95
Французский опыт	
Jobs with justice	

Teamsters
Steelworkers
Широкие кампании и альянсы

Глава 4. Изменение участников общественной борьбы.

Расцвет общественных движений

134

Новый радикализм в молодежной среде
«Reclaim the Streets»
Радикализация молодежи в США
Забастовка UNAM в Мехико
Крестьянские движения
«Via Campesina»
«Ассамблея бедных» и Движение безземельных
Городские движения
Марши против безработицы
Всемирный марш женщин

Глава 5. Сизтл, Порту-Алегри, Генуя, Флоренция.

«Движение движений»: кампании

и социальные форумы

172

«Юбилей 2000»
Кампания вокруг ВТО
МВФ, Всемирный банк и налог Тобина
Формирование сетевых движений

Заключение

188

Приложение 1

Сайты международных организаций

198

Сайты профсоюзов

198

Приложение 2

Рекомендуемые книги на русском языке

200

Рекомендуемые сайты

201

КРИСТОФ АГИТОН

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ГЛОБАЛИЗМ

Новые мировые движения протеста

Научный редактор

К. Клеман

Редактор и корректор

В.В. Ахметьева

Серийный дизайн

С.А. Стулов

Верстка

А.З. Бернштейн

**СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ
АНТИБУРЖУАЗНАЯ МЫСЛЬ**

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»»

105005, Москва, ул. Фр.Энгельса, 46.

Формат 84×108/32. Гарнитура NewBaskerville.

Заказ 1791. Тираж 1500 экз.